

Абгар Рубенович Иоаннисян

К ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО УТОПИЧЕСКОГО КОММУНИЗМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

МОСКВА: «НАУКА». 1981

A. JOANNISSIAN. SUR LE COMMUNISME UTOPIQUE FRANCAIS DU XIXème SIECLE

В книгу вошли три очерка, посвященные утопическому коммунизму во Франции. В первом анализируются два коммунистических трактата («Философия истинного счастья» и «Золотой век без покрова»). Второй и третий очерки посвящены Жозефу Рею и Жюлю Гею. Приводимые в книге новые материалы дают возможность уточнить ряд вопросов, связанных с путями развития французского утопического коммунизма в эпоху Реставрации и Июльской монархии.

Предисловие

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. ДВА КОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАКТАТА
ОЧЕРК ВТОРОЙ. ЖОЗЕФ РЕЙ и ВОЗРОЖДЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ
ОЧЕРК ТРЕТИЙ. ЖЮЛЬ ГЕЙ и ПУТИ РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО УТО-
ПИЧЕСКОГО КОММУНИЗМА в 30–40-х годах XIX в.

Указатель имен

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Расположение авторских ссылок и примечаний изменено по сравнению с оригиналом. Тематические ссылки даны нами.

А. Иоаннисян. Революция 1848 года во Франции и коммунизм
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm#410334653>

А. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции
http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf

А. Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842-47 гг.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ioann_1842-47.pdf

А. Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-41 гг.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ioann_1840-41.pdf

В. Волгин. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.
http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

В. Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина 19 в.
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf

В. Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_s-simon.pdf

В. Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией
<http://enlightment2005.narod.ru/science/volgin5.pdf>

В. Волгин. Французский утопический коммунизм: к 200-летию со дня рождения Гракха Бабефа
http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В. Волгин. Этьен Кабе
http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Г. Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

П. Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений / пер. с франц. Е. Успенской под ред. и с предисл. М. Зеликмана
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

С. Киясов. Марешаль
<http://narod.ru/disk/10467381000/smarch3.pdf.html>

Х. Момджян. Сильвен Марешаль; вступит. статья к сборнику произведений
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/smarch1.pdf>

Ф. Буонарроти. Заговор во имя Равенства / вступит. статья В. П. Волгина, комментарии В. М. Далина
<http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon1.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon2.pdf>

Теодор Дезаму. Кодекс общности / Перевод с франц. Э. А. Желубовской и Ф. Б. Шуваевой). Комментарии В. С. Алексеева-Попова. Вступительная статья В. П. Волгина
http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона / вступит. статья В. П. Волгина
<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть / комм. В. В. Альтмана, вступ. статья В. П. Волгина
<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Другие работы А. Р. Иоаннисяна можно найти в библиотеке, на сводных страницах

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ioanns>

или в нашем сообществе

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/>

ПРЕДИСЛОВИЕ

История французского утопического коммунизма изучена еще не всесторонне. Хотя мы в целом знакомы с французским утопическим коммунизмом XVIII в. в лице его основных представителей, но многие коммунистические утопии «века Просвещения» остаются еще недостаточно выявленными и изученными. Хотя у нас есть общее представление о коммунистических идеях в годы Великой французской революции, но трудно утверждать, что печатные издания и особенно архивы не хранят еще много новых, до сих пор неизвестных фактов. Хотя мы хорошо знаем о жизни, деятельности и работах Бабефа, однако исчерпывающая история «заговора равных» до сих пор, в сущности, никем не написана. Недостаточно изучен, несмотря на обилие материала, и французский утопический коммунизм 30–40-х годов XIX в. При этом в истории французского утопического коммунизма имеется существенная лакуна — от «заговора равных», до середины 30-х годов XIX в. До последнего времени преобладало даже представление, что в эти годы коммунизм сходит со сцены, полностью уступая место таким системам утопического социализма, как сенсимонизм и фурьеризм, и что лишь под влиянием опубликованной в 1828 г. книги Буонарроти о «Заговоре во имя равенства» к середине 30-х годов во Франции вновь возрождаются и распространяются коммунистические учения. Эта неправильная точка зрения, безусловно, нуждается в пересмотре. Даже в наполеоновскую эпоху коммунистическая традиция продолжала существовать; коммунистические идеи продолжали распространяться во Франции и в годы Реставрации, и на рубеже 20-х и 30-х годов, хотя совершенно бесспорно, что своего наивысшего расцвета коммуни-

стическая пропаганда достигает лишь в период Июльской монархии.

Распространение во Франции в первой половине XIX в. как социалистических систем, так и коммунистических учений было, разумеется, тесно связано с социально-экономическим развитием страны. Великая французская революция покончила с феодальными порядками и утвердила во Франции новый буржуазный общественный строй, основы которого были юридически закреплены в «Гражданском кодексе» и других законодательных актах наполеоновской эпохи. Временное торжество политической реакции в период Реставрации не привело, да и не могло привести, к восстановлению старых феодальных общественных отношений. Несмотря на восстановление монархии Бурбонов, усиление политического влияния старого дворянства и церкви, «союз трона и алтаря», попытки путем выплаты знаменитого «миллиарда» бывшим эмигрантам возродить дворянское землевладение, основы буржуазных социально-экономических порядков не были поколеблены. Более того, начавшаяся еще с конца XVIII в. и успешно развивавшаяся промышленная революция все более укрепляла экономические основы буржуазного общества, еще более выявляя новые социальные антагонизмы, свойственные этому обществу. Развитие капиталистических отношений, обеспечивавшее обогащение имущих классов, ухудшало положение широких народных масс. Крестьянство, хотя и получившее землю в результате революции, все более подпадало под власть ростовщиков и страдало под бременем налогов, а часто вынуждено было и продавать свои земельные наделы. Численный рост рабочего класса, снижение жизненного уровня рабочих, тяжелые условия труда, нищенская заработная плата при 13—14-часовом рабочем дне — все это содействовало развитию рабочего движения, о чем свидетельствовали многочисленные стачки, особенно в последние годы Реставрации, носившие, подчас, уже и политический характер. Июльская революция 1830 г., ликвидировавшая известное противоречие между политической надстройкой и социально-экономической структурой страны, окончательно придавая конституционно-монархическому строю характер буржуазной монархии, полностью выражавшей и защищавшей интересы не старого дворянства, а новой финансовой «аристократии», содействовала

дальнейшему развитию капитализма. Именно в годы Июльской монархии промышленная революция во Франции достигла значительных успехов. Развитие крупной машинной индустрии не исключало того факта, что в стране прочно сохранялось и мелкое производство, и система домашней промышленности. Число ремесленных рабочих даже превышало число индустриальных рабочих. Но невзгоды капитализма с его кризисами, хронической безработицей, мизерными заработками тяжело ощущались всеми категориями рабочего класса. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. возвестили начало новой эры в истории французского рабочего движения. Как экономические причины, так и политическая обстановка Июльской монархии, власть буржуазной олигархии вызывали глубокое недовольство среди всех демократических слоев населения.

Еще в годы Французской революции мечта о социальной справедливости, отражавшая социальные чаяния плебейства, находила свое выражение не только в уравнительных, эгалитаристических идеях, но и в коммунистических идеалах. Более того, еще в эпоху революции коммунизм становится знаменем политической борьбы, выдвигается как конкретная политическая программа. Возникает революционный коммунизм и первое в истории коммунистическое политическое движение — «заговор равных» 1796 г. Но революция не осуществила и, будучи буржуазной революцией, не могла осуществить социальные чаяния плебейства и его идеологов. Общие результаты революции оказались совершенно противоположными.

В условиях горькой действительности нового буржуазного общества, во Франции с самого начала XIX в. не могли не получить распространения социальные учения, направленные против самых основ этого общества и выдвигавшие идеалы более совершенного и справедливого социального устройства. Для первых десятилетий нового столетия характерно прежде всего появление социальных учений нового типа, а именно учений социалистических, которых в эпоху Просвещения не существовало и лишь зародыши которых в форме кооперативных проектов можно обнаружить в годы революции. Уже в период наполеоновской диктатуры Сен-Симон и Фурье публикуют свои первые работы, а в годы Реставрации появляются их основные произведения. После

смерти Сен-Симона в 1825 г. его ученики развили в последовательно социалистическом духе его учение, выдвинув вопрос об обобществлении средств производства, провозгласив лозунг ликвидации эксплуатации человека человеком, впервые сформулировав социалистический принцип: «каждому по его способностям, каждой способности по ее делам». Одновременно Фурье исходя из проектов «ассоциаций» XVIII в. и эпохи революции разработал свой план нового, «гармонического» общества, предусматривавший объединение всего населения в сельскохозяйственно-промышленных ассоциациях — фалангах, т. е. производительно-потребительских товариществах, основанных на акционерно-паевых началах. Фурье, подобно Сен-Симону, не только не был коммунистом, но даже решительно выступал против коммунизма, критикуя не только уравнительность коммунизма XVIII в., но и самый идеал коммунизма как таковой. Социалистические учения сенсимонизма и фурьеризма, резко и подчас блестяще критикуя капиталистическое общество с его социальными антагонизмами, противопоставляли себя, однако, коммунистическим учениям и теориям. Утопический социализм и утопический коммунизм в течение всей первой половины XIX в. противостояли друг другу как две противоположные системы. Лишь научный коммунизм разрешил это противоречие, обосновав историческую роль социализма как первой стадии в развитии коммунистической общественной формации.

Параллельно с социалистическими учениями сенсимонизма и фурьеризма во Франции и в первые десятилетия нового столетия продолжали сохраняться коммунистические традиции, находившие, подчас, свое открытое выражение в новых коммунистических трактатах, хотя исторически связанных с коммунизмом XVIII в., но отражавших уже новую, пореволюционную действительность. Одновременно, в последние годы Реставрации во Франции известное распространение получает новое коммунистическое учение, а именно оуэнизм. Система Оуэна была в те годы в Европе единственно новой социальной теорией, основанной на коммунистических принципах. Неудивительно поэтому, что это новое коммунистическое учение нашло свой отклик и во Франции. Более того, можно сказать, что в период Реставрации именно оуэнизм и являлся основной фор-

мой пропаганды коммунистических идеалов. Следует при этом подчеркнуть, что с самого начала французские оуэнисты стремились приспособить учение Оуэна к французской действительности, связать его с французскими философскими и общественно-политическими традициями.

После 1830 г. положение существенно меняется. Французский оуэнизм продолжал оставаться одной из форм распространения во Франции коммунистических воззрений, причем именно в 30-х годах окончательно оформляется французский вариант оуэнизма, вобравший в себя, в частности, и те идеи фурьеризма, которые не противоречили основным коммунистическим принципам. Но теперь главной формой распространения коммунистических идеалов становится, безусловно, необабувизм. И это было вполне закономерно. Легальная и нелегальная оппозиция режиму Июльской монархии все более ширилась, все более нарастали революционные настроения. Тайные республиканские общества все большее внимание уделяли социальным проблемам. Все это создавало благоприятные предпосылки для быстрого распространения идей революционного коммунизма.

В 40-х годах, в период, непосредственно предшествующий возникновению научного коммунизма, коммунистические идеи во Франции переживают бурный расцвет. В те годы, когда Париж, по крылатому выражению Гейне, все более превращался в лабораторию, в которой непрерывно рождались новые социальные теории, возникают новые коммунистические учения, появляются, пользуясь выражением К. Маркса, «более научные коммунисты», широкое развитие получает коммунистическая пресса. Коммунизм становится одним из общепризнанных и широко распространенных течений французской общественной мысли, которому уделяли внимание и даже посвящали специальные труды не только французские, но и зарубежные авторы. Коммунистическая пропаганда во Франции оказывала мощное воздействие на другие страны. Именно это бурное распространение коммунистических идей, хотя еще и не носивших научного характера, и дало возможность К. Марксу и Ф. Энгельсу начать «Манифест коммунистической партии» знаменитыми словами: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма».

Какова же была социальная база распространения коммунистических идей во Франции? В эпоху Великой французской революции коммунистические идеи находили питательную среду в чаяниях и стремлениях широких плебейских масс, в движении городских санкюлотов и в движении сельской бедноты. Лишь после термидора происходит процесс политической дифференциации внутри плебейства, выделение из плебейской массы рабочих как особой социальной группы, со своим особым мировоззрением. Поэтому в «Манифесте коммунистической партии» бабувистская литература рассматривается уже как выражающая требования пролетариата¹. В первой половине XIX в. распространение коммунистических идей во Франции, особенно идей революционного коммунизма, отражало, бесспорно, стремления и чаяния рабочего класса. Даже те элементы мелкобуржуазных настроений, которые мы находим подчас у тех или иных коммунистических мыслителей, объяснялись аналогичными настроениями, не изжитыми еще у рабочих той эпохи, большая часть которых принадлежала к категории ремесленных рабочих. Сами коммунистические идеологи все больше и все чаще говорят о рабочих, о наемных тружениках, о пролетариате, правда, используя эти термины в самом широком смысле. Улучшение положения именно этого класса общества, освобождение его от эксплуатации становится одной из их основных целей. Но они, как правило, видели в пролетариате лишь наиболее страдающий класс буржуазного общества и не понимали его исторической роли. В этом наряду с незнанием законов общественного развития и заключался их утопизм, ненаучный характер их учений и теорий. Даже представители революционного коммунизма, такие, как Дезами, которые говорили о неизбежности социальной революции и даже иногда называли ее революцией пролетариата, не только подразумевали под пролетариатом обездоленные народные массы в целом, но и не были способны обосновать неизбежность и закономерность этой революции. Однако так или иначе коммунистическая идеология все больше утверждала себя как идеология рабочего класса.

Иной была судьба социалистических систем. Сенсимонисты и фурьеристы с течением времени все нагляднее превращались в обычных буржуазных реформаторов. «Таким образом,— писал впоследствии Энгельс,— в 1847 г. социализм был буржуазным движением, коммунизм — движением рабочего класса»².

Предлагаемые вниманию читателей три очерка преследуют лишь скромную цель — частично пополнить наши сведения о французском утопическом коммунизме первой половины XIX в. В первом из них рассматриваются два коммунистических трактата, написанные в наполеоновскую эпоху и в последние годы Реставрации и несколько заполняющие лауну в истории коммунистических идей между концом XVIII в. и периодом Июльской монархии. То же можно сказать и о втором очерке, посвященном одному из малоизученных, но очень интересных представителей французского утопического коммунизма — Жозефу Рею и распространению во Франции еще до Июльской революции 1830 г. коммунистического учения Оуэна. Наконец, третий очерк посвящен Жюлю Гею. В нем прослеживаются дальнейшие судьбы французского оуэнизма в 30-х годах XIX в., а также последующая, относящаяся уже к 40-м годам деятельность Гея, которого К. Маркс наряду с Дезами относил к числу «более научных коммунистов». В целом эти очерки дают возможность уточнить ряд вопросов, связанных с путями развития французского утопического коммунизма в эпоху Реставрации и Июльской монархии.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 455.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 367.

ДВА КОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАКТАТА

I

Сразу же после захвата власти Наполеон воспользовался первым удобным предлогом, чтобы расправиться с теми, кого он считал своими заклятыми врагами. После взрыва «адской машины» 30 декабря 1800 г. — покушения на его жизнь, подготовленного и осуществленного роялистами, он подписал указ о высылке все еще находившихся на свободе 129 бывших якобинцев и участников «заговора равных». Наполеон, еще в 1796 г. осуществивший лично предписание Дирекции о закрытии клуба Пантеона, хорошо сознавал опасность, грозившую новому буржуазному правопорядку, сложившемуся во Франции после революции, со стороны тех, кто боролся не только за революционно-демократические идеалы якобинцев, но и за социальное равенство. Самый лозунг «общее счастье» (*bonheur commun*), столь распространенный в эпоху якобинской диктатуры, включенный в конституцию 1793 г. и ставший затем основным лозунгом «равных», рассматривался в эпоху наполеоновской диктатуры как крамольный.

Нельзя поэтому удивляться, что в 1809 г. наполеоновская полиция конфисковала опубликованную в конце этого года книгу, вышедшую под названием «*La Philosophie du Ruvagebohni*». Анаграмма *ruvagebohni* легко поддавалась расшифровке. Она означала не что иное, как «*le vrai bonheur*» — «истинное счастье». Эта «философия истинного счастья» не могла, разумеется, привлечь внимания наполеоновских властей, которые, ознакомившись с содержанием этого произведения, сразу же приняли меры, чтобы не только его запретить, но и уничтожить весь тираж.

Долгое время это произведение было известно лишь по своему заглавию; даже библиографы не могли найти

ни одного его экземпляра. Эта книга впервые была упомянута в 1824 г. в известном словаре Барье «*Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes*» как анонимное произведение, изданное около 1805 г. В 70-х годах XIX в. ею заинтересовался известный библиограф Лакруа (Жакоб). Лакруа сделал попытку отождествить «Истинное счастье» с последним, утерянным произведением Ретифа де ля Бретона¹. По свидетельству поэта и литератора Кюбьер-Пальмезо, написавшего в 1811 г. очерк о Ретифе и его литературном наследии, Ретиф в последние годы жизни работал над произведением под названием «*Catéchisme de morale, physique, religieux et politique*», являвшемся дополнением как к его философскому трактату «*Philosophie de monsieur Nicolas*», так и к тем частям его автобиографии, где он излагал свою «мораль» и «политику». Именно с этим «катехизисом» и пытался отождествить Лакруа «*Philosophie du Ruvagebohni*»². Но Лакруа строил свою гипотезу лишь на основе ряда предположений, не имея под рукой этой книги. Несмотря на это, и Дюрен в своей библиографии также причисляет «Истинное счастье» к числу работ Ретифа³, а Гуго Линдеман рассматривает это произведение в своей статье, посвященной Ретифу, как сочинение, если и не написанное последним, то, во всяком случае, составленное на основании его рукописи⁴.

Нам в свое время пришлось уже, упоминая об «Истинном счастье» как о весьма интересном коммунистическом трактате эпохи Наполеона, указать на необоснованность всех этих предположений⁵. Дело в том, что, видимо, ни Дюрену, ни Линдеману не была известна работа другого французского библиографа де Раша. Заинтересовавшись загадкой «Истинного счастья», он приложил немалые усилия, чтобы разыскать это, казалось, бесследно исчезнувшее произведение. Наконец в 1875 г. ему удалось найти экземпляр этой книги в Гре-

¹ О Ретифе де ля Бретоне и его коммунистических воззрениях см.: Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966, с. 178—248.

² Jacob P. L. Bibliographie et iconographie de tous les ouvrages de Restif de la Bretonne. Paris, 1875, p. 430—433.

³ Dühren E. Rétif Bibliothek. Berlin, 1906.

⁴ Lindemann H. Rétif de la Bretonne.— In: Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung, Bd. III. Berlin, 1913.

⁵ См.: Иоаннисян А. Р. Генезис общественного идеала Фурье. М., Л., 1939, с. 185—186.

нобле. Немного спустя, он обнаружил и авторский экземпляр с рукописными примечаниями и добавлениями. В 1881 г. он переиздал текст этого произведения, но крайне ограниченным тиражом, в результате чего и это переиздание представляет в настоящее время библиографическую редкость⁶.

Кто же является автором этого произведения⁷ и как оно появилось в свет? На титульном листе указаны два автора P.I.J.S. и Nicolas Bugnet. В авторском экземпляре имеются рукописные примечания вышеупомянутого Бюнье от сентября 1811 г. и от 29 октября 1813 г., а также копия его письма от 20 декабря 1811 г. известному в то время доктору Голлю. Все эти документы, напечатанные Рашем при переиздании «Истинного счастья», содержат сведения об обстоятельствах опубликования этого произведения и его авторе.

Бюнье родился в 1749 г., а его друг Спонвиль (Pierre-Ignace Jaunez-Sponville) в 1750 г. Впервые Бюнье встретился со Спонвилем в 1779 г. в Петербурге, где он проживал уже два года и куда Спонвиль приехал по делам. С тех пор они стали близкими друзьями.

По словам Бюнье, в период революции Спонвиль был арестован. В делах Комитета общественного спасения нам удалось обнаружить четыре документа, относящиеся к его аресту⁸. Следовательно, мы имеем и

документальное подтверждение правильности того, что сообщал впоследствии Бюнье в своих рукописных заметках о себе и своем друге.

Бюнье и Спонвиль уже в молодости «очень волновали несчастья, одолевающие человека». Это составляло постоянную тему их бесед в течение 25 лет. В 1804 г. у Спонвиля возникла мысль изучить природу естественного человека, чтобы найти ответ на волнующие их вопросы. В течение этого года они неоднократно говорили об этом. В феврале 1805 г. Спонвиль провел пятнадцать дней у Бюнье на его даче в окрестностях Парижа. Там они подвели первые итоги своих размышлений и Спонвиль записал все пункты, по которым они пришли к соглашению. Основной их вывод заключался в том, «что пороки человека, которые порождают почти все его несчастья, проистекают от социальных институтов». Но в то время они еще не знали, как ликвидировать эти пороки. Бюнье не был удовлетворен тем, что предлагал его друг, который и сам не имел на этот счет твердо установившихся взглядов.

Через несколько дней после возвращения в Париж Спонвиль скоропостижно скончался. Спустя три года, в конце 1808 г., Бюнье опубликовал на основе сделанной Спонвилем записи брошюры под названием «Социальный катехизис»⁹. Сам он, однако, продолжал искать средства к искоренению пороков, преступлений, всех бедствий и несчастий человеческого рода. В результате он написал первую часть «Философии истинного счастья», которая была напечатана в последние месяцы следующего, 1809, года. Бюнье поспешил разослать «большому числу лиц» эту книгу, которая «не была объявлена и не поступила в продажу». Это последнее сообщение Бюнье представляет особый интерес. Оно объясняет, каким образом сохранилось несколько экземпляров «Истинного счастья»: то были, несомненно,

⁶ Le Ruvarebohni (Le vrai bonheur) réédité d'après un exemplaire échappé au pilon de la Haute Police impériale par Carl de Rash. Paris, 1881, t. I, II. На экземпляре, хранящемся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, имеется пометка карандашом М. Неттлау от 24 февраля 1912 г., в которой указывается, что, кроме двух экземпляров, обнаруженных Рашем, имеются лишь три экземпляра оригинального издания в Национальной библиотеке в Париже, в Британском музее и в его личной коллекции.

⁷ Полное название этого произведения, экземпляр которого и сейчас находится в Национальной библиотеке в Париже, следующее: La Philosophie du Ruvarebohni, ou Recit dialogué des moyens par lesquels les Ruvareheuxis, habitants de ce pays, ont été conduits au vrai et solide bonheur. Par feu P.I.J.S. et Nicolas Bugnet. [S.l., s. a.]. T. I.

⁸ Archives nationales, AF II, 60, N 437, p. 76; N 438, p. 5, 6. Первый документ — приказ об аресте гражданина Спонвиля, «служащего национального казначейства». Второй документ — протокол обыска на его квартире по улице Жан-Жак Руссо, № 356, составленный комиссаром полиции секции «Общественного договора», в котором сказано, что в его вещах и бумагах не было найдено ничего подозрительного. Третий документ — письмо Спонвиллю, подписанное неким Робером, в котором тот извещает его, что он послал

протокол в Комитет общественного спасения, с тем чтобы его (Спонвиля) немедленно освободили. Четвертый документ — постановление Комитета общественного спасения об освобождении Спонвиля на основании протокола обыска на его квартире.

⁹ Catéchisme social ou exposition familière des principes posés par feu P.I.J.S. dans un ouvrage inédit, auquel il a donné pour titre: Recherches sur la nature des êtres sensibles. Par Nicolas Bugnet. Paris, 1808. Экземпляр этой брошюры имеется в Национальной библиотеке в Париже. Ее текст перепечатан Рашем при переиздании «Истинного счастья».

экземпляры, разосланные Бюнье своим знакомым. Весничная утопия в духе традиционных утопий XVI—XVIII вв. Изложение ведется от имени автора, который, сразу уничтожив потерпев кораблекрушение, попадает в неведомую страну, где некий англичанин, давно там проживающий, рассказывает ему, как ее обитатели достигли счастья, а затем совершает с ним путешествие по сделанным Спонвилем в 1805 г. в результате их совмещенных, чтобы он мог лично убедиться в этом. В книге истинных бесед. Текст этой брошюры вполне подтверждает использованные анаграммы, которые легко поддаются расшифровке: *ruvarebohni* — истинное счастье; обитатели никаких определенных представлений о реформе общестраны *icarnafts* — французы, впоследствии принявшие название *ruvareheuxis* — истинно счастливых; их властелин *Ponelano* — Наполеон.

Как видно из приведенных выше данных, первая брошюра, опубликованная Бюнье («Социальный катехизис»), была составлена им на основании записей, сделанных Спонвилем в 1805 г. в результате их совмещенных, чтобы он мог лично убедиться в этом. В книге истинных бесед. Текст этой брошюры вполне подтверждает использованные анаграммы, которые легко поддаются расшифровке: *ruvarebohni* — истинное счастье; обитатели никаких определенных представлений о реформе общестраны *icarnafts* — французы, впоследствии принявшие название *ruvareheuxis* — истинно счастливых; их властелин *Ponelano* — Наполеон. Описывая положение икарнафов до осуществления ре его идей и лишь в самой общей форме указывалось, что чем больше социальные институты какого-нибудь народа устанавливают гармонию и согласие между членами общества, тем больше этот народ счастлив. Хотя у икарнафов были развиты науки и искусства, они были несчастливы. «Мощные политические потрясения, вызванные недовольством, ощущавшимся от подножья трона до хижины пастуха, вносили в их судьбу некоторые изменения, всегда купленные дорогой ценой, но редко улучшения»¹¹. В этой связи автор дает резкую оценку Французской революции. Его мысль сводится к тому, что революция эта, по существу, ничего не изменила. Все пороки и порочные страсти, вызвавшие революцию, пережили ее; лица, возвысившиеся во время революции, некогда разоблачавшие надменность, честолюбие, злоупотребления знатных, сами стали носителями всех этих страстей в еще большей мере, чем те, которых они низвергли. Революция оказалась, таким образом, бесплодной с точки зрения совершенствования человеческого рода (I, 226—227).

Что же касается «Истинного счастья», то фактически оно было написано им три года спустя после смерти Спонвиля. В этом произведении изложены идеи о реформе общества и о коммунистическом общественном строе, самостоятельно разработанные Бюнье в период между 1805 и 1808 гг. Поэтому, несмотря на то что в память о покойном друге и их многолетнем сотрудничестве Бюнье и поставил его имя наряду со своим титульным листе, он по справедливости должен быть признан единственным автором этой книги. Впрочем и сам он в своих примечаниях говорит об «Истинном счастье» как о своей работе.

Из титульного листа и из этих примечаний видно также, что опубликованная книга рассматривалась Бюнье лишь как первая часть его труда. Продолжения, однако, так и не последовало. Очевидно это следует приписать полицейским преследованиям, которым подверглось его произведение, а также болезненному состоянию и старости автора, на что он сам горько жаловался. О его дальнейшей судьбе нам ничего не известно. Мы знаем лишь, что он умер 4 мая 1822 г. в возрасте 73 лет.

«Истинное счастье»¹⁰ по своей внешней форме — ти

¹⁰ Об «Истинном счастье» см.: Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1960, с. 90—93; Иоаннисян А. Р. Из истории утопического коммунизма во Франции в начале XIX столетия. — Новая и новейшая история, 1961, № 3.

¹¹ Le Ruvarebohni... réédité par Carl de Rash, t. I, II. (Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках с указанием тома — римскими цифрами и страниц — арабскими).

Особенно тяжелым были последствия войн, так как даже «самые блестящие, самые непрерывные успехи в войне всегда влекут за собой ужасные общественные бедствия» (I, 20). У Понелано было много недоброжелателей и критиков; имелось множество «недовольных», которые не желали понять, что для избежания общественных потрясений надлежало сплотиться вокруг власти, «хотя бы она и совершала тяжелые ошибки» (I, 23).

Подобные высказывания превращают «Истинное счастье» в интересный документ эпохи. В этом произведении, написанном в момент наивысшего расцвета наполеоновской империи, мы находим отголоски общественного недовольства режимом Наполеона и прежде всего его бесконечными войнами, недовольство, которое все больше распространялось во Франции и спустя несколько лет привело к его падению.

В современном обществе, читаем мы далее, продолжают существовать зависть, соперничество, ненависть между отдельными классами общества, между хозяевами и слугами, ведется скрытая война между всеми гражданами, число несчастных растет с каждым днем; все более распространяются пороки, даже среди тех классов, у которых долгое время были простые и чистые нравы (I, 25, 32, 96, 242). В настоящее время человек — «это животное, жаждущее денег» (I, 224). Каждый стремится приобрести побольше денег любой ценой. Между членами общества ведется жестокая, кровавая борьба. Борьба эта изолирует людей, порождает пагубные страсти и преступления. Личные интересы отдельных лиц резко противоречат друг другу, а также общественным интересам. Всеобщий эгоизм — вот характерная черта современного общества. Эгоизм руководит всеми людьми, он является движущей силой как знатного лица, так и нищего (I, 212—213, 221, 222; II, 12).

Дабы показать это всеобщее противоречие интересов, Бюнье приводит ряд примеров, весьма напоминающих соответствующую аргументацию Фурье. Пастух, плохо выполняющий свои обязанности и обманывающий своего хозяина, тайно крадет молоко и шерсть, чтобы увеличить свое жалование, которого не хватает на удовлетворение нужд его семьи. Поденщик и чернорабочий, вынужденные предоставлять свое время и свои руки за очень низкую плату, стараются минимально использовать их для тех, кто им платит. Земледелец проклинает

хороший урожай, который требует от него больше забот и дает ему меньше выгоды. Ремесленник использует негодный материал и заставляет заказчика платить за него, как за материал высшего качества. Торговцы и коммерсанты прибегают для обмана покупателей к хитрости, притворству и лжи. Должностные лица смотрят на свое место, как на источник дохода. Священники стремятся укрепить свое господство самыми коварными способами и не гнушаются восстанавливать одних граждан против других. Такая же взаимная зависть и такой же разлад существуют даже внутри семейств; дети еще до смерти родителей спорят из-за наследства (II, 13—14, 16).

Вместо того чтобы взаимно помогать друг другу, люди стремятся друг другу вредить. От этого страдают все слои общества, как бедные, так и богатые. Такой строй не может никому дать счастья; человек постоянно мучается, пребывает в вечной тревоге. Кто может быть истинно счастлив, видя невзгоды миллионов других людей? (I, 222, 236, 242—243; II, 26).

Автор, однако, указывает на тот общественный слой, который, по его мнению, наиболее страдает от современного общественного строя и является наиболее несчастным и забытым. «Существует класс граждан, судьбой которого законодатели всех стран и всех времен вообще мало занимались. Быть может, Понелано совершил ту же ошибку. Это класс несобственников» (I, 6). Говоря о классе несобственников в целом, автор в то же время особо выделяет тех, кто живет своим трудом — «класс, наиболее бедный среди несобственников, который добывает себе средства существования своим трудом» (II, 62). Тот, «все состояние которого заключается в его руках», может кое-как заработать себе на жизнь, «но когда по возрасту или в результате несчастного случая он лишается возможности пользоваться ими, что должно с ним стать?» (I, 26). Между тем правительства проявляют в отношении несобственников весьма опасное безразличие. Писатели или игнорируют их, или говорят с пренебрежением о том многочисленном классе, который они называют «народ» и даже более презрительно «чернь», хотя именно этот класс и состоит из людей, наиболее трудолюбивых и наиболее несчастных. Среди несобственников особенно тяжело положение женщин. Девушки часто не могут найти работу;

к тому же их заработок весьма ничтожен. Многие не имеют возможности выйти замуж. А сколь трудно женонам в условиях нужды заботиться о семье! Необходимо поэтому согласиться, что класс несобственников, самый многочисленный из всех, не выиграл, а проиграл от цивилизации (I, 237; II, 59—60).

Условия существования этой огромной массы полезных граждан являются основной причиной волнений и революций. Хотя автор относится к революциям отрицательно, но он считает их неизбежными при существующем общественном строе. «Что касается революций... как бы они ни были малопродуктивны, сколь бы ни были пагубны их следствия... то, хотя путем осторожности и умения или с помощью наказаний, быть может, можно их отдалить, все же они останутся неизбежными до тех пор, пока сама суть вещей не будет изменена» (I, 12).

В основе общества лежит «радикальный порок». Чтобы его обнаружить и установить, необходимо изучить природу человека. Люди достигли большого прогресса в области индустрии, искусств и наук, особенно математических. Однако наука о человеке все еще находится в младенческом состоянии. Между тем это важнейшая наука, единственная, которая может улучшить общественные условия и обеспечить людям счастье на земле. Без знания законов природы, относящихся к человеку, нельзя идти по пути совершенствования. Необходимо поэтому открыть и изучить эти законы. Это даст возможность составить правильное суждение о социальных институтах и найти средства для создания прочной ассоциации, обеспечивающей согласие и счастье (I, 31 и сл., 124—125, 174, 220).

Человек отнюдь не является злым по природе; его делают злым общественные условия. Он способен к бесконечному совершенствованию. Человек отличается от животных тем, что имеет потребность жить вместе с себе подобными, жить в обществе. Если первоначально люди жили изолированно, то это длилось очень короткое время, не более нескольких поколений. «Как только два человека объединились, чтобы более надежно добывать себе пропитание, было положено начало обществу» (I, 77—78). Первым общественным установлением явилась семья; вскоре отдельные семьи объединились для совместной охоты. В дальнейшем, когда в связи с ростом населения стало труднее добывать пропитание

одной охотой, они приручили животных и стали использовать орудия труда. Цель общества состояла, следовательно, в том, чтобы совместно заботиться о пропитании. Поэтому люди вместе добывали пищу и все делили поровну (I, 78—79, 87—88, 93; II, 4). «Любовь к труду была первой общественной добродетелью, а лень стала первым пороком» (I, 96). Земля не была поделена и каждый брал себе, что мог, по потребностям. У отдельных семейств были домашние животные, но так как все имели приблизительно одно и то же, то не существовало воровства и понятие собственности являлось еще очень слабым.

Однако вскоре все изменилось. Возникло неравенство во владении стадами. Спустя некоторое время, после открытия металлов и перехода к земледелию, произошел раздел земли между отдельными семьями и неравенство еще более усилилось. Многие не получили земли, другие вынуждены были впоследствии отказаться от своей доли. Все эти неимущие не имели другого выхода, как работать на собственников, которые стали ими повелевать. Одни оказались в крайней нужде, другие — без работы. Возникла нищета, а вместе с ней преступления и пороки. В то же время, когда семьи размножились, они стали объединяться в орды и выбирать себе вождей, положив тем самым начало самодержавной власти, а также войнам (I, 97, 99—125, 127—132).

С тех пор только и слышны жалобы на общественные бедствия. Это значит, что люди так и не нашли настоящей причины зла, что они не руководствовались верными идеями. В «Истинном счастье», как и в «Социальном катехизисе», уделяется много места рассуждениям о происхождении человеческих идей. Теория, там излагаемая — сенсуализм, приводящий подчас к материалистическим выводам. Человек познает мир с помощью своих органов чувств, мышление же является свойством мозга. Бюнье сам указывает, что подобные воззрения могут дать повод к обвинению в материализме, заявляя в этой связи, что слова и термины не имеют значения, а имеет значение лишь истина (I, 251 и сл.). Однако, подобно многим мыслителям XVIII в., автор «Истинного счастья», являясь материалистом в теории познания, в своих общественных воззрениях продолжает оставаться идеалистом, рационалистом. «Нами руководят наши идеи», «лишь идеи

воздействуют на нас и движут нами» — эта мысль повторяется им неоднократно. Правда, он считает, что господствующие идеи зависят от общественного строя, от социальных институтов. Но дело в том, что по его убеждению сами эти институты создаются по воле отдельных людей, создаются законодателями. «Слишком легко вообразили, что человек является старым; он находится лишь в периоде детства... Необходимо только одно благоприятное обстоятельство, чтобы заставить его сделать гигантские шаги в направлении верных идей и счастья: ему нужен лишь законодатель» (I, 169). Хорошие социальные институты «могут возникнуть лишь из воззрений гениального человека, облаченного большой властью» (II, 52). Законодатель, познав причины общественного зла и восприняв верные идеи, может изменить социальные институты, что, в свою очередь, приведет к распространению этих идей и сделает их господствующими.

Основная причина всех общественных бедствий — наличие индивидуальных семейств и частной собственности. Когда люди были немногочисленны, индивидуальные семьи были необходимы, но для общества они вредны. Роковая ошибка людей заключается в том, что, создавая общество, они сохранили индивидуальные семьи, вместо того чтобы слить их в одну общую, единую семью. В результате и возникло то противоречие частных интересов, которое явилось причиной всех общественных бедствий (II, 20—21, 269). Это произошло потому, что наличие индивидуальных семейств породило частную собственность, которая, в свою очередь, обусловила зависть, вражду, войны. Говорят, что собственность является естественным правом. Да, это естественное право: даже животные имеют собственность — свои гнезда, логовы, улья. Но у них собственность не индивидуальная, а общая. Разве человек не должен был в один прекрасный день почувствовать, «что он совершил бы мудрый поступок, наиболее выгодный для него, превратив свое право исключительной и индивидуальной собственности в право собственности общественной и всеобщей» (*commune et générale*)? (II, 40—41). Некоторые законодатели думали искоренить социальные бедствия или путем аннулирования долгов, или путем раздела земель, но все это не могло дать никаких результатов. Необходимо было исходить из заповедей хри-

стианства, основанных на «общности имуществ» (II, 27—28).

Бюнье, таким образом, решительно отвергает уравнивательные идеалы, в том числе и столь распространенный в период Французской революции лозунг «аграрного закона», провозглашая общность имуществ единственной разумной и справедливой основой общества. Лишь строй, основанный на общности имуществ, может обеспечить людям счастье, так как лишь в этом случае личные интересы будут совпадать с общественным интересом, люди будут не ненавидеть, а любить друг друга (I, 194, 199, 226).

Как же добиться этого, как претворить в жизнь этот счастливый общественный строй? Описание реформ, осуществленных среди икарнафов, и служит ответом на этот вопрос.

Основная мысль автора сводится к тому, что коммунизм нельзя установить сразу, одним росчерком пера. Необходимо время для перестройки общества на новых началах. Понелано, познав природу человека и доискавшись до причин общественного зла, приступил к целому ряду реформ, носивших, однако, подготовительный характер. Он прежде всего разработал меры для облегчения участи несобственников, и в первую очередь наиболее бедного класса, живущего своим трудом. В этих целях в каждом округе были учреждены больницы с различного рода мастерскими. Заболевший труженик поселялся там вместе с женой и детьми. Пока его лечили, члены его семьи работали в мастерских, а дети, кроме того, и обучались. Там же он жил и работал с семьей в случае болезни жены. Одновременно под контролем правительства стало широко практиковаться усыновление несобственников зажиточными людьми. Сближению бедных и богатых и распространению среди молодежи верных идей содействовала и служба в армии. Спустя некоторое время, при преемнике Понелано, была введена единая система обучения. Дети теперь получали в школах одинаковое образование. Им внушали правильные принципы, и они проникались убеждением, «что общество и частная собственность являются несовместимыми». С течением времени судебные органы оказались излишними и люди, в них служившие, стали работать в учебных заведениях и иных учреждениях (II, 53—54, 62—64, 71—72, 75).

Так постепенно была подготовлена радикальная реформа общества. Она была осуществлена при Понелато V, когда была установлена общность имуществ. Это последний отказался от власти и стал простым гражданином. С тех пор икарнафы вместе со своими союзниками, тоже установившими у себя новые общественные порядки, приняли совместное имя «истинно счастливых».

В конце книги описывается эта идеальная страна т. е. описывается коммунистическое общество в том виде, как представлял его себе автор. Основу этого общества составляют общины, «коммуны». После установления новых социальных порядков все населенные пункты были перестроены. Города, эти противостественные скопления людей, являвшие прежде зрелище бесчисленных противоречий и самой ужасающей нищеты, были ликвидированы: от них остались лишь здания, используемые как общественные склады и для других общественных нужд. Все население было сосредоточено в поселениях (hameaux). Этот термин не следует, однако, понимать в смысле населенного пункта. Это — окруженное садами единое обширное здание, которое сам автор сравнивает с монастырями, только лишенными своего мрачного вида. В нем имеются отдельные помещения для пятидесяти пар, обширные залы для собраний, а также различные склады. Все проживающие в этом здании члены коммуны вместе трудятся, а вечером развлекаются музыкой, пением, танцами (II, 89, 90). Все принадлежит всем, каждый трудится для общего блага (II, 86). Женщины пользуются полным равноправием; наряду с мужчинами они участвуют во всех работах, как сельскохозяйственных, так и ремесленных, занимаются науками и искусством. Индивидуальных семейств в собственном смысле этого слова не существует, хотя браки и регистрируются коммуной (II, 96—97, 101, 112).

Все дети принадлежат обществу. Когда их отрывают от груди, их помещают в особые «дома обучения». Поэтому в коммунах нет детей, кроме грудных младенцев. В основе образования лежит обучение труду. Дети сперва изучают теорию и практику сельского хозяйства, сами обрабатывая землю. Затем их обучают различным ремеслам и искусствам. В процессе обучения труду изучаются и различные науки. Поскольку уже в школе

выясняется, кто к чему способен, то по окончании школы юношей и девушек сразу же направляют на соответствующую работу (II, 94, 98, 103—107). Не существует какого-либо превосходства одной профессии над другой, и все граждане пользуются одинаковым благополучием и одинаковыми жизненными удобствами. Это не значит, что в коммунах все нивелировано. Одежда у всех богата и изящна, но разнообразна, каждый руководствуется своим личным вкусом (II, 110).

Отдельные коммуны отнюдь не являются самодовлеющими, обособленными хозяйственными единицами. Наоборот, они тесно связаны друг с другом, и все хозяйство страны представляет единое целое, построенное на рациональной, научной основе, в частности на правильном использовании земель. Прекрасные широкие дороги, окаймленные тройным рядом деревьев, и многочисленные каналы дают возможность беспрепятственно перебрасывать сельскохозяйственные продукты и промышленные изделия с одного конца страны в другой и равномерно их распределять между всеми коммунами исходя из потребностей каждой из них. Остаток же хранится в общих складах, где всегда имеется запас на несколько лет. Что касается произведений искусства и естественноисторических достопримечательностей, то они сосредоточиваются в специальных зданиях, где в дни отдыха собираются коммуны округа, куда приводят детей окружных школ и где организуются празднества и развлечения (II, 86, 88, 109, 110—111, 123—124).

Общественный строй, основанный на общности имуществ, создает предпосылки для необычайного расцвета производительных сил и небывалого повышения уровня жизни. Поскольку больше нет солдат, финансистов, торговцев, духовенства, чиновников, всегда имеются в изобилии рабочие руки для полезного труда, для осуществления самых грандиозных общественных работ. Совместная жизнь упраздняет бесцельное расточительство съестных припасов, горючего, неизбежное при наличии частных хозяйств (II, 87, 124—125). В то же время широкое применение машин крайне облегчает труд и дает возможность обеспечить большое изобилие.

Следует сказать, что этот вопрос — вопрос о широком применении машин и научных открытий — занимает одно из центральных мест при описании коммунистиче-

ского общества. «Здесь,— указывает автор,— с помощью людей делают лишь то, что нельзя пока делать с помощью вещей. Наши механики... неистощимы в изобретении машин, способных облегчить и сократить работу» (II, 108). Агронимические науки, механика, физика и химия достигли у икарнафов успехов, которых раньше нельзя было и предвидеть. Благодаря усовершенствованию земледельческих орудий, открытию новых удобрений сельское хозяйство обеспечивает изобилие продуктов, хотя на это затрачивается в два раза меньше труда. Машины используются всюду; имеются даже механические бойни с соответствующим оборудованием. Именно благодаря применению машин и удалось осуществить в относительно короткий срок грандиозное дорожное строительство. Успехи химии и медицины дали возможность оздоровить жилища, ликвидировать заразные болезни, эпидемии и обеспечить долгую и здоровую старость. Развитие науки и техники привело к созданию новых мощных средств обороны. Химики открыли состав, с помощью которого можно в несколько секунд уничтожить большую армию. Развитие авиации сделало возможным нанесение неприятелям ударов с воздуха (II, 84, 87, 94, 108, 109, 118, 121). Вот какие перспективы грандиозного научного и технического прогресса рисует автор «Истинного счастья», повествуя об обществе будущего.

Бюнье предвидит, что его книга будет встречена в штыки, искажена, оклеветана. Вряд ли найдутся люди, которые в настоящее время захотели или смогли бы решиться принять образ жизни «истинно счастливых». Как бы то ни было, победа истины неизбежна. Быть может, сам он и не доживет до этого времени, но настанет день, когда люди признают ее (II, 130).

Таков этот интересный коммунистический трактат. Произведение это непосредственно связано с французским утопическим коммунизмом «века Просвещения». В его основе лежит рационалистическое мировоззрение, столь характерное для коммунистических идеологов XVIII в. Подобно своим предшественникам, автор «Истинного счастья» осуждает общественный строй, основанный на частной собственности, как противоречащий человеческой природе, провозглашает общую собственность «естественным правом» и обосновывает коммунизм чисто рационалистически как естественный

и разумный общественный строй. Он считает, что для осуществления коммунизма достаточно лишь раскрыть «законы природы», относящиеся к человеческому обществу; опираясь на них, любой «законодатель» может установить новые, коммунистические порядки.

Мы уже отмечали, что в вопросах гносеологии «Истинное счастье» исходит из сенсуализма XVIII в. Описание этапов развития человеческого общества, перехода в связи с ростом народонаселения от охоты к скотоводству, от скотоводства к земледелию, рассуждения о происхождении частной собственности и неравенства также связаны с общественными теориями «века Просвещения», прежде всего с учением Руссо, хотя Бюнье, подобно Мабли и другим коммунистическим теоретикам той эпохи, и отрицает тезис Руссо о естественном человеке как изолированном индивидууме, считая человека существом общественным. Столь же традиционна и трактовка принципов христианства как принципов коммунистических, обосновывающих общность имущества.

Но при всем том «Истинное счастье» — произведение XIX столетия, написанное уже в условиях буржуазного общества и непосредственно отражающее новую, пореволюционную действительность. Автор выражает явное разочарование социальными результатами Французской революции. Он критикует режим Наполеона, его бесконечные войны. Осуждая существующий общественный строй, основанный на частной собственности, и констатируя раздирающие общество социальные противоречия, он указывает на несобственников как на тот общественный слой, который больше всех страдает от современных общественных условий. Более того, он выделяет среди несобственников самый бедный класс, «который добывает себе средства существования своим трудом». Именно на этот класс он и призывает обратить внимание, именно улучшение положения этого класса он и провозглашает ближайшей и непосредственной целью общественной реформы. Считая необходимым немедленно улучшить участь несобственников, живущих своим трудом, еще до полного коммунистического преобразования общества, Бюнье наряду с традиционными для эгалитаристической и коммунистической литературы XVIII в. мероприятиями по сближению бедных и богатых (совместное обучение, усыновление бедных граждан зажиточными людьми и т. д.) предусматривает органи-

зацию больниц-мастерских, предоставляющих лечебную работу трудящимся и их семьям. Понятие класса у утопического «Истинного счастья» довольно неопределенное: употребляет этот термин то в более широком смысле, включая в один класс всех несобственников, то в более узком смысле, выделяя в отдельный класс несобственников, живущих трудом своих рук. Но так или иначе прямо указывает на наемных тружеников как на парней современного ему общества. Утопический коммунизм XVIII в., противопоставлявший «бедных» «богатым», отделял их от общей массы незажиточных людей, в том числе и мелких собственников. Это отражало реальное положение вещей, когда в условиях феодального строя и мануфактурного производства они являлись лишней частью общей плебейской массы. Утопический социализм и коммунизм XIX в. говорит уже о рабочем классе особой общественной группе, как о наиболее угнетенной и несчастной части общества. И именно в «Истинном счастье» мы находим одну из первых формулировок этой мысли.

Описание коммунистического общества занимает в этом произведении относительно небольшое место и является столь детальным, как в других коммунистических трактатах и утопиях. Автор исходит из общинных идеалов XVIII в., предусматривая объединение всего населения в отдельные «коммуны», члены которых живут в едином здании — общежитии. В эти же годы Фурье разрабатывал свои проекты «ассоциаций» — фаланг и их общежитий — фаланстеров. Но если Фурье — производительно-потребительские общины, основанные на акционерно-паевых началах, то «коммуны» Бюнье — коммунистические общины, основанные всецело на коммунистических принципах. В то же время общины эти не рассматриваются им как изолированные единицы, а лишь как ячейки единого коммунистического хозяйственного организма в масштабе всей страны.

Основное, что бросается в глаза при чтении «Истинного счастья», это место, отводимое науке и технике, в частности широкому применению машин. Будущее коммунистическое общество описывается там как общество, располагающее мощной машинной техникой и использующее достижения механики, физики, химии и других отраслей науки. Подобные представления могли возникнуть лишь после Французской буржуазной рево-

люции, в условиях начавшегося во Франции промышленного переворота. И в этом отношении «Истинное счастье» принадлежит уже к коммунизму XIX в., являясь предвестником таких произведений, как «Путешествие в Икарию» Кабе или «Кодекс общности» Дезамп, где машинам и машинной технике отводится столь же важное место в коммунистическом обществе.

«Истинное счастье» — ценный памятник французской коммунистической мысли. Проникнутое просветительной, рационалистической идеологией XVIII в. (идеологией, лежащей в основе утопического социализма и коммунизма) произведение это, будучи первым коммунистическим трактатом XIX ст., является одним из связующих звеньев между коммунистическими теориями «века Просвещения» и французским утопическим коммунизмом периода Июльской революции. Написанное в период наполеоновской диктатуры, оно является несомненным свидетельством непрерывного развития во Франции коммунистической мысли, живучести коммунистических идей и традиций и после 1796 г.

Конечно, Бюнье отнюдь не выступал, да и не мог выступать в те годы как сторонник революционного коммунизма эпохи Французской революции. Он считал возможным и желательным постепенное переустройство общества с помощью власть имущих. В этом отношении он являлся первым представителем «мирного» утопического коммунизма первой половины XIX в., одним из последних представителей которого был Этьен Кабе.

Остается ответить на один вопрос: почему наполеоновская цензура, не препятствовавшая опубликованию первых работ Сен-Симона и Фурье, столь поспешно конфисковала произведение Бюнье. Дело, очевидно, в том, что наполеоновских властей отнюдь не пугали рассуждения Сен-Симона в «Письмах Женевского общителя» о роли в обществе ученых и собственников, а также фантазии Фурье о «всеобщей гармонии» и «будущих творениях», тем более что в «Теории четырех движений» последний, подобно Сен-Симону, не выступал против частной собственности как таковой, и даже резко обрушивался на коммунизм. Что же касается «Истинного счастья», то там, несмотря на все лестные отзывы о Наполеоне, не только содержались отголоски оппозиционных настроений против наполеоновского режима, но и открыто проповедовался и восхвалялся

коммунизм. А еще слишком живы были воспоминания «заговоре равных», чтобы наполеоновские власти могли безразлично относиться к осуждению общественного строя, основанного на частной собственности, и к пропаганде общности имуществ.

II

Восторжествовавшая во Франции в годы Реставрации политическая реакция нашла свое яркое проявление и в области идеологии. Широкое распространение различных работанных еще до этого реакционных общественно-политических концепций виконта де Бональда и Жозефа де Местра, торжество реакционного романтизма в литературе сочетались с разгулом клерикализма и религиозного фанатизма, разжигавшегося католической церковью, вновь занявшей доминирующее положение в обществе и государстве. Нападки на идеологию эпохи Просвещения, которую де Местр в своем реакционном изступлении называл «одним из самых постыдных периодов в истории человеческого разума», приняли характер подлинного похода на все передовые общественно-политические идеи XVIII в. В этой удушливой атмосфере торжествующей реакции, нашедшей столь яркое художественное отражение в творчестве Стендаля, еще более затруднительным было распространение передовых социальных учений об общественном равенстве, преданных анафеме задолго до этого.

Означает ли это, однако, что в первые годы Реставрации идеи эти были полностью искоренены во Франции, что они на некоторое время бесследно исчезли, не оставив никаких воспоминаний ни среди политической оппозиции того времени, ни в сознании широких народных масс? Для исчерпывающего ответа на этот вопрос необходимо ознакомление не только со всей печатной продукцией этих лет, но, главное, со всеми архивными материалами — работа, которая в этом аспекте еще не проделана. Все же некоторые имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют, как нам кажется, дать на этот вопрос отрицательный ответ.

Прежде всего следует сказать, что, несмотря на все цензурные ограничения, властям не удавалось запрещать переиздание произведений просветителей XVIII в., в том числе и тех, которые излагали коммунистические

принципы. Правда, основной коммунистический трактат эпохи Просвещения — «Кодекс природы» Морелли — смог быть вновь опубликован лишь в эпоху Июльской монархии. Но произведение Мабли были переизданы уже в 1818 г. Как известно, Мабли, на практике проповедовавший лишь уравнилельные мероприятия, в своей теории исходил из коммунистических воззрений. Полному собранию сочинений Мабли, переизданному в 1818 г., было предпослано «Похвальное слово аббату Мабли» Бризара (написанное еще в 1787 г.), в котором подробно излагались общественные взгляды Мабли, осуждение им собственности и социального неравенства. «Мы все имели, — говорилось в этом предисловии, — такое же право на продукты земли, как на воздух, которым мы дышим, как на свет, который нас освещает; но вот мы разделили землю; мы дали ее в собственность нескольким привилегированным семьям, лишив остальную часть человеческого рода общего достояния, данную природой»¹². Таким образом читатели все же имели возможность даже в первые годы Реставрации ознакомиться с коммунистической теорией не только из старых книг, но и из современных изданий.

В те же годы выходил и неперидический журнал, точнее сборники, под названием «Маленькая книга в пятнадцать солей, или Карманная политика для людей, которые не являются богатыми», издававшаяся «отцом Мишелем». То был псевдоним одного из представителей демократической оппозиции Сокера-Сулинье (Sauqueg-Soulinié), затем арестованного в связи с участием в попытке восстания в департаменте Сарт в 1820 г., проживавшего в эмиграции в Англии и вернувшегося во Францию лишь после революции 1830 г. Всего ему удалось опубликовать двенадцать маленьких «томов» карманного формата, за издание которых он вскоре, еще до своего ареста, был привлечен к судебной ответственности. То было демократическое издание, выступавшее против контрреволюции и белого террора, против притязаний вернувшихся во Францию эмигрантов и религиозного фанатизма, против произвола властей, в защиту гражданских прав и свободы печати. Знакомясь с этими сборниками, мы находим там очень интересные материалы. Так, во втором «томе» была помещена статья

¹² Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. Paris, 1818, t. 1, p. 34.

«Заговоры». В ней разоблачались преследования за «заговоры», служившие предлогом «для различного рода тиранов», чтобы губить во имя закона как своих соратников, так и «людей, чьи энергия и таланты пугали их или препятствовали их цели. Эти заговоры, которыми запугивали боязливых и доверчивых людей, давали юридическую возможность заполнять тюрьмы, ссылать и убивать и по меньшей мере губить в общественном мнении самых достойных уважения людей, самые благородные партии, приписывая им гнусность преступления». И среди них «мы имели заговор Бабефа и продолжительный судебный фарс по его поводу»¹³. В пятом «томе» этого издания базой и целью всякой политической ассоциации провозглашалось «общее счастье»¹⁴. Это не значит, что «отец Мишель» проповедовал коммунистические воззрения. Наоборот, из опубликованной там же статьи «О праве собственности» явствует, что он выступал за сохранение собственности, всегда являющейся в конечном счете результатом труда¹⁵. Но в этом же «томе» мы находим одно необычайно интересное высказывание. В нем перечислялись «страхи», обуравшие в то время Францию. Среди этих «страхов», под номером вторым, мы читаем: «Страх, что новая революция... уничтожит навсегда всю систему собственности и в результате весь социальный порядок»¹⁶.

В том же, 1818, году, когда писались эти строки, вышла в свет работа Жозефа Рея (вскоре выступившего на судебном процессе с защитой печатного органа «отца Мишеля») «Катехизис конституционной хартии». В ней проводился диалог между неким кюре и неким гренадером, который в ответ на разъяснение кюре о принципе равенства всех перед законом задавал ему следующий знаменательный вопрос: «Не существует ли еще другого равенства, разговор о котором я слышал в кабаке? Там говорили, что это нечто совсем другое и что следовало бы поделить поровну все имущество»¹⁷.

Приведенные выше данные, сколь бы неполными они ни были, свидетельствуют все же о том, что в гуще народных масс сохранялись даже в эти годы политической реакции какие-то воспоминания о социальных чаяниях революционной эпохи, стремление к какому-то «другому равенству», что многие продолжали поэтому испытывать страх перед возможностью новой революции, направленной на этот раз против самой «системы собственности», служившей основой существующего общественного строя. Они свидетельствуют, наконец, о том, что и в эти годы находились демократические деятели, которые помнили о «заговоре равных» и ссылались на него отнюдь не в целях осуждения Бабефа и его соратников.

Именно наличием этих подспудных настроений и живучестью старых эгалитарных и коммунистических традиций эпохи Французской революции и объясняется, видимо, тот факт, что в последние годы Реставрации, отмеченные общим оживлением политической жизни страны, был написан новый коммунистический трактат, опубликованный, однако, лишь в 1831 г. в Лионе под названием «Золотой век без покрова, или План гражданского, политической и религиозной организации. Диалог об истинных принципах общественного договора и о способах сделать все народы, как и всех людей, добрыми, мудрыми и счастливыми». В качестве автора этого произведения указан некий «Ж.Б.П. из Юры»¹⁸.

Об этом произведении не только нет никакого упоминания в обобщающих или специальных трудах по истории французского утопического коммунизма. Его названия нет ни в одном библиографическом справочнике, даже в известном словаре Керара, где приводятся все французские книги, изданные под псевдонимами и инициалами¹⁹. Книга эта не значится и в фундаментальной библиографии Штамгамера по истории социализма и коммунизма²⁰. Книга «Золотой век без покрова», из-

¹³ Le petit livre à quinze sols, ou la politique de poche à l'usage des gens qui ne sont pas riche. Par le Père Michel. Paris, 1818, t. II, p. 86—89. Bibliothèque Nationale (далее — В. N.), L² c. 2800.

¹⁴ Ibid., p. 67.

¹⁵ Ibid., p. 34—37.

¹⁶ Ibid., p. 6.

¹⁷ Rey J. Catéchisme de la Charte constitutionnelle à l'usage de toutes les classes de citoyens. Paris, 1818, p. 32—34. В. N., Lb⁴⁸, 3486.

¹⁸ L'age d'or dévoilé, ou Plan d'organisation civile, politique et religieuse. Dialogue sur les vrais principes du contrat social et sur les moyens de rendre tous les peuples, comme tous les individus, bons, sages et heureux. Par J.B.P. du Jura. Lyon, 1831. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

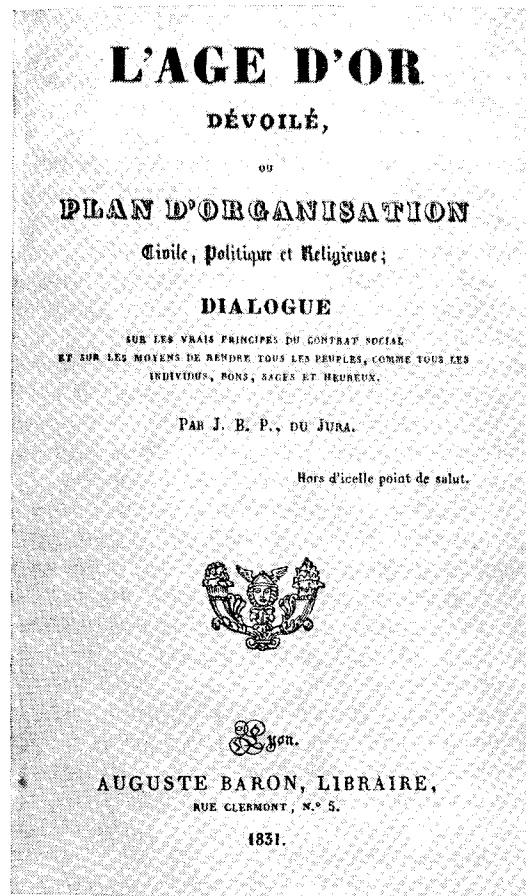
¹⁹ Querard J. M. Les supercheres littéraires dévoilées. T. II. 3-ème éd. Par O. Barbier. Paris, 1870.

²⁰ Stammhamer J. Bibliographie des Socialismus und Kommunismus. Bd. I—III. Jena, 1893—1909.

данная не в Париже, а в Лионе и, очевидно, весьма ограниченным тиражом, осталась, таким образом, не известной и преданной забвению.

Книгу эту нам довелось сперва обнаружить в библиотеке Института Фельтринелли в Милане — в обширном фонде французского утопического социализма XIX в., среди анонимных изданий. Затем мы удостоверились, что экземпляр этого произведения имеется и в Национальной библиотеке в Париже. Однако в каталоге этой библиотеки он числился среди произведений некоего Ж. Б. Перрена, адвоката в Лон-ле-Сонье (центра департамента Юры). При этом в скобках указано: «согласно Барбье». Известный французский библиограф Антуан-Александр Барбье, автор первого словаря работ изданных анонимно или под псевдонимами, умер в 1825 г. и не мог, следовательно, ничего знать о «Золотом веке без покрова». Речь идет, очевидно, о его младшем сыне Оливье Барбье, редактировавшем третье издание аналогичного труда Керара, в котором, однако, также нет упоминания об этой работе. Очевидно, составители каталога имели в виду не этот словарь, а какой-то другой источник.

Имеющиеся в Национальной библиотеке произведения, изданные под именем Ж. Б. Перрена, бесспорно ему принадлежащие, не содержат никаких прямых данных подтверждающих это предположение. В изданных им в 1843 г. «Баснях и сказках» он сообщает о себе лишь следующие сведения: «Профессия адвоката, которой я занимался свыше тридцати лет, дала мне возможность изучить характер земледельцев и ремесленников... Функции заместителя мирового судьи, которые я выполнял в течение десяти лет, пополнили мой опыт»²¹. Из его другого, на этот раз исторического произведения, посвященного истории городов и местечек департамента Юры мы узнаем, что в 1851 г. ему было 73 года (т. е. что он родился примерно в 1778 г.), что он был, очевидно, из буржуазной семьи, так как еще школьником гостил у своего двоюродного дедушки, тоже адвоката по профессии, и что он был знаком с Руже де Лиллем, который в первые годы Реставрации жил рядом с ним и изредка

интуальный лист книги «Золотой век без покрова, или План гражданской, политической и религиозной организации».

²¹ Fables et contes par M. Perrin. Avocat à Lons-le-Saunier. Lons-le-Saunier, 1843, p. 59, note.

его навещал²². Эти биографические сведения, таким образом, книга была написана до этой сессии, т. е. увидим ниже, трудно совместить с данными об авторе, который начал 1829 г. Следует поэтому заключить, что веро- которые мы можем почерпнуть из самого приписыва- тнее всего это произведение было написано в 1827—ного ему трактата. Быть может, это предположение о 828 гг.

новано лишь на совпадении инициалов и на том факте. В упомянутом выше предисловии, автор книги харак- что адвокат Перрен проживал в департаменте Юра. Ксеризуется как «сельский житель, без другого образова- бы то ни было, вопрос об авторе «Золотого века бния, кроме здравого смысла и большой привязанности покрову» нельзя еще считать окончательно решенным; своей стране» (V)²³. В самом тексте автор упоминает

Хотя произведение это было опубликовано в 1831, своей деревне и соседних коммунах (66). Он заявляет, но написано оно было, безусловно, еще в эпоху Рестав- это сам «видел и слышал» лиц, утверждавших, что де- рации. В нем упоминается как о современном событии демократический образ правления может существовать истреблении турками греков (49), «о маленькой гоолько на маленькой территории, и требовавших законов сточке греков, столь энергично сражающихся против против роскоши (90). «Чтобы дойти до больших идей, Оттоманского колосса» (68), о хартии, дарованной Люторые я вам изложил,— пишет он в другом месте,— довик XVIII (71), о монархах Европы, сплотившихся не было необходимо, чтобы я сохранил здравый смысл против своих народов в Священном союзе (102, 109)реди существующего в этом мире беспорядка, и был о стремлении правительства восстановить всеисилие деобходим опыт революции, происходившей на моих гла- ховенства, которое принуждают уважать на основе сооах, которая чуть было не привела меня на эшафот в ветствующего закона (103), о католическом культу- чущий момент моей карьеры²⁴; для этого нужна была провозглашенном государственной религией (117), т. олодость и глубокие размышления о причине, привед- о статье хартии, отмененной после революции 1830 ей к столь необычайным событиям...» (145).

Что «Золотой век без покрову» был написан автором. Итак, автор — провинциал, человек немолодой, лично до Июльской революции, говорится и в некоторых пре- реживший Французскую революцию, слышавший ора- мечаниях издателя, от имени которого опубликовано оров, излагавших руссоистские идеи о демократическом краткое предисловие к книге. Был ли это действительно бразе правления, сам чуть было не угодивший на эша- некий издатель или сделал это сам автор, сказать не- от. Именно опыт революции и заставил его, по собст- нечно трудно. енному признанию, задуматься над социальными про- лемами.

Мы можем даже более точно установить дату, когда. Мы можем даже более точно установить дату, когда была написана эта книга. Поскольку в ней, с одне. Отношение автора к Французской революции двой- стороны, упоминается «закон о святотатстве» 1825 ввенное. Он признает ее историческую закономерность, а с другой — говорится о «варварстве дон Мигела» зсмотря на свое отрицательное отношение к насилию. Португалии (49), т. е. главы абсолютистов Мигела Бражданская война является наибольшим бедствием, ганского, захватившего власть и ставшего регенто она всегда горький плод тираннии» (10). «Необходима Португалии в июле 1827 г., то вряд ли книга эта мог- ыла Французская революция, чтобы пробудить в умах быть написана раньше 1827 г. В то же время в кон- уство свободы и стремление к ней» (120). Революция книги мы читаем: «Говорят, что на предстоящей сесс- уродила в народных массах, всегда доверчивых и лег- намереваются представить палатам законопроект о м- верных, самые светлые, самые опьяняющие надежды ниципальной и департаментской организации» (155)

Как известно, законопроект о коммунальном и депар- Ж. Б. Перрен получил и среднее и высшее образование и стал таментском управлении, разработанные правительство адвокатом. Возможно, конечно, что приведенное выше заявление Мартиньяка, были внесены на сессии 1829 г., 9 февраля. лишь литературный прием, преследовавший цель изобразить ав- тора как человека из народа.

²² Perrin J. B. Notes historiques sur les villes et principal bourgs (департамент де Юра. Луис-ле-Сауниер, avant-propos et p. 135, 31 Ж. Б. Перрену было к моменту начала революции всего 11 лет, а в период террора — 15—16 лет, что вряд ли могло быть «луч- шим моментом его карьеры», чуть было не стоившей ему жизни.

(66). Она вызвала необычайное воодушевление, всеобщую, в результате которой те, кто работает больше рвение посвятить себя службе родине. «Одна мысль всех, имеют меньше всех, а те, кто ничего не делает, свободе, магия этого слова, вызвала этот национальный подъем, это бескорыстие, эту любовь к родине, которую поразила Европу храбростью и героизмом, о которых дых, так и не титулованных, считает себя истинным соб-споты и не подозревали» (12). Но все это не дало никаких результатов. На место монархического деспотизма пришел олигархический деспотизм, ложно называемый республикой. Многочисленные группировки, поочередно свергавшие друг друга, одарили в короткий срок стра-рядом конституций, бывших не чем иным, как подражанием конституциям Англии и Соединенных Штатов, торые ни в коем случае не должны были бы служить образцом (22—23). В конечном итоге, несмотря на житые Францией бурные события, общественные остались такими же, какими были раньше, а может стали еще хуже (12). То же самое можно сказать сительно всех революций, которые периодически ходят в результате ненависти народов к угнетению стремления к свободе и счастью. «Это эпоха, когда граждане охвачены надеждой, а власти Возбуждение возникает, растет и прекращается ких-либо перемен в гражданском порядке и нравах. Во эти события не являются революциями, способными вратить счастье» (70). «Недостаточно поменять правления, недостаточно поменять хозяина, чтобы о-шествить возрождение» (65).

В своем произведении, написанном в форме диало-автор не отводит специального раздела критике существующего социального строя. Но он не щадит красоч-чтобы заклеить современные ему общественные рядки. Это — антиобщественный строй, «строй беспоряка», где господствуют противоречащие друг другу личными. «Религия является заменой свободы; там, где нет интересы, где существует крайнее «неравенство состо-ний», где господствующей страстью является стремленность, даруемая вместо подлинной» (87). Задачей ре-к богатству, освобождающему от труда и создающем-призрачное счастье. Это — общество, которое «групп-рует людей в отдельные классы», одни — предназна-ные, чтобы повелевать, другие — чтобы подчиняться (60). Люди находятся на положении собак, охотящихся д-своих хозяев, на положении рабочих, изнуряющих се-трудом за плату, которую они фактически никогда не п-лучают (11). Люди обирают, лишают друг друга проду-та их труда, «что порождает политическую несправе-го также горговые и промышленные ассоциации — по-

рождения корыстолюбия, это дворянское сословие, раздвоенное революцией, но вновь воссозданное, это Франция, «были лишь декларациями о различных видоизменениях установленного деспотизма» (73). Деспотизм — это не только власть одного человека: это и власть группы лиц или представительных учреждений. Поэтому человечество в течение всей своей истории знало фактически лишь одну форму правления — деспотическую.

Антиподом деспотической власти является демократия — единственный законный образ правления (17, 100, 149). Но она существовала в примитивной форме лишь в заре человечества (50). Можно, следовательно, утверждать, «что на земле начиная с Адама и до наших дней никогда не было законного образа правления» (83). История наций показывает, что люди всегда были несправедливыми (93). Народ всегда стремился к свободе и ненавидел общественное неравенство. Среди войн и опустошений, среди ниспровергнутых империй несчастный человеческий род никогда не терял надежду на счастье, хотя и тщетно искал его (56, 59). Люди всегда инстинктивно стремились к демократии с тех самых пор, как они ее утратили, и будут всегда стремиться к ней, пока ее вновь не обретут; до этого не будет ни справедливости, ни мира, ни спокойствия (150, 151).

Все это общественное здание венчает и современная политическая система. Все объединенные в союз монархии Европы стремятся лишь к тому, чтобы окончательно поработить свои народы. Даже там, где имеется дарованная хартия, столь превозносимая государственными деятелями и льстивыми писателями, думают лишь о том, чтобы восстановить власть духовенства, усилить феодальную власть, подобрать раболовных должностных лиц, разглагольствовать об экономии, растрачивая государственные средства и повышая налоги. «Нужно принудить к повиновению народ — таково принятое правило; нужно его обманывать и унижать, чтобы господствовать над ним» (103).

В чем же основная причина всех общественных бед? Размышляя над опытом Французской революции, утверждает автор, он пришел к заключению, что все зло и бедствия порождает частная собственность (145). Нужно признать, «что частная собственность, общественное неравенство, жадность к богатству вместе с возможностью его узурпировать и присваивать является источником этого неслыханного несчастья» (148). Люди должны наконец, понять, что частное имущество является самым большим «скандалом» в человеческом обществе (112). Именно частная собственность и общественное неравенство привели еще в прошлом к распаду Древнего Римского государства (100). Именно поэтому все происходившие до настоящего времени революции, не менявшие эту основу общественной жизни, были «бесполезными революциями» (59). Именно поэтому и Французская революция не изменила ничего существующему и не дала подлинной свободы (106). Именно поэтому, поэтому все конституции, существовавшие с тех пор в Европе, Азии, Африке, Америке, Австралии, были лишь декларациями о различных видоизменениях установленного деспотизма» (73). Деспотизм — это не только власть одного человека: это и власть группы лиц или представительных учреждений. Поэтому человечество в течение всей своей истории знало фактически лишь одну форму правления — деспотическую.

Антиподом деспотической власти является демократия — единственный законный образ правления (17, 100, 149). Но она существовала в примитивной форме лишь в заре человечества (50). Можно, следовательно, утверждать, «что на земле начиная с Адама и до наших дней никогда не было законного образа правления» (83). История наций показывает, что люди всегда были несправедливыми (93). Народ всегда стремился к свободе и ненавидел общественное неравенство. Среди войн и опустошений, среди ниспровергнутых империй несчастный человеческий род никогда не терял надежду на счастье, хотя и тщетно искал его (56, 59). Люди всегда инстинктивно стремились к демократии с тех самых пор, как они ее утратили, и будут всегда стремиться к ней, пока ее вновь не обретут; до этого не будет ни справедливости, ни мира, ни спокойствия (150, 151).

Истинной, подлинной демократией является тот образ правления, когда народ сам, в своей совокупности, выступает в роли законодателя. Автор «Золотого века» решительно высказывается против любых представительных учреждений и подробно аргументирует необходимость прямого народоправства (13—18). Все граждане имеют право принимать непосредственное участие в законодательстве. Нация не может законно управляться отдельными людьми, будь то король или выборные представители, депутаты, которые всегда выражают свою волю, а не волю нации. Но истинная демократия несовместима с самой основой существующего общественного строя. «Нет демократического правления, которое может существовать с частной собственностью; все образы правления, запятнанные этим пороком, всегда были подвержены смутам и гражданским войнам, и именно частная собственность была причиной их недостаточной прочности, так как она приводила к общественному неравенству, не совместимому с безупречной формой правления» (51). Право частной собственности не реальное право, а лишь декларация, причина честолюбия, ненависти и зависти,

всех частных и общественных беспорядков внутри каждой нации и войн между различными нациями. Поэтому лишь упразднение частной собственности может обеспечить человеку счастливое гражданское существование (75—76). Люди, считающие себя цивилизованными, ходят на самом деле лишь в преддверии цивилизации (25). Лишь демократия, основанная на общем владении и совместном труде, может обеспечить человеческому роду подлинное счастье. И это будет переходом от рабства к свободе (42, 57).

Каков же должен быть этот новый общественный строй? Автор «Золотого века» описывает его не только на протяжении всей своей книги, но и включает в соответствующий «план», состоящий из восьми разделов и 163 статей (121—145). Не вдаваясь в подробности, укажем лишь на следующие основные положения проекта. Вся национальная территория, как и вся страна, становятся коллективным, неотчуждаемым неделимым достоянием всего общества. Основной общественной ячейкой являются «семьи», и новое общественное устройство должно представлять собой совокупность не отдельных индивидумов, а отдельных «семей». Есть сельские «семьи», занимающиеся обработкой земель, и городские «семьи», занимающиеся различными ремеслами и искусствами. Каждая сельская «семья» состоит из тысячи лиц обоего пола и всех возрастов. Численность городских «семей» строго фиксируется, а может колебаться в зависимости от общественной необходимости и пользы. Каждая «семья» имеет в своем распоряжении определенную территорию, принадлежащую деревням и городов, где население превышает тысячу человек, подлежит соответствующему разграничению. Общее количество «семей», в которые должно быть объединено все население страны, будет составлять примерно от тридцати до сорока тысяч. Каждые пятьдесят «семей» образуют одно «подразделение», а каждые пятьдесят «подразделений» — одно «отделение».

В конце года «семьи» представляют точные сведения о своей промышленной и сельскохозяйственной продукции с указанием всего необходимого им самим и им самим с указанием всего необходимого им самим и им самим и к нации в целом, которая имеет одного лишнего у них лишнего, а также того, в чем они нуждаются. Все эти «семьи» по своей структуре и своему существованию не отличаются от других сельскохозяйственного и промышленного производства. Весь излишек также занимаются полезным трудом. Но они выполняют сельскохозяйственного и промышленного производства как бы координирующие функции по отношению к дру-

гим «семьям». В частности, «центральная семья» не имеет собственности, в обязательном порядке, переходит к держивает сношения с иностранными державами, принимает и направляет соответствующих послов, руководит внешней торговлей, ведет учет и распределение национальных фондов, извещает «семьи» о всех внутренних и внешних событиях, о всех изобретениях в области наук и искусств, наконец она разрабатывает общенациональные законы. Законопроекты эти рассматриваются всеми «семьями» и считаются принятыми, если за них голосуют не менее двух третей всех «семей». За «семей» содержится и национальная армия, в которой служат граждане от 18 до 45 лет.

Институт брака в «семьях» не существует. Все дети получают единое общественное воспитание. В семилетнем возрасте мальчиков перераспределяют между другими «семьями», затем делают это вторично, по достижении ими 14 лет, а в возрасте 21 года окончательно включают в ту или иную «семью», но только не в ту, где они рождались. Устанавливается единая национальная одежда для всех граждан в соответствии с их возрастом и полом. «Семьи» возводят специальные здания, просторные и удобные жилища. Не ясно лишь, проживает ли «семья» в одном едином здании—фаланстере. Но, видимо, это так, поскольку о «центральной семье» говорится определенно, что она проживает в великолепном и обширном жилище.

Предлагаемый автором план социальных преобразований имеет ту особенность, что не предусматривает немедленного установления нового общественного строя. Люди живут в слишком противоположных условиях, слишком свыклись с частной собственностью. Поэтому на первых порах вхождение граждан в организуемые сельские и городские «семьи» является добровольным. В распоряжение «семей» в обязательном порядке переходит лишь движимая и недвижимая собственность всех гражданских и религиозных учреждений. Но отдельные лица могут не входить в «семьи» и не передавать свою собственность. Они лишаются, однако, права строить что-либо или даже ремонтировать принадлежащие им здания, а также продавать свою недвижимую собственность. В течение первых десяти лет они еще могут передавать свое имущество в пожизненное пользование своим родившимся до этого детям. Но право наследования как таковое отменяется. После смерти владельцев

этой собственности, в обязательном порядке, переходит к «семьям». Таким образом, этот переходный период, когда ряды с «семьями» и их коллективной собственностью будут продолжать существовать и частные хозяйства, ассчитан всего на одно поколение, так что с течением времени вся частная собственность будет ликвидирована все граждане войдут в состав тех или иных «семей». На протяжении всей своей книги автор самым восторженным образом описывает преимущества и благие последствия предлагаемого им нового общественного строя. Это будет единственно истинный социальный строй (96), «длинный «золотой век», о котором люди тщетно мечтали. Это будет строй, основанный на естественных и незыблемых правах граждан, строй «социальной гармонии» (3, 32, 33), подлинной демократии, обеспечивающий общее счастье» (18, 147), строй, упраздняющий противоречие личных интересов, искореняющий все пороки преступления. Страсти, делающие теперь людей нечестными и жестокими, не будут больше противопоставлять их друг другу, а будут служить их совместную частью (32, 54—55, 81, 91). «Человек, не имея больше причин думать о своем самосохранении и личном благополучии, посвятит все свои способности, все свои подвиги обществу» (54). Это породит «всеобщее соревнование», приведет к расцвету наук и искусств (54, 55, 63). «Вскоре вместо маленьких и вредных для здоровья жилищ будут воздвигнуты обширные и удобные здания; сельскохозяйственные работы, промыслы и мануфактуры всех родов будут вестись в крупных масштабах под руководством искусных земледельцев и опытных мастеров... все, посвятившие себя различным занятиям, соответственно своему возрасту, полу и дарованию, будут работать по склонности, повинувшись чувству соревнования» (64). «Человек лишится прав над человеком... родина станет вновь обретенным земным раем» (76).

Этот новый общественный строй отнюдь не должен быть привилегией одной нации. Наоборот, основанный на какой-нибудь одной стране, он должен с течением времени неизбежно распространиться на все другие страны, должен в конечном счете утвердиться на всем земном шаре, образуя единую всемирную демократию (25), единую всемирную республику (77). Богатства всех земных континентов станут достоянием всего человечества, с тем чтобы оно могло пользоваться ими сообща, вместо

о Бабефе. Выдвижение и подробное обоснование в энциклопедии Рестаuration принципа прямого народоправства представляют поэтому особый интерес. Но и в «Золотом веке» понятие «истинной демократии» органически объединяет прямое народоправство с установлением нового социального строя. Подлинно демократический строй — это медленный, а постепенное установление новых общественных порядков. Этот вопрос впервые стал в обществе. Ответствующих документах, подготовленных Тайной

Коммунизм «Золотого века» — произведения, написанного пожилым автором, современником Французской революции, близок к коммунизму XVIII в. с присущими последнему чертами грубой уравнительности вплоть до установления единообразной одежды для всех граждан будущего коммунистического общества. Характерно этой точки зрения и весьма двусмысленное отношение автора к умственному труду. В некоторых местах своей книги он прямо заявляет, что многие писатели будут взять в руки мотыгу, чтобы заняться вместе своими согражданами полезной работой (47, 48). Ничего определенного не говорится об умственном труде и разработанном им плане коммунистического общества.

Понятие «семьи», положенное в основу проекта переустройства общества («семьи» не в обычном смысле слова а в смысле коммунистической общины), сразу заставляет вспомнить о Сильвене Марешале, который в своем знаменитом трактате 1793 г. «Поправка к революции» также выдвигал идеал «маленькой ассоциации» — «семьи» как основы будущего общества. Но для Марешала «семьи» — это отдельные, совершенно независимые друг от друга коммунистические общины. Для автора же «Золотого века» — это ассоциации, как сельские, так и городские, тесно связанные в едином общественном организме в рамках одной нации. В этом смысле проект этот напоминает скорее общественную структуру, предусмотренную в классическом произведении утопического коммунизма XVIII в. «Кодексе природы» Морелли, хотя конкретные формы этой структуры в обоих произведениях различны. Напомним только, что Морелли возлагает сельский труд не на сельские ассоциации, а на особые корпорации молодежи в возрасте от 20 до 25 лет, что он сторонник индивидуальных браков, в то время как автор «Золотого века» — самый решительный

сопротивник института брака. Поэтому план коммунистического общества, излагаемый в этом произведении, не является пересказом или вариантом «Кодекса природы». Весьма интересно, что этот план предусматривает не постепенное, а постепенное установление новых общественных порядков. Этот вопрос впервые стал в обществе. Ответствующих документах, подготовленных Тайной дирекцией общественного спасения, опубликованных перед Вандомским процессом как обвинительный материал. Известно, что «равные» намерены были параллельно с которой должны были продолжать существование и частные хозяйства. Но целый ряд мероприятий, и в том числе отмена наследования, должны были привести к тому, что частные хозяйства были бы ликвидированы и вошли бы в состав Национальной коммуны. Именно нечто аналогичное предусмотрено и в «Золотом веке»: вхождение в состав сельских и городских «семей» на первых порах не является обязательным, но частные собственники ограничиваются в своих правах, а отмена права наследования приводит к постепенному включению в состав «семей» всех граждан и их собственности. Необходимо также отметить, что автор употребляет термин «общее счастье». Следует считать поэтому возможным знакомство автора «Золотого века» с бабувистской литературой. Не исключено даже, что он успел ознакомиться и с посвященной «заговору равных» книгой Буонарроти, опубликованной в 1828 г.

Но если даже автор «Золотого века» и был знаком с бабувистской литературой, сам он не выступает в роли представителя революционного коммунизма. Он связывает надежды на осуществление социального преобразования с деятельностью какого-нибудь мудрого законодателя. Путь к общественному обновлению лежит, по его мнению, не через социальные потрясения, а наоборот, это обновление необходимо, чтобы избежать новых общественных потрясений.

Конкретный план общественного переустройства, излагаемый в его трактате, также не является бабувистским. Вместо единой Национальной коммуны, автор «Золотого века» предусматривает организацию отдель-

ЖОЗЕФ РЕЙ И ВОЗРОЖДЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ

I

ных «семей», т. е. отдельных ассоциаций, хотя и тесно связанных между собой. Поэтому, он считает возможным начать с организации отдельных «семей» в различных кантонах, с тем чтобы пример подобных ассоциаций распространился в конечном счете не только на всю Францию, но и на весь земной шар. Он полагает, что социальное преобразование может быть начато и осуществлено в любом пункте земного шара. Вообще, все эти мысли и некоторые употребляемые им термины, на пример «социальная гармония», а также некоторые элементы его общественной критики дают основание предположить, что он был знаком и с современной ему литературой утопического социализма, в частности с работами Фурье, хотя его идеал уравнилельного коммунизма был по своей сущности противоположен общественному идеалу «социэтарной школы».

Каковы бы ни были влияния, испытанные автором «Золотого века», и использованные им источники, сомненно, что ему удалось все же создать схему коммунистического общества, не являющуюся дословным воспроизведением или пересказом чьей-либо системы. Но главное разумеется не в этом. Основное значение «Золотого века» заключается в том, что это произведение с несомненностью свидетельствует, что идеи коммунистического коммунизма продолжали существовать в период Реставрации. Разочарование результатом Французской буржуазной революции, отрицательное отношение к созданному революцией буржуазному обществу с его вопиющими язвами и социальными противоречиями находило свое выражение не только в социалистических учениях сенсимонизма и фурьеризма, но и в коммунистических идеалах. Написанная в последние годы Реставрации, опубликованная в Лионе накануне знаменитых восстаний лионских трудящихся, книга «Золотой век» свидетельствует также, что коммунистические традиции сохранялись не только в Париже, но и в провинции. И в этом бесспорное историческое значение этого произведения.

«Г-н Рей,— писал в 1847 г. глава «социэтарной школы» Консидеран,— является самым старым и самым почтенным из теперешних представителей доктрины общности во Франции. Он опубликовал еще в 1826 г. маленькую работу, посвященную взглядам Оуэна, которую содержит все основное и разумное, что было до сих пор сказано о доктрине общности»¹. Кто же был этот Жозеф Рей, которого Консидеран с полным основанием считал самым старым представителем коммунистического учения во Франции из числа его современников?²

¹ Appel au ralliement des socialistes. Lettre de M. Rey de Grenoble, communiste, ancien conseiller de la cour royale, aux rédacteurs de la «Démocratie pacifique». Paris, 1847, p. 17.

² О Жозефе Рее нет ни одной специальной монографии. Его имя не упоминается в обобщающей работе В. П. Волгина «Французский утопический коммунизм», как и в многочисленных работах по истории коммунизма и социальных идей во Франции, кроме «Истории социализма» Бенау Малона, где мы находим о нем несколько строк (*Malon B. Histoire du socialisme. Paris, 1883, t. II, p. 223*). Рею посвящено всего несколько статей, главным образом в местных изданиях: *Avril M. Un magistrat socialiste sous Louis-Philippe. Joseph Rey de Grenoble et sa correspondance saint-simonienne.— Bulletin de la Société dauphinoise d'Ethnologie et d'Anthropologie, 1907, t. XIV, N 1/2, avril et juillet; Dumolard H. Josef Rey de Grenoble et ses Mémoires politiques.— Annales de l'Université de Grenoble. Section lettres-droit, 1927; Weill G. Les mémoires de Joseph Rey.— Revue historique, 1928, t. 157; Rude F. Un socialiste «utopique» oublié Josef Rey.— Annales de l'Université de Grenoble. Section lettres-droit, 1944, t. XX. По существу, лишь в последней статье рассматриваются социальные воззрения Рея, причем автор стремится изобразить его как «эклетику», с чем никак нельзя согласиться. Имя Рея упоминается и в различного рода работах, посвященных Стендалю, Оуэну, Буонаротти и другим выдаю-*

Жозеф Рей родился 24 октября 1779 г. в Гренобле в семье коммерсанта. Одна из трех рукописей его автобиографических мемуаров, озаглавленная «Моя моральная и политическая биография, начиная с рождения 1779 г. до 1820 г.»³, не только содержит ценные сведения о его юности и молодости, но и дает наглядно представление о становлении его личности.

Рей являлся одним из тех лиц, которому довелось быть свидетелем всех бурных событий Французской революции и наполеоновской эпохи. Первое сильное впечатление на девятилетнего мальчика произвел знаменитый «день черепиц» в июне 1788 г. Вспыхнувшие тогда в Гренобле волнения, жестоко подавленные войсками, явились одним из первых предвестников революции. Уже тогда, по его словам, переживая за своих соотечественников, он проникся глубокой ненавистью к тирании. Начавшаяся вскоре революция еще более укрепила в нем эти чувства. «Среди мощного движения вызванного нашей титанической борьбой против всей Европы и против внутренней реакции... я почувствовал как во мне все больше и больше развивался святой энтузиазм любви к родине и ко всему тому, что было связано с великими социальными идеями»⁴. Этот энтузиазм поддерживали в нем, в частности, национальные празднества, укреплявшие чувство братства между всеми людьми и внушавшие идею о превосходстве общих интересов над личными. В то же время в своих мемуарах Рей не только не порицает, но и оправдывает имевшее место в Гренобле «революционные казни». К тому времени он посещал уже в своем родном городе собрания «народных обществ».

В конце 1793 г. или в первые месяцы 1794 г., т. е. в возрасте 14 лет, Рей убежал из родительского дома и направился в Лион⁵. Это было вскоре после взятия

шимся лицам, с которыми он был так или иначе связан. Основным источником для изучения жизненного пути, воззрений и деятельности Рея являются его многочисленные печатные произведения, а также его очень ценный архив, хранящийся в муниципальной библиотеке Гренобля.

³ Ma biographie morale et politique, depuis ma naissance, en 1779 jusqu'en 1820.— Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3940.

⁴ Ibid., p. 6 (bis).

⁵ К этому его вынудило жестокое обращение с ним отца. Первую попытку покинуть родительский кров он предпринял еще за год до этого.

Лиона, бывшего оплотом жирондистской контрреволюции, войсками Конвента и последовавших за этим суровых репрессий. По собственному признанию, сложившаяся тогда в Лионе обстановка вызвала в нем некоторые колебания. Посетив на следующий день после приезда «народное общество», т. е. восстановленный в Лионе филиал Якобинского клуба, он был напуган царившей там атмосферой ненависти. Еще более сильное впечатление произвели на него непрерывно действующая гильотина и вид разрушенных кварталов города. Не понимая в то время «жестокую необходимость» и «истинные причины» всего этого, он преисполнился сочувствием к жертвам террора. Но длилось это недолго. Термидорианская реакция, которая «также была направленной террором, но террором контрреволюционным», закончила с его временными колебаниями. «Вскоре,— пишет он,— следствия этой реакции в том виде, в каком они нашли свое проявление особенно на юге, явились для меня спасительным уроком... Конечно, говорил себе, революционные эксцессы были достойны сожаления, но они были лишь злополучными и извращенными следствиями самого законного движения, в то время как эксцессы контрреволюционного движения являются естественными и неизбежными следствиями кощунственного дела, единственным побуждением которого было предотвратить упразднение самых вопиющих злоупотреблений... С этого момента я неизменно следовал своей политической логике и остался навеки преданным великому делу нашей замечательной революции...»⁶

Вернувшись в родной дом, Рей оставался там всего два года. Им все больше овладевала жажда знания. Уже в этом возрасте,— пишет он,— я не только читал философов, но и составлял планы трактатов о средствах сделать человека более счастливым»⁷. Другими делами, труды просветителей XVIII в., которые он читал, внушали ему идеи о лучшем устройстве человеческого общества. Эта жажда знания побудила его уже в возрасте 17 лет вновь покинуть Гренобль и отправиться в Париж. Там он еще юношей вошел в соприкосновения с самыми оппозиционными кругами. «Первый раз это

⁶ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3940, p. 21—22.
⁷ Ibid., p. 23.

произошло спустя некоторое время после заговора Бэбефа; мне было всего 18 лет, и я оказался связанным сам того не зная, с одним из оправданных обвиняемых (по Вандомскому процессу.— А. И.) старшиной (adjutant général) И(У), который сохранял всю свою враждебность в отношении тогдашнего правительства (т. Директории.— А. И.). Заметив, несомненно, мой патристический энтузиазм и мои искренние эгалитарные идеи, он свел меня с некоторыми другими недовольными того же рода и допустил меня на совещания, где обсуждались вопросы, явно свидетельствующие о надежде свергнуть в скором времени существующую власть. Быть может, я ошибался относительно побуждений этих лиц, но мне показалось, что их мотивы носили в достаточной мере предвзятый характер, и я оставался глухим к их весьма ясным намекам, которые они мне делали⁸. Этот рассказ Рея является очень важным не только с биографической точки зрения, но и как ценное историческое свидетельство. Поскольку, по его словам, все это происходило, когда ему было 18 лет, т. е. самом конце 1797 г. или в первые месяцы 1798 г., он подтверждает уже имеющиеся сведения о политической активности бывших участников «заговора равных» и после Вандомского процесса. Один из оправданных в это время этого процесса военных пытался, как видим, вовлечь молодого Рея в новый заговор против Директории, обсуждавшийся на совещаниях, в которых принимали участие и другие лица. Рассказ Рея, в подлинности которого у нас нет никаких оснований сомневаться, свидетельствует также, что в своих мемуарах он отнюдь не приписывал себе ретроспективно интерес к социальным проблемам еще в ранней молодости и что, действительно, еще юношей он настолько увлекался «эгалитарными идеями» и придерживался таких левых политических убеждений, что бывшие бабувисты пытались даже его завербовать.

Вернувшись после двухлетнего пребывания в Париже в свой родной город, Рей, однако, вскоре вновь очутился в столице для завершения своего образования. Сперва он увлекался естественными науками, но затем посвятил себя изучению юриспруденции. Сам он объясняет это осознанной им необходимостью проникнуть

в суть социальных институтов, т. е. тех общественных проблем, которые интересовали его с ранней молодости. К этому времени, а именно к 1802 г., относится и вторая попытка вовлечь молодого человека в политический заговор. Поскольку и этот рассказ Рея содержит ценные исторические сведения, мы позволим себе также привести его полностью. «Приблизительно в это время мне формально предложили примкнуть к заговору против первого консула. Мне кажется, что тогда стоял вопрос о присвоении ему этого звания пожизненно, а известно, что это вызвало сильную оппозицию в армии, в которой нашли свое последнее пристанище республиканские идеи. Один из моих друзей детства, капитан гренадеров в одном из корпусов парижского гарнизона, зная о моих совершенно определенных политических взглядах, а также о моих связях со многими студентами, поведал мне о военном заговоре, к которому хотели привлечь и учащуюся молодежь. Намеревались заковать первого консула и восстановить республику в менее смехотворной форме, чем та, которая существовала по конституции VIII года. Это последнее намерение всецело совпадало с моими собственными идеями; но, учитывая тогдашние настроения, я полагал, что такая попытка будет бесполезной даже в случае ее успеха. Ведь, действительно, недостаточно снести голову деспоту, чтобы восстановить свободу, когда масса нации жаждет деспотизма; я приводил моему приятелю пример смерти Цезаря, которая в конечном счете содействовала лишь установлению самой ужасающей тирании. Мои размышления, очевидно, произвели на него большое впечатление, и он больше не стал настаивать, прося меня лишь сохранить тайну⁹. Хотя Рей и отказался принять участие в заговоре с целью убийства Наполеона, но мы видим, что и в 1802 г. двадцатитрехлетний студент оставался столь же убежденным республиканцем, как и раньше.

Среди близких знакомых Рея в годы его учебы в Париже были и его соотечественники—гренобльцы Луи Крозе, Луи Мант, Феликс Фор и, прежде всего, Анри Бейль—будущий Стендаль. В дневниках Стендаля и его переписке имя Рея встречается неоднократно. Особенно интересна следующая запись в его дневнике за

⁸ Ibid., p. 25—26.

⁹ Ibid., p. 31—32.

1805 г.: «Рей, философ, предполагает опубликовать систему, в которой он докажет, что личное счастье всегда связано с общим счастьем. Это то, что я ему желаю». Вплоть до 1815 г. Жозефа Рея, рядового государственного служащего, знали лишь в кругу его сослуживцев и близких друзей. Но тут произошло событие, при-
Хочет написать несколько комедий в духе этой системы. Он мне кажется очень хладнокровным в свои двадцать пять лет». Их общий друг Луи Крозе писал Стендалю: «Рей сказал мне, что он каждодневно замечает... что все пороки народа являются следствием его унижения чувства своего ничтожества в обществе». Сам Рей в письме к Стендалю, написанном в период расцвета наполеоновской империи, сразу послалась первым печатным произведением Рея. В своем Аустерлице, не скрывал своих политических убеждений «Обращении»¹¹ Рей, называя Наполеона на ты и при-
«Бедные парижане остолбенели от восхищения. Ты, не зная его таланты, призывал его, вернувшись во сомненно, читаешь к своему несчастью газеты. Ну так Францию, больше не править, подобно деспоту. После вот все, что говорится о преклонении жителей доброты самой страшной из народных революций» Наполеону города Парижа отнюдь не преувеличено. Это доходит до глупости»¹⁰. Все эти отдельные факты свидетельствуют, что Рей не только оставался убежденным республиканцем и демократом, но и размышлял уже об

Окончив в 1807 г. юридический факультет, Рей поступил на государственную службу. Он занимал после-
довательно должности товарища прокурора в Пяченце, затем был переведен на ту же должность в Майнц, а в 1812 г. был назначен председателем созданного в связи с континентальной блокадой таможенного трибунала в Люнебурге. Как видим, Рей служил не в самой Франции, а в итальянских и немецких департаментах, входивших в состав наполеоновской империи. Государственная служба, как свидетельствуют его мемуары, не изменила его общественно-политических взглядов. Часто поэтому ему приходилось вступать в конфликт с различными государственными чиновниками и военными властями, так что однажды он был даже обвинен в том, что держит речи в духе 1793 г. Но служба в Италии и Германии дала ему многое. Он изучил как итальянский, так и немецкий язык и ознакомился с итальянской и немецкой культурой. В 1813 г., эвакуированный вместе со своими коллегами в Гамбург, он пробыл там в течение всей осады города союзными войсками. Лишь в июле 1814 г. Рей вернулся в Париж. Вскоре он был назначен председателем суда в Рюмильи в департаменте Мон-

Брошюра Рея имела огромный успех. Она не только получила самое широкое распространение во Франции, но была переведена и на немецкий язык. Много лет спустя Стендаль, посетив в августе 1837 г. Гренобль, писал в своих «Записках туриста»: «В той комнате, где я пишу, молодой судья Гренобля г-н Жозеф Рей осмелился сказать Наполеону, что Франция любит его как великого человека, восхищается им как мудрым генералом, но не желает иметь диктатора, который, со-

¹⁰ Rude F. Op. cit., p. 77—78.

¹¹ Adresse à l'Empereur. Par Joseph Rey, de Grenoble, Président du Tribunal civil de Rumilly, mars 1815.— Bibliothèque Nationale (dalle — B. N.), R. f. 02.205.

здавая новое дворянство, пытается возродить почти все забытые злоупотребления. Речь г-на Рея, содержащая около пятидесяти строк, была отпечатана в течение двух часов в двадцати тысячах экземпляров, и вечером все жители Гренобля повторяли ее Наполеону. Если бы он понял этот голос народа, он или его сын царствовали бы по сей день...»¹². Эти слова Стендаля, хотя и написанные 23 года спустя и содержащие некоторые неточности, дают наглядное представление о сильном впечатлении, которое произвело на современников смелое выступление Рея. Более того, можно сказать, что и в настоящее время имя Рея известно относительно широким кругам только благодаря этому эпизоду его жизни. И теперь посетителям Гренобля, где имеется улица его имени, рассказывают о его мужественном поступке — поступке самоотверженного человека, осмелившегося сказать правду самому Наполеону. Но личным для Рея его «Обращение к императору» было лишь началом долгого пути.

II

Вторая реставрация лишила Рея возможности оставаться на государственной службе. От него потребовали письменное заявление с осуждением его брошюры и с выражением преданности династии Бурбонов, но он отказался сделать это. Перебравшись в свой родной город, он стал там адвокатом. Одновременно он все больше сил уделял политической деятельности. Белый террор внушал ему величайшее негодование. Он пришел к убеждению в необходимости создания тайного общества для противодействия свирепствовавшей во Франции реакции. С несколькими гренобльскими друзьями он создал тайную организацию «Союз» («Union»), первое заседание которой состоялось 26 февраля 1816 г. Вскоре отделения «Союза» были учреждены и в других южных департаментах. В статутах «Союза» говорилось, что друзья свободы должны объединиться против тирании для борьбы за общие права, для распространения «справедливых принципов социального права».

Уже в 1817 г. Рей перебрался в Париж, где в качестве адвоката стал активно выступать в политических

процессах. Так, в 1818 г. он выступил как защитник на процессе демократического периодического органа «отца Мишеля» (о нем мы уже упоминали выше)¹³. В следующем году родственники жертв репрессий, последовавших за заговором Дидье (пытавшегося в ночь на 5 мая 1816 г. поднять восстание в Гренобле), поручили ему подать жалобу на генерала Донадье, проявившего при подавлении восстания необычайную жестокость. Резкое обличение Реем произвола Донадье, бывшее фактически обвинительным актом против всего политического режима, царившего во Франции, привело однако лишь к тому, что по настоянию властей он был исключен из коллегии адвокатов, т. е. лишен возможности заниматься адвокатской практикой¹⁴. Но в том же, 1819, году Рею удалось организовать в самой столице отделение «Союза», к которому примкнули около 30 человек. Среди них были Лафайет и Воле д'Аржансон. Рей принял также самое активное участие в избирательной кампании в пользу Грегуара, когда была выдвинута кандидатура последнего в депутаты.

В течение этих лет Рей опубликовал целый ряд брошюр, связанных с его общественно-политической деятельностью. Еще в период «ста дней», сразу же после своего нашумевшего «Обращения к императору», в апреле 1815 г. Рей напечатал в Гренобле новую брошюру под заглавием: «Об основах конституции, или о равновесии властей в государстве»¹⁵. В ней он развивал свои мысли о необходимости установления конституционно-демократического образа правления, высказанные им в общих чертах за месяц до этого в своем обращении к Наполеону. Он решительно настаивал на строгом разделении законодательной, исполнительной и судебной власти, требовал гарантии личных свобод, в частности свободы совести и прессы, всеобщего бесплатного обучения. Он категорически высказывался за всеобщее

¹³ Défense du Père Michel, prononcée par M. Tartarin, auteur, M. Rey (de Grenoble) avocat, et M. Poulet fils, éditeur. Paris, 1818. B. N., Lb⁴⁸ 3050.

¹⁴ Рей опубликовал в этой связи подробно обоснованный протест. См.: Mémoire pour Joseph Rey, de Grenoble, Avocat à la Cour royale de Paris, contre une décision du Conseil de discipline des Avocats près de la même Cour, qui prononce sa radiation du tableau de l'ordre 1819. BN, Lb⁴⁸ 1326.

¹⁵ Des bases d'une Constitution ou de la balance des pouvoirs dans un état. Par Joseph Rey de Grenoble. Grenoble, 1815. B. N., Lc 48, 145.

даря своей собственности, своему таланту или какому-нибудь промыслу имеют лишь строго необходимое. Третий класс — класс людей зажиточных, обладающих средствами, превышающими их потребности. Четвертый класс — это люди богатые и могущественные, каковы бы ни был источник их богатства и могущества. Наиболее заинтересованными в хорошем правительстве являются лишь лица, принадлежащие к первому и второму классу, т. е. нуждающиеся и имеющие строго необходимое. Люди зажиточные и особенно богатые менее в этом заинтересованы, а люди привилегированные, принадлежащие к самому высшему, своего рода пятому классу общества, враждебны любому правительству, которое уважает лишь труд, талант и добродетели. Именно все этого автор делает следующий вывод: «Я не хочу сказать, что класс, наиболее заинтересованный в поддержке правительства, только вследствие этого должен иметь наибольшую долю участия в общественном управлении, а лишь то, что при прочих равных условиях должен иметь предпочтение», т. е. что следует давать предпочтение лицам, принадлежащим к этому классу, если они имеют необходимые моральные качества и знания.

Все эти публицистические выступления Рея 1815—1820 гг. рисуют его как человека демократических убеждений. Даже в годы реакции он открыто зазывал французскую революцию и оправдывал якобинцев, самое имя которых, по его же словам, предавалось тогда анафеме. Он требовал установления временного правительства во главе с Лафайетом, в котором предавалось тогда анафеме. Он требовал установления политического строя, основанного на всеобщем избирательном праве, считая, что и «поденщики» и «рабочие» имеют право участвовать в политической жизни страны. Более того, он полагал, что общественные интересы заинтересованные в поддержке демократического правительства, должны принимать активное участие в управлении государством, основной целью которого должно быть счастье наибольшего числа людей. Он подчеркивал, что обязанностью общества является полное удовлетворение потребностей всех граждан. Он указывал, что, кроме формального равенства всех перед законом существует еще и другое равенство. Но он отвергал равный раздел имущества, т. е. эгалитаризм, считая, что такого рода равенство не может продержаться долго и неизбежно вновь породит неравенство. Поэтому,

хотя в заглавии одной из своих брошюр он и говорил о возвращении к «золотому веку», но еще сам не знал путей для достижения этого.

Между тем политическая борьба во Франции все обострялась. Аннулирование избрания Грегуара в депутаты явилось поворотным пунктом в деятельности

политических заговоров. Пример испанской и неаполитанской революций 1820 г. тоже оказался заразительным. К лету этого года возник заговор, в который оказались вовлеченным и Рей. Заговор этот носил довольно

тайных обществ. Если до этого они еще надеялись достигать своих целей легальным путем, то теперь их тактика резко меняется. Их члены все больше вовлекаются в политические заговоры. Пример испанской и неаполитанской революций 1820 г. тоже оказался заразительным.

К лету этого года возник заговор, в который оказались вовлеченным и Рей. Заговор этот носил довольно тайный характер и по своему составу, и по своим целям. В нем участвовали и военные и гражданские

лица, в том числе и члены основанного Реем «Союза», причем Рей сумел заручиться поддержкой самого Лафайета. Некоторые заговорщики ставили себе лишь

одну цель — принудить Людовика XVIII безоговорочно соблюдать хартию, как испанская революция принудила Фердинанда VII восстановить конституцию. Среди военных преобладали бонапартистские настроения. Республиканцы, к числу которых принадлежал и Рей, считали

преждевременным выдвигать лозунг республики, но втайне надеялись, что дальнейшее развитие событий приведет к установлению республиканской формы правления. Непосредственно же предполагалось создать

временное правительство во главе с Лафайетом, в котором должен был быть генеральный прокурор. Заговорщики действовали без всяких предосторожностей, и 19 августа 1820 г. заговор был раскрыт, хотя правительство так и не узнало имени

всех его участников. Вовремя предупрежденный Рей сумел скрыться. Пробыв некоторое время в Швейцарии и Германии, он вынужден был затем переехать в Англию, где и обосновался на длительный срок. К тому времени он был уже заочно приговорен палатой перов

к смертной казни²⁵.

Очутившись в Англии, Рей быстро освоил английский язык, так что вскоре смог подрабатывать себе на

Приговор по делу 34 лиц, привлеченных к ответственности в связи с заговором, был опубликован в «Монитёре» от 17 июля 1821 г. См.: Dumolard H. Op. cit.

Приговор по делу 34 лиц, привлеченных к ответственности в связи с заговором, был опубликован в «Монитёре» от 17 июля 1821 г. См.: Dumolard H. Op. cit.

Приговор по делу 34 лиц, привлеченных к ответственности в связи с заговором, был опубликован в «Монитёре» от 17 июля 1821 г. См.: Dumolard H. Op. cit.

Приговор по делу 34 лиц, привлеченных к ответственности в связи с заговором, был опубликован в «Монитёре» от 17 июля 1821 г. См.: Dumolard H. Op. cit.

Приговор по делу 34 лиц, привлеченных к ответственности в связи с заговором, был опубликован в «Монитёре» от 17 июля 1821 г. См.: Dumolard H. Op. cit.

Приговор по делу 34 лиц, привлеченных к ответственности в связи с заговором, был опубликован в «Монитёре» от 17 июля 1821 г. См.: Dumolard H. Op. cit.

Приговор по делу 34 лиц, привлеченных к ответственности в связи с заговором, был опубликован в «Монитёре» от 17 июля 1821 г. См.: Dumolard H. Op. cit.

Приговор по делу 34 лиц, привлеченных к ответственности в связи с заговором, был опубликован в «Монитёре» от 17 июля 1821 г. См.: Dumolard H. Op. cit.

Приговор по делу 34 лиц, привлеченных к ответственности в связи с заговором, был опубликован в «Монитёре» от 17 июля 1821 г. См.: Dumolard H. Op. cit.

жизнь, давая уроки французского языка и делая переправы»²⁶. Он сразу же приобщился к английской политической жизни, открывшей перед ним совершенно новые перспективы. «Первый год моего пребывания в Лондоне, — пишет он в своих мемуарах, — был почти целиком посвящен изучению английского языка и ознакомлению с некоторыми центрами, где разрабатывались идеи, свойственные Англии. Поэтому, как только я стал понимать разговорный язык, я стал посещать места, где я мог достичь этой двойной цели. Не имея возможности часто ходить в театр из-за ограниченности моих средств, я присутствовал на религиозных проповедях различных сект, следил за дискуссиями во многих клубах, посвященных политическим вопросам или политической экономии. В безвестных кафе, предназначенных исключительно для рабочего класса я слушал людей, обладавших большим здравым смыслом и бывших иногда прекрасными ораторами»²⁷.

Итак, оказавшись в Англии, этой «классической стране капитализма, стоявшей по уровню своего социально-экономического развития значительно выше Франции и других европейских стран, где ему довелось до этого побывать, Рей столкнулся с совершенно новым для себя действительностью, познакомился с новыми социальными проблемами. Он не только стал, по словам, усердно изучать политическую экономию, но только свел личное знакомство с Иеремией Бентамом с которым поддерживал близкие отношения и в дальнейшем²⁸, но познакомился и с английским рабочим классом, с английским рабочим движением, слушал выступления на общественно-политические темы рабочих ораторов, которые произвели на него такое впечатление. В этих условиях еще больше возрос

интерес к социальным проблемам, которым он с молодости уделял особое внимание. Его поиски путей для «возвращения золотого века», для ликвидации нищеты и невзгод, для обеспечения счастья всех людей и полного удовлетворения их потребностей не могли не стать более интенсивными.

Как это не может показаться парадоксальным, но только будучи в Англии, Рей познакомился с сенсимономизмом и фурьеризмом. Впрочем, объяснялось это довольно просто, так как основные работы Сен-Симона и Фурье были опубликованы только к этому времени. С главными положениями сенсимономизма его ознакомил один из выдающихся сенсимономистов — Родриг, который вручил ему два или три номера сенсимономистского журнала «Le Producteur». Беседа с Родригом не произвела на него, однако, большого впечатления. В это же время, в 1825—1826 гг., он прочел и основное произведение Фурье — «Трактат о домашне-сельскохозяйственной ассоциации», опубликованный в 1822 г. Критическая часть этой книги показалась ему превосходной, но на него произвели отрицательное впечатление «мнимые математические методы» Фурье и «аргументация теологического характера, в которой он всегда ссылается на бога»²⁹.

Подобное критическое отношение к двум социальным системам, получавшим все большее распространение во Франции, объяснялось тем, что к тому времени Рей нашел то учение, которое полностью гармонизировало с его социальными чаяниями. То было коммунистическое учение Роберта Оуэна, разработанная им «модель коммунистического общества». Лежавший в основе этой доктрины, с которой он ознакомился еще в 1822—1823 гг., принцип общности и равенства, вызывавший повсеместно злые и ожесточенные нападки, произвел на него совершенно другое впечатление. «Вместо того, чтобы казаться мне пугалом, он принес мне утешение. Я узрел перспективу осуществления всех моих надежд, связанных с будущим человечества; я узрел, наконец, сладостную гармонию, распространенную на всех членов великой человеческой семьи, навеки объединенных узами любви и всеобщего братства. Не следует, однако, полагать, что это был результат одного

²⁶ Материальную помощь ему оказали также Лафайет и его герцогские друзья, члены «Союза», собравшие по подписке сумму, необходимую, чтобы обеспечить ему ежегодно 1200 франков.

²⁷ Mémoires sur la Restauration, section 3, p. 20.— Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3938.

²⁸ Адресованные ему письма Бентама сохранились в его архиве. Они были опубликованы еще в 1890 г. в «Journal des économistes». Интересно отметить, что, став коммунистом, Рей в своих мемуарах пытается истолковать утилитаризм Бентама, используя некоторые его демагогические формулировки, как учение, стремящееся обеспечить счастье наибольшего количества людей. См. Mémoires sur la Restauration, p. 21—22.

²⁹ Mémoires sur la Restauration, p. 49—52.

лишь энтузиазма; нет, вначале я испытывал большие сомнения, я долго размышлял, и я полностью воспринял новые принципы только после того, как в течение года усердно посещал заседания Лондонского кооперативного общества»³⁰. Итак, после ознакомления с учением Оуэна и многократного посещения основанного оуэнистами Лондонского кооперативного общества обрел, наконец, тот общественный идеал, к которому издавна стремился. То был идеал коммунистического общества, который, по его словам, успокоил его душу, которому он оставался верен всю свою жизнь.

От изучения английского права, которому Рей посвящал много времени в первые годы своего пребывания в Англии, он перешел к изучению «основных условий хорошо организованного общества». Он прочел даже на эту тему курс лекций, на который приглашали многих видных представителей эмигрантских кругов различных европейских стран и некоторых англичан способных его понять (читал он, очевидно, свои лекции по-французски). Лекции эти сопровождалась дискуссией, во время которой он отвечал на выдвигаемые возражения. «Хотя этот курс был еще весьма несовершенным наброском... он, однако, оказался для меня очень полезным, хотя бы в том смысле, что побудил меня представить о возражениях, которые мне будут делаться. Этот прочитанный Реем в Лондоне курс и послужил основой новой работ, вскоре опубликованных им во Франции. Есть также основание полагать, что в период своего пребывания в Англии он написал и какую-то брошюру. Во всяком случае, в его архиве имеется письмо на английском языке некоего оуэниста (подпись неразборчива), помеченное 7 сентября 1825 г. В нем сказано: «Я имел удовольствие прочесть ваш памфлет, и я выражаю вам мою искреннюю благодарность. Я вижу, что вы обращаете внимание на то, что происходит в Англии. Мы имеем лишь ложную цивилизацию... Большая часть современных народов блеверы». Далее из письма видно, что речь шла о проблемах детерминизма»³². Других сведений об этой работе ятнее всего рукописной, брошюре Рея мы не имеем.

Во Францию Рей вернулся уже в 1826 г. Дело в том, что, согласно французскому законодательству того времени, неявка в течение пятилетнего срока приговоренного заочно грозила последнему гражданской смертью, т. е. лишением всех гражданских прав. Рей решил пойти на риск, и этот риск оправдал себя. Он прибыл в Париж с швейцарским паспортом и представился канцлеру Дамбре, знавшему его лично. Последний выхлопотал для него амнистию³³. Правда, Рей должен был в течение пяти лет оставаться под надзором полиции. Но уже два года спустя, в ноябре 1828 г. (при министерстве Мартиньяка), этот надзор был отменен, и Рей, к тому времени женившийся, вскоре вновь обосновался в Гренобле.

По возвращении во Францию Рей сразу же опубликовал двухтомное произведение, написанное им еще в Англии и посвященное сравнению английской судебной системы с соответствующими системами Франции и других стран³⁴. В нем Рей подвергал резкой критике общественный строй Англии. Он отмечал, что в этой стране вся земельная собственность сосредоточена в руках 20—25 тыс. лиц при населении в 26 миллионов. Он с негодованием говорил, с каким презрением относятся там не только к слугам, но даже к фабричным рабочим³⁵. Касаясь «низших классов общества», он писал: «Я отношу к этим классам не только бедняков в собственном смысле слова... но также простых рабочих поденщиков, которые не имеют других ресурсов, кроме своих рук, и которые при малейшем перерыве в работе подвергаются самым жестоким лишениям. Что касается первых, то их число растет с каждым днем даже в условиях общего роста богатства, так как вся экономическая система ведет к накоплению богатств в руках незначительного числа лиц»³⁶. В заключение он дает следующую убийственную характеристику всей современной цивилизации. «Мы имеем лишь ложную цивилизацию... Большая часть современных народов блеверы».

³⁰ Ibid., p. 27—29.

³¹ Ibid., p. 28.

³² Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3980, liasse 7, N 78.

³³ Постановление об амнистии Рея было опубликовано в «Монитёре» 4 ноября 1826 г. См.: Dumolard H. Op. cit.

³⁴ *Rey J. Des institutions judiciaires de l'Angleterre comparées avec celles de la France et de quelques autres états anciens et modernes. Paris, 1826. T. I, II. B. N., Lf¹⁰⁹ 24.*

³⁵ Ibid., p. VIII—XIX.

³⁶ Ibid., p. 63.

щут, правда, своими науками и искусствами ... но прежде всего, принцип индивидуального состязания, сделали до самого последнего времени в деле применения искусства и наук для длительного счастья нации, или, иначе говоря, постоянного соперничества отдельных лиц друг с другом. Но эти правила должны неизменно измениться, если когда-либо установится повсеместно система кооперативной общности согласно плану Оуэна»⁴¹.

Такие заявления Рей были вполне естественными, как к тому времени он публично изложил уже свой новый общественный идеал, ту «модель коммунистического общества», которую он воспринял в Англии.

Одним словом, эта столь всхваляемая цивилизация, которой мы столь гордимся, имеет лишь обманчивую внешность»³⁷.

III

В другом своем произведении, опубликованном спустя³⁸, Рей уже недвусмысленно подчеркивал, что Вернувшись во Францию, Рей сразу же, не дожидаясь даже официальной амнистии, приступил к проклятым существующим общественным порядкам. Все изменения в своей новой общественной воззрениях. Он хотел бы, если бы общество было радикально перестроено, прежде всего в форме писем, написанных из Англии, изложить основные положения коммунистического учения Оуэна. Письма эти, видимо, действительно были подготовлены им еще во время своего пребывания там. Ему необходимо было только найти печатный орган, который согласился бы их опубликовать. Являясь знакомым с Родригом помогло ему установить связи с сенсимонистами. «Я возобновил, — пишет он в своих мемуарах, — свое общение с Родригом и познался с рядом других сенсимонистов, в частности с Анфаном и Базаром»⁴². Это дало ему возможность начать публикацию своих писем в их журнале.

Результатом изучения юридических проблем, которыми Рей уделял много времени в бытность свою в Англии, явилось и третье его произведение, посвященное вопросам права и законодательства, опубликованное в сентябре 1828 г.⁴⁰. В этом трактате Рей также указывал, что взаимной кооперации и общности всех имуществ согласно плану г. Оуэна»⁴³. В следующем, октябрьском номере журнала было напечатано его второе письмо, подписанное на этот раз инициалами R. J.⁴⁴.

В своих мемуарах Рей по этому поводу пишет: «Из факта опубликования в «Le Producteur» моих писем об эгалитарной общности не следует заключать, что сенсимонисты когда-либо допускали эти принципы, против которых они, наоборот, всегда возражали. Эта публи-

³⁷ Ibid., p. 382.

³⁹ Du perfectionnement des études légales dans l'état actuel de la société. Par Joseph Rey, de Grenoble, avocat, ancien magistrat. Paris, 1827.

³⁸ Ibid., p. 1—2.

⁴⁰ Rey J. Traité des principes généraux du droit de la législation. Paris, 1828. B. N., F 43, 432.

⁴¹ Ibid., p. 252—253.

⁴² Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3538, p. 57—58.

⁴³ Le Producteur. Journal philosophique de l'industrie, des sciences et des beaux arts. Paris, 1826, t. IV, p. 525—544.

⁴⁴ Le Producteur, Paris, 1826, t. V, p. 129—160.

кация преследовала лишь задачу получить информацию о системе, ставившей перед собой аналогичную цель, что и их собственная, но они даже специально, в примечании, сделали оговорки в отношении принципов»⁴⁵. Действительно, первому письму было предпослано специальное предисловие, в котором редакция журнала отмежевывалась от изложенных в нем взглядов. «Мы никоим образом не одобряем цели, с помощью которых г. Оуэн и его ученики пытаются возродить общество», — говорилось в предисловии. В Муниципальной библиотеке Гренобля среди хранимого там эпистолярного фонда имеются три записки Анфантена Рею, относящиеся к этому периоду, связанные с публикацией его писем. В третьей из них в следующей неделе, чтобы поспорить с вами; вы знаете из этих воззрений он и пытается обосновать свои об- что мы только что дискутировали в «Le Producteur».

Эти слова Анфантена также свидетельствуют об от- цательном отношении сенсимонистов к коммунистическому идеалу, который Рей излагал и обосновывал в своих письмах.

Как бы то ни было, первые два письма Рея опубликованы именно в сенсимонистском журнале. Однако третье письмо так и не было напечатано, так журнал вскоре прекратил свое существование. Рей в 1828 г., несколько переработав и дополнив своих первых двух писем и присоединив к ним опубликовал их отдельной книгой под тем же названием и уже под своим именем⁴⁶. Книга эта являлась беспристрастным изложением учения Оуэна; автор не только открыто солидаризировался с ним, но глубокой убежденностью обосновывал необходимость коммунистического переустройства общества.

Однако «Письма» Рея нельзя рассматривать в отрыве от опубликованного им в двухтомном трактата «Об основах общественного строя»⁴⁷. Произведение это подробно излагает

философские и общественные воззрения автора, причем в тексте включены десятки страниц «Писем». Таким образом, этот трактат Рея является не чем иным, как дополнением и более подробным обоснованием общественных идеалов, изложенных в его книге 1828 г. Поэтому эти произведения следует рассматривать не в отрыве друг от друга, а совместно.

Мы не можем здесь касаться философских взглядов Рея, подробно изложению которых он посвящает весь первый том и часть второго тома своего трактата. Скажем лишь, что философские воззрения Рея, осуждающиеся там эпистолярного фонда имеются три записки Анфантена Рею, относящиеся к этому периоду, связанные с публикацией его писем. В третьей из них, что и Кондилляк, сложились под несомненным влиянием материалистического сенсуализма XVIII в. Исходя из этих воззрений он и пытается обосновать свои об- что мы только что дискутировали в «Le Producteur».

Как в «Письмах...», так и в трактате значительное место уделено беспощадной критике существующего общественного строя, «являющегося постоянным нарушением истинных социальных принципов». Основа современной системы — «крайнее имущественное неравенство бедных различных классов общества»⁴⁸. В современном обществе «непомерное владение средствами пользования делает одних людей постоянно враждебными другим; одна часть общества объединена «для материальных нужд и пристрастий», другая же часть «для материальных нужд и пристрастий»⁴⁹. Ограбление трудящегося отнесен к последнему классу общества, презираем и подвергается эксплуатации со стороны классов, называемых высшими⁵⁰. Положение трудящихся поистине трагично. «Постоянно они страдают от жестокой неуверенности в возможности обеспечить средства существования для себя и своей семьи; постоянно их обременяют налогами... постоянно у них отнимают сыновей для регулярных боен, называемых войнами... постоянно заключают в тюрьмы, увечат, казнят тысячами тех из них, кого общество вынуждает становиться порочными и преступными; но все молча и бесстрастно взирают на эту постоянную картину не-

⁴⁵ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3538, p. 52.

⁴⁶ Le Producteur, 1826, t. IV, p. 525—526.

⁴⁷ Bibliothèque municipale de Grenoble, N 4, 26, 34.

⁴⁸ Rey J. Lettres sur le système de la coopération mutuelle et de la communauté de tous les biens d'après le plan de M. Owen. Paris, 1828.

⁴⁹ Rey J. Des bases de l'ordre social. Angers; Paris, 1836. T. 1, 2

Rey J. Lettres..., p. 10, 18.

Rey J. Des bases..., t. II, p. 380.

Ibid., p. 383.

счастливого класса, создающего все блага. И это осмелится называть социальным порядком!»⁵³

Неудивительно поэтому, что общество раздирает внутренняя борьба, «эта непрерывная междоусобица, война, которую ведут грабители против трудящегося человека, в свою очередь вынужденного непрерывно бороться, чтобы удержать возможно больше из продукта своего труда». Угнетатели к тому же принимают меры, чтобы столкнуть одних производителей с другими, дабы они не могли, объединившись, оказать им существенное сопротивление⁵⁴. Но и сам «класс угнетенный» далек от истинного счастья. Лишив производительной обеспеченности, он тем самым вообще подорвал основы всякой обеспеченности в обществе. Ежедневно можно видеть, как самые богатые разоряются и впадают в крайнюю нужду. Класс богатых испытывает к тому же чувство пресыщенности, «которое часто мешает наслаждаться благами, похищенными им у трудящегося класса». Несчастно и положение среднего класса «непрерывно теснимого между классами бедных и угнетенных»⁵⁵.

Общественное неравенство порождает принцип «исключительного индивидуализма», заставляющего каждого искать счастья за счет других членов общества. Отсюда постоянная война интересов, взаимная вражда и ненависть, разлагающие все и всех, противоречия, поставляющие друг другу даже членов одной семьи. Слова противоречат делам: проповедуют говорить правду, а на деле царит лицемерие, проповедуют почитать стоту нравов, а уважают только богатых бездельников⁵⁶.

Современный общественный строй неизбежно ведет к снижению производства и бесцельной трате производительных сил. В результате современной системы происходит «сокращение продукции промышленности, как, несмотря даже на применение силы, невозможно чтобы тот, кто работает на других, работал бы с таким же рвением и пониманием, как тот, кто знает, что плоды его труда будут принадлежать ему самому»⁵⁷.

дробленность в производстве лишает общество многих благ. В области сельскохозяйственного производства она не дает возможности осваивать новые земли, обрабатываемых — вводить рациональные системы земледелия и применять «усовершенствованные орудия». В области промышленного производства она ведет к большим потерям вследствие столкновений частных интересов, больших непредвиденных расходов на борьбу с конкурентами, многочисленных банкротств. «делает бесполезным для счастья большинства прогресс наук и искусств». Таково, например, использование машин, которое в условиях всеобщей ассоциации было бы лишь благом, но которое в теперешнем обществе является злом, «и часто смертельным злом для массы трудящихся». Наконец, современная система мешает трудящихся и преимуществ, связанных с ассоциацией в сфере домашнего хозяйства⁵⁸.

Вся эта порочная общественная система со всеми невзгодами — порождение порочной системы собственности⁵⁹. Экономисты XVIII в. поняли значение труда, но не сделали из этого соответствующих выводов. Только труд дает право человеку присваивать себе часть благ этого мира. Поэтому все трудоспособные должны трудиться. Но даже труд не дает членам общества права накапливать в своих руках такое количество благ, которое лишало бы других возможности удовлетворять свои потребности. Пока не будет установлен новый порядок, «если даже закон и будет высокопарно декларировать, что все граждане равны перед ним, нельзя будет утверждать, что это равенство является не чем иным, как пустой формулой». Поэтому современное общество — лишь «подобие ассоциации» «ложный социальный строй», организация варваров, а не цивилизованных людей⁶⁰.

Новый социальный строй должен быть основан «на взаимной кооперации во всех работах и на общности интересов, т. е., другими словами, на совместном пользовании продуктами кооперации»⁶¹. Принципу конкуренции должен быть противопоставлен принцип коопе-

⁵³ *Rey J. Lettres...*, p. 149.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 15—16, 18.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 16, 18, 20, 22.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 26—27, 32.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 12.

³ *Rey J. Des bases...*, t. II, p. 102—107.

³ *Rey J. Lettres...*, p. 30.

³ *Rey J. Des bases...*, t. II, p. 190, 191, 383—394.

¹ *Rey J. Lettres...*, p. 9.

рации, «при которой существовало бы постоянное сотрудничество всех ассоциированных в их стремлении к одной же цели — приумножению счастья всех. Но проблема не может быть решена полностью, если кооперация в труде не будет сопровождаться в пользовании его продуктами, основанной на

В своих «Письмах...» Рей, ссылаясь на Оуэна, подробно, в 15 пунктах, излагает структуру добрых ассоциаций⁶². Наиболее важными из них являются пункты 8 и 9, в которых сказано: «Будет существовать общность собственности на все земли, здания, другое недвижимое имущество, так же как и на все дая, сырье, предназначенное для производства, и другие предметы, известные под названием капитала. т. е. на все то, что не предназначено для непосредственного потребления. Предметы непосредственного потребления можно будет получать из общего склада и лишь с этого момента они будут становиться собственными для данного лица. Что же касается предметов, которые не потребляются сразу целиком, но необходимы каждому, как то: жилые помещения, мебель, и т. п., — то отдельное лицо будет иметь право пользоваться ими согласно некоторым правилам, которые будут сочтены наиболее подходящими». «Я заявляю Рей, — что это единственный способ для достижения удовлетворительного уровня социальной гармонии». И далее он подробно излагает благоприятные последствия подобной общественной организации: производители не вступают в конкуренцию друг с другом, не было бы разорительной конкуренции, не было бы перепроизводства, лишних издержек, увеличилось бы количество и качество продуктов, повысился бы теллеktуальный и моральный уровень общества, бы достигнута полная обеспеченность каждого члена общества и его близких⁶⁴.

⁶² Ibid., p. 32—33.

⁶³ Ibid., p. 34—39. В первом письме, опубликованном в сентябре 1826 г. в «Le Producteur», Рей конкретно называл число лиц в подобной общине (минимум 500, максимум 2000 человек). Об этом же Рей упоминает в самой книге, опубликованной в 1828 г., о численном составе таких ассоциаций ничего не говорится.

⁶⁴ Rey J. Lettres..., p. 40—46.

Все свое третье письмо⁶⁵ Рей посвящает ответу на возможные возражения против новой общественной системы, основанной на коммунистических принципах, на следующие: что подобные ассоциации противоречат человеческой природе, что они никогда не будут испытаны на практике, что они ведут к нивелированию людей, что они поощряют лень и тунеядство, приводят к разрушению семьи. Защищая строй, основанный на общности имущества, Рей едко высмеивает, в частности, аргумент о его несоответствии человеческой природе. По мнению людоеда, предназначение человека — быть съеденным другим человеком, а по мнению инквизитора — нарушаемые божественные законы предписывают жечь еретиков. Почему же следует думать, что временные общественные порядки со всеми их печальными последствиями являются «непреодолимой судьбой» человеческого рода?

Рей специально рассматривает все попытки достижения социального равенства в прошлом и настоящем. В этой связи он критикует «юбилей» евреев и различные аграрные законы греков и римлян, а также предлаженные законы о наследовании, доказывая, что все доброго рода эгалитарные мероприятия не могут ликвидировать общественное неравенство⁶⁶. Упоминает и о секте ессеев, подчеркивая, однако, принципиальное отличие их общин от предлагаемых ныне коммунистических ассоциаций⁶⁷. Зато он положительно отзывается об общинах моравов или гернгутеров, которые все владеют сообща и живут в условиях полного равенства, а также об овернских общинах во Франции. В этой связи он ссылается на известную статью Фурье «Моравы» в «Энциклопедии», упоминая и об изложенном в ней плане ассоциации, отвергая, однако, как противоречащее принципу общности сохраняемое в этом проекте право членов общины на получение личных доходов⁶⁸.

Из современных ему общественных учений Рей особенно выделяется специально на фурьеризме и сенсимонизме. Фурьеристский проект создания фаланстеров он

Ibid., p. 124—169.

Rey J. Lettres..., p. 40; Idem. Des bases..., t. II, p. 446—452.

Rey J. Lettres..., p. 57.

Ibid., p. 59—60.

считает приемлемым и положительным, но лишь «переходное средство», т. е. как средство продвижения к истинной ассоциации. Но как «конечную организацию» он его решительно отвергает, критикуя и учение Фурье о страстях, и самую сущность его общественного идеала, предусматривающего сохранение в фалангах ходов от капитала, «так как это означало бы навсегда освятить безделие и эксплуатацию человека человеком». В целом он считает «организацию, предложенную г. Фурье, одновременно и неполной и ошибочной. Столь же критически относится он и к сенсимонистам. Солидаризируясь с некоторыми их общими положениями, в частности с принципом «от каждого по его способностям», он резко возражает против принципа «каждому по его делам», что, по его убеждению, дало возможность отдельным лицам получать настоящее больше простого рабочего, что вскоре возродилось общественное неравенство. Сенсимонисты, как и Фурье, пытаются установить новую общественную организацию на базе старого общества»⁶⁹.

Подобно своему идейному учителю Оуэну, Рей не был сторонником революционного переустройства общества. Наоборот, он всячески подчеркивал, что речь идет не о насильственном перевороте, что как бесплодность насильственных революций и побуждает искать средств для осуществления революции совершенно иного рода. В своем трактате он посвящает целую главу «средствам трансформации социальных отношений, чтобы постепенно заменить принцип индивидуализма принципом гармонической ассоциации людей». Тут и кассы взаимопомощи, и прогрессивный налог, и социальное страхование, и всеобщее национальное образование⁷⁰ и многое другое. Желая

конечно, чтобы социальная метаморфоза осуществилась немедленно. Но если это приведет к слишком ожесточенному сопротивлению тех, которые считают в своих интересах ей противодействовать, то можно согласиться и на «медленную и прогрессирующую революцию, лишь бы она произошла». Эта революция должна быть осуществлена в конечном счете созданием высшей формации — всемирной ассоциации народов⁷¹. Конечно, заявляет Рей, он не из тех, кто игнорирует политический строй и считает, что политический строй не имеет значения для социального прогресса; несомненно, что в настоящее время в Константинополе и Санкт-Петербурге нельзя добиться того, что можно добиться в Париже и Лондоне⁷². Но новый социальный порядок — будущее всего человечества.

Хотя Рей и говорит о «своей теории основ общественного строя», следует признать, что он не создал собственной, оригинальной коммунистической системы. В основном его общественный идеал — это идеал общинного коммунизма Оуэна. Но, излагая и обосновывая этот идеал, он пытается связать его с французской действительностью, с французскими философскими и общественно-политическими традициями. Если в своих философских взглядах он исходит из воззрений французских просветителей, то и идеал общинного коммунизма он пытается связать с соответствующим течением французской общественно-политической мысли. Отсюда его ссылки на моравские и овернские общины, на знаменитую статью Фегэ в «Энциклопедии» и предложенный им проект «ассоциации», породивший еще в XVIII в. во Франции целый ряд аналогичных планов и предложений. Проекты ассоциаций второй половины XVIII в.

оценивали в себе два начала и носили двойственный характер: с одной стороны, в их основе лежали старые общинно-коммунистические идеалы, с другой — они в

⁶⁹ *Rey J. Des bases...*, t. II, p. 434, 452—456.

⁷⁰ Как и многие утописты, Рей придавал всеобщему образованию воспитанию молодого поколения решающее значение в осуществлении общественного переустройства. В 1832 г. в своем обращении к королю Луи-Филиппу наряду с рядом других предложений в области социальной политики он особо настаивает на организации национальной системы воспитания, которая в конечном итоге приведет «к настоящему золотому веку для нашего перемещенного поэтическим воображением в прошлое, но который может по-настоящему возникнуть лишь в усовершенствованном будущем» (*Rey J. Adresse au roi. Angers, [s. a.]*, p. 19).

1 Рей в 1835 г. посвятил своей книге, рассматривая его как путь к «грандиозной социальной революции», поскольку перевоспитание людей начиная с раннего детства приведет через два-три поколения к полному социальному преобразованию общества (*Rey J. Lettres à ma femme sur les écoles de la première enfance dites salles d'asile. Grenoble, 1835*, p. 9—10, 176).

2 *Rey J. Des bases...*, t. II, p. 191—192, 527.

³ *Ibid.*, p. 545.

большей или меньшей степени носили уже характер товарищеских товариществ. Идея подобных ассоциаций известна с одной стороны, к идеалам общинного коммунизма, а с другой — к кооперативным идеям, на базе которых возник в начале XIX в. общественный идеал Фурье. Понятно поэтому, что Рей, связывавший идеал общинного коммунизма, воспринятый им из идеи Оуэна, с французскими проектами ассоциаций предыдущего века, отмежевывался в то же время от их элементов, которые противоречили коммунистскому принципу распределения по потребностям, например, система личных доходов в проекте Фегэ. К этому же, одобряя идею фаланг Фурье, он резко осудил их сущность как акционерно-товарищескую, выплачивающих дивиденды капиталистам за вложенный ими капитал. Следует сказать, однако, что Рей критиковал и грубую уравнивательность французского коммунизма XVIII в. Коммунизм, провозглашая общинное имущество, отнюдь не является тем, чем хотят его представить противники. Современный коммунизм отнюдь не предполагает абсурдного абсолютного равенства, требует, чтобы все одинаково питались, одевались и т. п. Равенство, предусматриваемое «рациональными коммунистами», означает лишь удовлетворение потребностей каждого члена общества, но с учетом естественных различий между людьми. Коммунистические принципы, разумно понятые, допускают разнообразие вкусов, отнюдь не предусматривают «ужасающего единообразия во всех жизненных взаимоотношениях».

Общественная критика Рея также безусловно производит некоторые основные положения Оуэна его школы. Но Рей недаром отмечает в предисловии своему трактату, что жизнь дала ему возможность ознакомиться со всеми классами общества, что ему пришлось долго жить в Италии, Германии и Англии. Шестидесятилетнее пребывание в Англии сыграло и в этом отношении решающую роль. Если, скажем, Фурье ссылается на положение английских рабочих, то Рей опирается на положение газетного материала. Рей лично общался в Англии с рабочей средой, слушал выступления рабочих ораторов, был знаком с английским рабочим движением. В произведениях Рея критика буржуазного общества носит конкретный характер, с констатацией раздирающей его классовой борьбы.

Всякого положения «класса производителей», эксплуатация человека человеком. Добавим, что как республиканец и демократ Рей отнюдь не относился безразлично, подобно многим другим современным ему социальным реформаторам, к политическим вопросам и проблеме политического строя.

При всем том Рей вопреки своему убеждению был типичным утопистом, но, разумеется, не в том снисходительно-издевательском смысле, какое вкладывали в это понятие самодовольные буржуа бальзаковской эпохи, казавшиеся так всех борцов за лучшее будущее человечества. Рей, подобно другим своим современникам, сидел в «классе производителей» лишь страдающий, эксплуатированный класс. «Социальную метаморфозу» он связывал отнюдь не с классовой борьбой против эксплуататоров. Наоборот, опасаясь ожесточенного сопротивления с их стороны, он высказывался за постепенное мирное обновление общества, причем надеялся, что со временем удастся убедить представителей господствующего класса принять участие в этом социальном преобразовании.

Все это не мешало Рею выступать со страстной заботой и пропагандой коммунистических идеалов. Особо следует отметить его непоколебимую идейную убежденность, его непоколебимую веру в светлое будущее человечества. И подлинным пафосом проникнуты его трактаты, которыми он заканчивает свой трактат. «Мир в настоящее время движется к прогрессу вопреки всем препятствиям... всюду происходит глубокое движение к социальному обновлению; всюду чувствуют, что терпение плохо, что лучшая судьба ожидает человечество. Единственное, что различает в этом отношении разные народы, — это уровень их цивилизации: менее развитые, более отдаленные от цели должны быстрее идти вперед, в то время как другие смогут достигнуть этой цели с меньшими усилиями, поскольку у них больше возможностей проложить путь, по которому в конечном итоге должны будут пойти все... Люди не должны, во всяком случае, дать отклониться от их высокой руководящей миссии. Им принадлежит мир, так как они владеют идеями, которые увлекут за собой весь мир. Пусть их называют мечтателями, утопистами, пусть даже их обвиняют в том, что они яв-

аются подстрекателями беспорядков. Ничто не должно поколебать. Пусть же они с мужеством продолжат свой путь; и на насмешки и несправедливость они более чем когда-либо вправе отвечать, как Галилей эшафоте, когда инквизиция хотела заставить его отречься от теории вращения земли: А все-таки она вертеться»⁷³.

IV

Упомянув в своих мемуарах о возникновении Франции еще до революции 1830 г. различных сект», Рей заявляет, что он считает своим долгом рассказать специально о «коммунистах». «Мне более уместно взяться за это дело, и я тем более не могу не сделать, что именно я — и этого не следует забывать — был почти первым, привнесшим эти идеи во Францию... После опубликования моих писем в «Producteur», я напечатал их отдельно, в маленьком альбоме in-18, экземпляры которого я прежде всего отдал вил журналам, одновременно вручив их тем лицам, которых я считал наиболее расположенными оценить эту систему. Получив различные возражения, которые мне были сделаны, я стал помышлять об организации кооперативного общества в Париже наподобие кооперативного общества в Лондоне с двойной целью: сперва доктрины, с тем чтобы затем в кратчайшем сроке предпринять практическую попытку создания рода общины. Я объединил в этих целях от двенадцати человек, с которыми я проводил совещания, как для обсуждения принципов, так и для разработки устава нашей ассоциации». Пересказывая подробно идеи оуэнизма и вновь упомянув о своей попытке создания в Париже «ядра кооперативного общества», Рей далее пишет: «Но наши собрания проходили более или менее регулярно лишь в течение 1827/28 г., потому что немного спустя после возвращения из изгнания я женился в провинции и мои ресурсы не позволяли мне постоянно проживать в столице. Этим образом невозможность пребывания в центре, откуда долж-

но исходить основные импульсы, помешала дать необходимый ход моим проектам. Я вскоре решился сам распустить зарождавшуюся ассоциацию из боязни увидеть ее принципами ее принципами последователями, не имевшими времени хорошо их усвоить. Я испытывал величайшее сожаление, принимая это решение, но пришлось примириться с необходимостью и постараться по крайней мере, чтобы, используя мое имя, не исказили бы октрину, которую я считаю благотворной лишь при условии, если ее сохраняют во всей ее чистоте»⁷⁴.

Кто же входил в этот первый во Франции оуэнистский кружок, организованный Реем? Ответ на этот вопрос мы находим опять-таки в его архиве. В черновике письма от 5 апреля 1837 г., адресованного Жюлю Рею (черновик, крайне неразборчивый), имеются на этот счет следующие данные: «Вот лица, более или менее известные и влиятельные, которые в свое время поддержали мою попытку создать во Франции ядро общества для распространения системы: Г. де Ластейри... г. Воле Аржансон ... г. Эвра (племянник), врач ... г. де Бру, майор в отставке, офицер Почетного легиона... г. Фруссар, ранее учитель детей Казимира Перье, а затем директор Нормальной школы в Марселе, наконец г. Малле и Анри, инженеры железнодорожной ветки (неразборчиво.— А. И.) и, кроме того, Радигель»⁷⁵. В черновике другого его письма (от 19 января 1839 г.) Рею, написанного в Париже наподобие кооперативного общества в Лондоне с двойной целью: сперва доктрины, с тем чтобы затем в кратчайшем сроке предпринять практическую попытку создания рода общины. Я объединил в этих целях от двенадцати человек, с которыми я проводил совещания, как для обсуждения принципов, так и для разработки устава нашей ассоциации». Пересказывая подробно идеи оуэнизма и вновь упомянув о своей попытке создания в Париже «ядра кооперативного общества», Рей далее пишет: «Но наши собрания проходили более или менее регулярно лишь в течение 1827/28 г., потому что немного спустя после возвращения из изгнания я женился в провинции и мои ресурсы не позволяли мне постоянно проживать в столице. Этим образом невозможность пребывания в центре, откуда долж-

⁷⁴ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3538, p. 74—75, 85.

⁷⁵ Ibid., T. 3980, liasse 7

⁷⁶ Ibid., N 49.

⁷³ Rey J. Des bases..., t. II, p. 546—548.

что присоединившиеся в свое время к моим коммунистическим манифестациям (manifestations communistes) г. де Ластейри (отец), г. Войе д'Аржансон, г. Эвра, врач ... г. Жюльен из Парижа, бывший редактор «Энциклопедического обозрения», г. (неразборчиво), зять г. Эвра, также были близки (n'était pas plus très éloigné) к нашим (коммунистическим.— А. И. доктринам»⁷⁷.

Итак, Рей называет ряд имен. Среди них имена известных лиц — Войе д'Аржансона и Марка Антуана Жюльена, а также имена лиц, не столь известных. Кроме того, были все эти люди, интересовавшиеся учением Оуэна и вступившие в сношения с Реем?

Начнем с Адольфа Радигеля, поскольку уже в 20-х годах XIX в. он наряду с Реем выступал как один из активных пропагандистов коммунистической доктрины Оуэна. Адольф Радигель был лингвистом, преподавателем французского языка. В Национальной библиотеке в Париже сохранился проект курса по «философии языка», который Радигель должен был читать в течение четырех месяцев начиная с 31 марта 1829 г. Там же мы находим и изданную им несколько позднее книгу, где он также пытался обосновать разработанную им новую грамматику французского языка⁷⁸. Какими были общественные воззрения Радигеля, мы знаем совершенно достоверно из сохранившихся в архиве «писем пицетарной школы» двух его писем к Фурье — от 14 апреля и 6 июля 1927 г.⁸⁰

В своем первом обращении к Фурье Радигель писал: «Я не имею чести быть знакомым вам, но, зная, что вы опубликовали работу, принципы которой приблизительно эти новости, находятся в Париже и придерживаются этой системы... Из всего вышеизложенного вы должны убедиться, что практика отнюдь еще не опровергла нашу теорию. Мы не утверждаем, что не встречаем никаких препятствий, когда хотим побудить жить именно противоположного общественного строя; несмотря на это, до настоящего времени мы можем быть довольны нашими успехами». Заявляя, что он и его единомышленники согласны на любую дискуссию относительно того, «что является наилучшим для людей, живущих в обществе», выражая пожелание, чтобы Фурье не только проповедовал свою систему, но и попытался осуществить ее на практике, а также высказывая убеждение,

⁷⁷ Ibid., T. 3951, liasse 2.

⁷⁸ Radiguel A. D. Philosophie du langage. Cours particulier ou l'on exposera la théorie d'une langue philosophique et celle d'un alphabet, vraiment analytique. Et où l'on fera les applications de ces deux systèmes à diverses langues connues et en particulier à la langue française, à son alphabet et à sa poésie. B. N., X 2601. Le parfait lecteur français ou la lecture régularisée et ramenée à la simplicité de celle d'un alphabet philosophique et enseignant la bonne prononciation. Par A. D. Radiguel, grammairien-professeur. Paris, 1837. B. N., X 31952.

⁸⁰ Archives nationales, 10 AS 25, N 2. На эти письма Радигеля впервые обратил внимание Буржен в своей известной монографии о Фурье. См.: Bourgin H. Fourier. Contribution à l'étude du socialisme français. Paris, 1905, p. 414—416.

что в конечном итоге их позиции сблизятся, Радигель написал в заключение: «Пусть люди, желающие добра своему ближнему, не слишком торопятся проклинать друга».

Эти два письма Радигеля не оставляют ни малейшего сомнения. Уже в 1827 г. Адольф Радигель выступил как убежденный оуэнист, сторонник и пропагандист тех или иных «филантропических» идей Оуэна, а коммунистического учения, его проектов переустройства общества на базе коммунистических общин. Он был членом Кооперативного общества Лондона, получал даваемый им журнал и поддерживал тесные связи с английскими оуэнистами.

В своем первом письме к Фурье Радигель указывает, что он выступает не только от своего имени, но и от имени Ластейри и Монтжерри. Имя Ластейри мы находим и в списке Рея. Граф Ластейри (1759—1849), маркиз Лафайета, происходил из старой дворянской семьи. Но, подобно Лафайету, он еще с молодости увлекался философскими идеями века Просвещения, придерживаясь передовых политических воззрений. Агроном по образованию, автор многочисленных трудов по сельскому хозяйству, он все больше интересовался социальными проблемами. Еще в эпоху Империи он пытался основать общество для помощи нуждающимся ученым и писателям, а также неимущим молодым людям — обществу, запрещенное наполеоновской полицией. В период Реставрации он принимал активное участие в политической борьбе в рядах оппозиции, занимаясь публицистической деятельностью и печатая переводы английских и испанских работ для пропаганды своих политических воззрений⁸¹. Многочисленные произведения Ластейри не только свидетельствуют о его передовых взглядах, но и показывают, что все религиозные культы противостоят гражданской и политической свободе. Они свидетельствуют также о его передовых общественных воззрениях и скептическом отношении к общественному строю, установившемуся во Франции после революции. Так, в своей работе «О естественных правах каждого человека

живущего в обществе» он посвящает особую главу «Правам человека, провозглашенным в 1791 г. (явная ошибка. — А. И.) Учредительным собранием», доказывая, что ни одно из этих торжественно провозглашенных прав не было осуществлено на практике и, прежде всего, не было установлено подлинное равенство между людьми. Из всех провозглашенных тогда прав осталось на деле лишь одно «право», а именно право собственности⁸².

В другой работе, посвященной проблемам образования, Ластейри ставил задачей доказать, что способность мышления, рассудок одинаковы у всех людей. «Тогда исчезнут притязания этих надменных умов, которые, рассуждая, считают себя также в праве властвовать над людьми, подобными и низводить их почти до уровня скотины, с тем чтобы исключительно самим пользоваться материальными благами, распределяемыми слепой фортуной»⁸³. Можно было бы привести и целый ряд аналогичных его высказываний.

Учением Оуэна и его коммунистическими общинами Ластейри заинтересовался независимо от Рея. Об этом несомненно свидетельствует статья, опубликованная еще в 1826 г. в издававшемся им в эпоху Реставрации «Журнале обиходных и практических знаний». Эта озаглавлена «Кооперативное общество Новой Гармонии, основанное г. Оуэном в Америке»⁸⁴. «Направление, которое получило развитие человеческого расколом, — читаем мы там, — в результате прогресса наук и как следствие французской революции, должно было неизбежно привести к новым моральным, политическим, научным и индустриальным построениям... Так, мы можем сослаться как на одно из самых замечательных сочинений эпохи, в которой мы живем, на колонии Новой Гармонии, только что основанную г. Оуэном в Америке». Упомянув об удачных реформах, осуществленных в Нью-Ленарке, автор статьи указывал, что Оуэн решил

⁸² Cte Lasteyrie C. P. de. Des droits naturels de tout individu vivant en société. Paris, 1844, p. 250—253.

⁸³ Résumé de la méthode de M. Jacotot. Par M. le comte de Lasteyrie. Grenoble, 1829, p. XXVII—XXVIII. B. N., R. 39227.

⁸⁴ Journal des connaissances usuelles et pratiques. Publié par M. C. de Lasteyrie. Paris, 1826, t. IV, p. 121—128. B. N., V. 26661.

⁸¹ Nouvelle biographie générale... publiée par M. M. Firmin Didot frères, t. 29, p. 785—787; Biographie universelle ancienne et moderne (Michaud), t. 23, p. 313.

обобщить и развить свою систему. «Для того, что дать своей системе ассоциации все доступное ей раз- тие и распространение, этот законодатель купил в Индиана 30 000 акров земли, а также деревню, нованную двадцать лет назад ассоциацией морав Там 1200 человек... объединились вокруг него, что спечивает им более реальное пользование и более общественное счастье, чем то, которое предлагают общественные установления обоих континентов». Да подробно излагалась «конституция предварительного общества Новой гармонии, учрежденного, чтобы дарить счастье всего мира». «Основная задача предварительного общества — улучшить характер и условия существования своих членов и подготовить их стать социализированными членами названных общин, где вся ответственность будет общей». Статья эта свидетельствует, что еще в 1826 г. Ластейри был хорошо знаком с коммунистическими идеями Оуэна и относился к ним положительно, поскольку в упомянутой статье, которую опубликовал в своем журнале, прямо говорилось о восходе новой «социальной организации» по сравнению с существующим в Европе и Америке общественным строем. Не следует также забывать, что в следующем году Радигель, который, возможно, и был автором упомянутой статьи, обратился к Фурье не только своего имени, но и от имени Ластейри. Мы знаем, что Рей относил Ластейри к числу лиц, присоединившихся к его «коммунистическим манифестациям» и более близких к коммунистической доктрине.

В списке Рея значится далее Фруссар, преподаватель по профессии, а впоследствии директор Нормальной школы в Марселе. Батист Фруссар был давно связан с Реем. Он также был уроженцем Гренобля, членом «Союза палате пэров, с резким протестом против нового законопроекта, еще более ограничивавшего свободу печати», основанного Реем в годы Реставрации, и вместе с ним участвовал в заговоре 1820 г. Его передовые политические и общественные взгляды неоднократно навлекали на него преследования. Так, основанная им в Гренобля школа была закрыта по настоянию духовенства. Даже в эпоху Июльской монархии, будучи назначенным директором Нормальной школы в Версале, столкнулся с большими трудностями «вследствие своих демократических убеждений и социальной направленности советов, которые он давал будущим преподава-

там»⁸⁵. В Национальной библиотеке сохранилось опубликованное им в Гренобле в виде отдельной брошюры письмо от 26 марта 1829 г., посвященное методу обучения Жакото. Жан-Жозеф Жакото пропагандировал в те годы новый «метод всеобщего обучения», основанный на принципах самообразования. Метод Жакото пользовался большой популярностью в передовых демократических кругах, видевших в нем средство для распространения образования среди широких народных масс. Из письма Фруссара мы узнаем, что он лично посетил Луvene Жакото и ознакомился с одной из школ, применявших его метод. Подробно описывая систему обучения Жакото, Фруссар обращался с призывом: «Спешите же, мои дорогие и добрые друзья, трудитесь, распространяйте добро, эмансипируйте бедных»⁸⁶. Неудивительно, что человек таких настроений и убеждений также увлекся социальными идеями, которые стал проповедовать, вернувшись во Францию, его старый знакомый и политический соратник Жозеф Рей.

«Методу Жакото» из этих же побуждений уделял большое внимание и Бенжамен Ларош (1797—1852). Прекрасный знаток английского языка, известный переводчик с английского — не только работ Бенгама, но и произведений художественной литературы — Шекспира, Шеридана, Байрона, Купера и других писателей, Ларош эпоху Реставрации за опубликование «Писем аббата Трегуара» был приговорен к шестилетнему тюремному заключению и вынужден был бежать в Англию, где он свел знакомство со многими выдающимися людьми. Вернувшись в 1827 г.

В 1829 г. он опубликовал свою первую работу, по-

⁸⁵ Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. Paris, 1969—1973, t. 1, p. 218—219.

⁸⁶ B. N., Rp. 553, p. 7.

⁸⁷ Pétition d'un homme de lettres à la Chambre des pairs à l'occasion du projet de loi sur la police de la presse. Par M. Benjamin Laroche. Paris, 1827. B. N., Le 25581.

священную методу Жакото⁸⁸. Он страстно защищал метод самообразования, поскольку тот исходил из принципа «равенства рассудков». Для нас эта работа Лароша интересна в другом отношении. Она дает нам возможность предполагать его знакомство с теорией Оуэна. Его высказывания против системы наказаний и наград полностью совпадают с основными теоретическими взглядами последнего. Разумеется, знакомство с оуэнистикой учением для человека, блестяще владевшего английским языком и прожившего ряд лет в Англии, было вполне естественным. В следующем, 1830, году Ларош публикует новую работу в защиту метода Жакото⁸⁹, в которой развивает свою аргументацию в социальном аспекте. Знание не должно быть достоянием лишь богатых. Необходимо добиться того, чтобы сделать знание достоянием и бедняков. «Бедный класс невежеством и невежеством. Кто в этом сомневается? Его интеллектуальное развитие ниже, чем у зажиточного класса. Кто это открывает? То, что нужно решить, это следующее: связан этот низший уровень первого класса и безусловное восхождение второго класса с их физической природой или с окружающей их средой». Автор дает на это исторический ответ: дело не в различной физиологии людей, а в социальных условиях.

Ларош бурно приветствовал Июльскую революцию, опубликовав стихотворное произведение, прославлявшее студентов Политехнической школы, принявших активное участие в революции и павших в борьбе за свободу. В 1832 г., публикуя перевод статьи из одного английского журнала, он указывал в предисловии, что «политические шарлатаны безнаказанно обманывают народные массы» и «что лионские события (речь идет о рабочем восстании в Лионе в 1831 г.— А. И.) заставили еще живее осознать необходимость решения важных проблем политической экономии, которыми столь долго пренебрегали во Франции»⁹¹. Скажем в заключение

⁸⁸ L'enseignement universel de M. Jacotot en présence de l'enseignement universitaire. Par Benjamin Laroche. Paris, 1829. В. N., 1537.

⁸⁹ Laroche B. Défense de la méthode Jacotot. Paris, 1830. В. N., 40785.

⁹⁰ [Laroche B.] Hommage à l'École polytechnique. В. N., 8° Ye Pi 1656.

⁹¹ Les singes économistes ou qu'est-ce que la liberté du commerce. Traduit de l'anglais par Benjamin Laroche. Paris, 1832. В. N., R. 2641.

что в 1848 г. Ларош был одним из редакторов «Насмешного, ежемесячного журнала демократической и социальной республики». («Persifleur, journal mensuel de la République démocratique et sociale»). Таким образом, во время революции 1848 г. он открыто примкнул к «красным», выдвигавшим вопреки буржуазным республиканцам лозунг «социальной республики».

Бру, выпускник Политехнической школы, был автором изданной в 1829 г. брошюры, посвященной «плану физического, морального, интеллектуального и общественного воспитания»⁹². В брошюре этой излагался проект учебного заведения общежития для учащихся, которые не только изучали бы различные дисциплины, но и занимались бы физическим трудом. «Дортуары... библиотечка, физический кабинет, химическая лаборатория, столовая... мастерская с кузницей, столярными принадлежностями, токарными станками и всеми необходимыми инструментами для обработки металлов, дерева и картона, сад» — вот как представлял себе Бру это закрытое учебное заведение, являвшееся, по существу, своего рода общиной для молодых людей, совместно проживающих, обучающихся и работающих. Бру предлагал отцам семейств, желающим принять участие в организации подобного заведения, «явиться к г. Жюльену из Парижа, редактору «Энциклопедического обозрения». Как видим, этот проект был разработан Бру вместе с Жюльеном.

Мы не можем пока ничего сказать о докторе Эвра, о котором неоднократно упоминает Рей, называя его в числе лиц, принимавших активное участие в его «коммунистических манифестациях», и об инженерах-путейцах Анри и Малле. Зато мы хорошо знаем таких известных деятелей, как Войе д'Аржансон и Марк-Антуан Жюльен, также, по свидетельству Рея, примкнувших к первому оуэнистскому кружку во Франции.

Вряд ли имеет смысл подробно говорить о Войе д'Аржансоне, политическая и общественная деятельность которого в 30-х годах XIX в. хорошо известна и достаточно изучена. Мы знаем о его близких отношениях с Буонарроти, когда тот после Июльской револю-

⁹² Plan d'éducation physique, morale, intellectuelle et sociale. Par M. de Brou, ancien élève de l'école polytechnique. Paris, 1829. В. N., Rp. 2300.

ции вернулся в Париж; Войе ему помог и оказыва-
всяческую поддержку до самой его смерти. Извест-
его дружба с бабувистом Тестом, его связи с необа-
вистскими кругами, его участие в Обществе прав че-
века. Известны его брошюры и памфлеты, за котор-
он, потомок древнего аристократического рода и чл-
палаты депутатов, привлекался к судебной ответстве-
ности и в которых он выступал с защитой интерес-
«рабочих классов» и «трудящихся», осуждал существ-
щий общественный строй, оспаривал право частной со-
ственности, призывая завершить дело Французской Ре-
волюции путем установления подлинного равенства, пр-
возглашая в своей знаменитой речи в палате депута-
тов 6 января 1834 г. конечной и постоянной целью «равен-
ство социальных условий»⁹³. До сих пор, однако, под-
гаки, что все это произошло под влиянием книги Бу-
нарроти и личного знакомства с ним. Свидетельство Ре-
воя д'Аржансон впервые ознакомился с коммунистич-
скими идеалами не из книги Буонарроти, а из оуэни-
ского учения, пропагандировавшегося во Франции е-
ще в 1831 г., сообщая о своем возвращении в Париж,
до этого Реем и его единомышленниками. Он пришел
коммунизму не непосредственно через бабувизм, а пер-
воначально через оуэнизм.

Войе д'Аржансон, несомненно, давно знал Рея, та-
как участвовал вместе с ним в заговоре 1820 г.— ве-
дажде бы доставило большое удовольствие повидать вас:
заговорщики прочили его даже на должность министр-
внутренних дел в будущем временном правительств-
Неудивительно поэтому, что в 1827—1828 гг. он вно-
сблизился с Реем и примкнул к возглавлявшемуся по-
следним кружку французских оуэнистов. Что он подде-
живал с ним близкие отношения и в дальнейшем, сви-
детельствуют два его письма, сохранившиеся в архив-
Рея⁹⁴. Первое из них помечено 26 декабря 1830 г. сво-
его знакомстве с ним. Войе д'Аржансон входил в пер-
Д'Аржансон писал о его «превосходном проекте закон-
о национальном образовании». Речь идет о «Петици-
палате депутатов относительно принятия нового план-
национального образования», опубликованной Реем по-
сле Июльской революции, сблизился с бабувистами,
сохранив, однако, с Реем самые сердечные отношения.
Новые революционные настроения Войе д'Аржансона на-
шли свое косвенное выражение в его письмах к Рею.

Письма д'Аржансона с несомненностью свидетельст-
вуют о его близких и дружественных отношениях с Ре-
ем и вполне подтверждают все, что пишет сам Рей о
своем знакомстве с ним. Войе д'Аржансон входил в пер-
вый оуэнистский кружок, организованный Реем в 1827—
1828 гг., но затем вскоре, во всяком случае сразу же
после Июльской революции, сблизился с бабувистами,
сохранив, однако, с Реем самые сердечные отношения.
Новые революционные настроения Войе д'Аржансона на-
шли свое косвенное выражение в его письмах к Рею.

⁹³ Прекрасное резюме публицистической деятельности д'Аржансона⁹⁵
в 30-х годах XIX в. мы находим в книге В. П. Волгина «Француз-
ский утопический коммунизм» (М., 1960, с. 123—131).

⁹⁴ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3980, liasse 7.

⁹⁵ Rey J. *Pétition à la Chambre des députés pour l'adoption d'un nou-
veau plan d'éducation nationale*. Paris, 1830. Предисловие помече-
но 20 октября 1830 г.

В первом письме он откровенно высказывал свое скептическое отношение к Июльской революции и, полностью солидаризируясь с проектом Рея о всеобщем и едином национальном обучении, высказывал мнение, что проект этот может быть претворен в жизнь только в том случае, если чрезвычайные события вынудят палату депутатов осуществить это мероприятие. Во втором письме, вновь соглашаясь с мнением Рея об исключительной важности народного просвещения, он задавал ему следующий вопрос: «Но не думаете ли вы, что одновременно и даже до этого нужно обеспечить часы досуга образованным судьям, которых рассматривают лишь как машины, способные производить хлеб, материю и доставлять рекрутов и платить налоги; достаточно ли сделают для них, если займутся улучшением их участи только в этой области?» В 30-х годах друг и соратник Буонарроти Войе д'Аржансон был уже далек от воззрений французских оуэнистов, возлагавших надежды на «мирное» преобразование общественного строя и придававших поэтому такое решающее значение всеобщему образованию и просвещению широких народных масс.

Марк-Антуан Жюльен ... Столь красноречиво это имя сколь много воспоминаний пробуждает оно! Вспоминается 14-летний отрок, распространявший вечером 14 июля 1789 г. составленную им самим листовку, в которой говорилось: «Недостаточно ниспровергнуть Бастилию, необходимо ниспровергнуть трон». Вспоминается юноша, убежденный якобинец, фанатический приверженец Робеспьера, агент Комитета общественного спасения, направляемый с ответственными миссиями в различные города⁹⁶. Вспоминается его известное письмо от 1 октября 1793 г. из Сен-Мало, в котором он сообщал: «Повсюду я призываю народные общества не доверять коммерсантам, мяскаденам и вообще богачам, чья очередь придет вслед за духовенством и дворянством. Повсюду я стремлюсь поднять народ, показать, что революция совершена для него, что пришло время для господства бедных и санкюлотов, потому что они составляют большинство на земле, а большинство должно господ-

⁹⁶ Недавно опубликована книга, посвященная деятельности Жюльена в период революции, в частности в эпоху якобинской диктатуры; книга, однако, весьма поверхностная. *Gaspar P. L'ombre de Robespierre*. Paris, 1979. См. рец.: *Annales historiques de la Révolution française*, 1979, N 2, p. 349—352.

ствовать»⁹⁷. Вспоминается вывод, сделанный им уже после термидора, о социальном содержании Французской революции: «... вся революция, от начала до конца, была непрерывной борьбой, войной не на жизнь, а на смерть между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными»⁹⁸. Вспоминается узник тюрьмы Плесси, находившийся там вместе с Бабефом, Буонарроти и другими демократами и отправившийся 13 вандемьера вместе с Бабефом к начальнику тюрьмы с предложением дать возможность заключенным защитити республику от роялистского мятежа. Вспоминается, как после выхода из тюрьмы молодой республиканец продолжал поддерживать зимой 1795—1796 гг. самые тесные связи с будущими участниками «заговора равных» и содействовал организации клуба Пантеона⁹⁹.

Правда, Жюльен не принял участия в самом заговоре. Более того, в конце жерминаля IV года, в разгар агитации «равных», он выпустил анонимную брошюру¹⁰⁰, в которой резко выступил против подготавливавшегося восстания. Но, как свидетельствует эта брошюра, сделал он это, вполне искренне полагая, что подготавливаемое «равными» выступление пойдет на пользу лишь роялистам, которые воспользуются им, чтобы осуществить то, что им не удалось 13 вандемьера. Если даже восстание временно победит, оно затем будет неизбежно подавлено, так как не будет поддержано ни департаментами, ни армией, что приведет в конечном счете к истреблению всех республиканцев и к гибели республики. Он призывал поэтому заблуждающихся патриотов воздержаться — пока не поздно — от этого рокового шага. Автору брошюры нельзя отказать в трезвой в оп-

⁹⁷ Это письмо, обнародованное после термидора в докладе Куртуа о бумагах, найденных у Робеспьера и его сообщников, мы цитируем по статье В. М. Далина «Марк-Антуан Жюльен после 9 термидора» (*Далин В. М. Люди и идеи*. М., 1970, с. 39). Эта статья В. М. Далина, написанная на основе бумаг и рукописей Жюльена, хранящихся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, является на сегодняшний день единственным серьезным научным исследованием, посвященным жизни и деятельности Жюльена в 1794—1799 гг.

⁹⁸ Там же, с. 43.

⁹⁹ Там же, с. 47—57.

¹⁰⁰ [Jullien M.-A.] *La suite aux oeufs-rouges ou gare le pot au noir. Ou coup d'oeil sur notre situation actuelle, dernière décade de germinai*, an 4.—В. N., Lb⁴² 1010.

ределенном смысле оценке действительного соотношения сил во Франции весной 1796 г. Но позиция, занятая Жюльеном в период «заговора равных», свидетельствовала уже об его отходе от революционных принципов, хотя еще долгие годы он оставался убежденным республиканцем. Даже после брюмерского переворота Жюльен вызвал гнев Наполеона, лично его хорошо знавшего (Жюльен участвовал и в итальянском и в египетском походе и редактировал официальную газету итальянской армии), тем, что выступил в защиту бывших якобинцев и «равных», подвергнутых репрессиям после организованного роялистами покушения на жизнь первого консула. Поэтому в эпоху наполеоновской диктатуры Жюльен находился в опале и занимал лишь второстепенные должности. Более того, в конце 1813 г. он был арестован и ему грозило длительное заключение, если бы вскоре не рухнула наполеоновская империя.

В эпоху Реставрации Жюльен всецело посвящает себя литературно-публицистической деятельности и становится редактором журнала «Энциклопедическое обозрение». Отгремели революционные бури. Давно улетучился революционный энтузиазм Жюльена. Бывшая «тьень Робеспьера», бывший «полубабувист» окончательно и бесповоротно отрекся от прежних революционных убеждений, стараясь всячески «обелить» свою деятельность в эпоху революции¹⁰¹. Означает ли это, однако, что Жюльен превратился в обычного буржуазного филистера? В каталоге Национальной библиотеки Парижа перечень публикаций Жюльена занимает несколько страниц. Мы не можем рассматривать здесь все его бесчисленные книги, брошюры, статьи. Скажем лишь, что они свидетельствуют об обратном. Не было больше молодого энтузиаста, метавшего грома и молнии против «богачей» и мечтавшего революционным путем установить «господство бедных и санкюлотов». Но в его мятежной, беспокойной душе то и дело возникали отголоски прежних настроений. Пореволуционная общественно-политическая действительность его отнюдь не удовлетворяла, и он не рассматривал ее как нечто совершенное и окончательное. То вдруг он выдвигал проект «искоренения нищенства», заявляя, что «настало время и для Франции

осуществить некоторые филантропические и философские идеи»¹⁰², то писал о необходимости «наметить возможное в будущем прогрессивное развитие человечества»¹⁰³. И как раз в это время из Англии стали поступать удивительные сведения о деятельности самоотверженного человека, стремившегося мирным путем — без революционных потрясений — избавить общество от всех присущих ему бед и невзгод.

«Энциклопедическое обозрение» было одним из первых французских журналов, обративших внимание на деятельность Роберта Оуэна. Еще в апрельском номере журнала за 1821 г. была опубликована посвященная ему статья в форме рецензии на французский перевод книги Макнаба¹⁰⁴. В статье этой¹⁰⁵ не только описывались реформы, осуществленные Оуэном на своем предприятии в Нью-Ленарке, и указывалось, что Нью-Ленарк «является образцом применения наивозможно лучших средств для улучшения положения рабочих классов». В ней говорилось уже и о разработанном Оуэном проекте коммунистических общин. Упоминая об общественных последствиях развития машинной индустрии, автор статьи писал: «Отсюда идея создать поселение, где сельскохозяйственные работы сочетались бы с промышленным трудом ... г. Оуэн представил план такого поселения, в которое были бы допущены тысяча двести мужчин, женщин и детей»¹⁰⁶.

Сведения о деятельности английского реформатора и его социальных проектах произвели столь сильное впечатление на Жюльена, что в сентябре 1822 г. он совершил поездку в Нью-Ленарк, где имел свидание с самим Оуэном. Результатом этого явилась опубликованная им в 1823 г. в апрельском номере «Энциклопедического обозрения» обширная статья «Заметка об индустриальной колонии в Нью-Ленарке в Шотландии, основанной г. Ро-

¹⁰² Jullien M.-A. Note sur le mode d'extinction de la mendicité. Paris, 20 thermidor an 9. B. N., 4° R., Piece 1009.

¹⁰³ [Jullien M. A.] Quelques vues sur le développement naturel et progressif de l'esprit humain et de la civilisation.— B. N., Rp 2441.

¹⁰⁴ Macnab H. G. Examen impartial des nouvelles vues de M. Robert Owen et de ses établissements de New-Lanark en Ecosse pour le soulagement et l'emploi le plus utile des classes ouvrières et des pauvres et pour l'éducation de leurs enfants. Paris, 1821. B. N., R 42452.

¹⁰⁵ Revue encyclopédique, 1821, t. 10, p. 321—326. B. N., Z 58916.

¹⁰⁶ Ibid., p. 323—324.

¹⁰¹ См., например, изданную им самим: Notice biographique sur Marc-Antoine Jullien de Paris. Paris, 1831. B. N., 8°. Lz² 10500.

ские проекты Оуэна: «Известно что этот филантроп... захотел убедить англичан отказаться от состояния борьбы между всеми семьями, с тем чтобы образовать сельскохозяйственные и мануфактурные общины, которые сделали бы общими их урожай и промышленные изделия, которые совместно воспитывали бы своих детей... которые стали бы как бы большой семьей, где не существовало бы личных страстей и каких-либо личных интересов». В апрельском номере журнала за 1825 г. были помещены сразу две информации: заметка о приезде Оуэна в Соединенные Штаты и приобретении им в штате Индиана участка земли в целях организации общины «согласно системе взаимной кооперации»; сообщение об учреждении оуэнистами Лондонского кооперативного общества для основания общин по системе Оуэна с изложением 35 статей его устава¹¹¹. В июньском номере того же года¹¹², мы находим как рецензию на книгу оуэниста Грея «Лекция о человеческом счастье» (опять-таки с пересказом основных принципов учения Оуэна), так и рецензию на французский перевод книги сына Оуэна — Деля «Очерк системы обучения в школах Нью-Ленарка»¹¹³. Интересно, что в самой этой книге полностью перепечатана брошюра Жюльена, опубликованная им в 1823 г., что свидетельствует о его причастности к переводу на французский язык этого произведения.

После всего вышеизложенного не вызывает никакого удивления, что Жюльен примкнул к кружку оуэнистов, организованному Реем. По словам последнего, он был одним из тех, кто был наиболее близок к коммунистической доктрине. Насколько правильно это мнение Рея, в искренности которого мы, разумеется, не имеем никаких оснований сомневаться? Мы убедились, что еще до «Писем...» Рея Жюльен был знаком с коммунистическим учением Оуэна, не только его не оспаривал, но называл «прекрасным идеалом» и всячески содействовал, прежде всего через свой журнал, распространению во Франции идей оуэнизма. Горячим сторонником Оуэна Жюльен выступал и в дальнейшем. Для выяснения отношения

¹¹¹ Revue encyclopédique, 1825, t. 26, p. 270, 274—276. В. N., Z 58932.

¹¹² Ibid., p. 757—760, 831—832.

¹¹³ Esquisse du système d'éducation suivi dans les écoles de New-Lenark de M. Dale Owen. Traduit par M. Desfontaine. Paris, 1825. В. N., R. 45546.

Жюльена к оуэнизму несомненный интерес представляет статья, опубликованная им значительно позже, в 1837 г., в связи с приездом в Париж Оуэна. В статье этой он писал: «Идет борьба между теми, кто полагает, что в их интересах продолжать держать человека в неведении и, как это слишком часто делали до сих пор, управлять им с помощью насилия и обмана, и теми, кто убежден, что впредь человек как в своих собственных интересах, так и в интересах всех должен быть управляем исключительно при помощи справедливости и правды». Жюльен предвидел «неизбежную грандиозную социальную революцию, которая всколыхнет общество до самых его основ, если она будет осуществлена невежеством и крайней нуждой, которую слепое отчаяние толкнет на путь насильственных и кровавых потрясений». Но благодаря таким идеям, как идеи Оуэна, можно будет осуществить эту неизбежную революцию безболезненно¹¹⁴. Эти высказывания Жюльена весьма характерны. Раз и навсегда еще в эпоху Директории он покончил со своим революционным прошлым. В то же время он не мог и не хотел примириться с пореволюционной действительностью. В оуэнизме он нашел то, что искал уже многие годы, а именно возможность, как ему представлялось, осуществить социальное переустройство, ликвидировать вопиющие язвы буржуазного общества без новых революционных потрясений. «Социальную революцию» он считал неизбежной, но, откровенно опасаясь теперь подлинной революции народных масс, хотел, чтобы она осуществилась мирным путем. Теория и практика оуэнизма представлялась ему желанной альтернативой. Отсюда его участие в оуэнистском движении, возникшем во Франции еще в годы Реставрации.

V

Таковы были, по свидетельству Рея, те лица, которые интересовались учением Оуэна еще в конце 20-х годов XIX в. Возможно, были и другие, кроме тех, чьи имена он упоминал в дальнейшем в своей корреспонденции. Следует полагать, что, поскольку кружок Рея

¹¹⁴ Mémorial Encyclopédique, 18 août 1837, p. 465—467; Gans J. Robert Owen à Paris en 1837.— Le Mouvement social, 1962, octobre—décembre, p. 39.

так и не превратился в какую-либо оформленную организацию, его собрания посещали и те, которые интересовались различными аспектами учения Оуэна, не будучи последовательными оуэнистами.

Но о том, что к этому времени во Франции, кроме Рея, имелись и другие последователи коммунистического учения Оуэна, мы имеем любопытные сведения из совершенно другого источника. Следует сказать, что в различных журналах продолжали появляться не только благожелательные статьи, посвященные Оуэну и организованной им общине в Америке¹¹⁵, но и резкие нападки на его коммунистические принципы. Еще в декабре 1826 г. реакционный журнал «Католический мемориал» опубликовал длинное письмо в редакцию, в котором автор резко обрушился на Оуэна и на его принципы, отрицающие собственность, религию и брак, издевательски излагая коммунистическую доктрину следующим образом: «Частная собственность является чудовищной несправедливостью... следовательно, честные люди, оставившая на улице прохожих и обирая их, дабы исправить эту огромную несправедливость, заслуживают вместо тюрьмы и кандалов публичной награды»¹¹⁶. В феврале 1827 г. тот же журнал, публикуя текст речи Оуэна, произнесенной им в «Новой гармонии» 4 июля 1826 г. (в связи с празднованием дня независимости Соединенных Штатов), обрушился на него с самой откровенной бранью. «Никакой личной собственности, никакой религии, никаких брачных уз — такова хартия этой адской колонии. Мы знакомим наших читателей с этой жуткой декларацией, чтобы они убедились, к чему приводят некоторые доктрины», проповедующие «уничтожение всей собственности, всякой религии и морали». И в этой связи журнал делал следующее интересное заявление: «Тем не менее это истина, что во Франции имеется не один

¹¹⁵ Например, в майском номере за 1827 г. журнала «Американское обозрение» была помещена статья под видом письма, полученного из Америки, в которой не только описывалась община «Новая гармония», основанная Оуэном, и излагались принципы ее организации, но и выражалась надежда, что в конце концов удастся «основать на развалинах старого общества новое общество, устройство которого будет находиться в гармонии с природой и потребностями человека» (La Revue Américaine, t. III. Paris, 1827. N 11, p. 339—344. B. N., 8° P. 494).

¹¹⁶ Le Mémorial catholique. Troisième année. Paris, 1827, t. IV, p. 381—389. B. N., Z. 30025.

человек (il est plus d'un individu) и, можно добавить, даже не одна семья, которая исходя из тех же принципов делает те же выводы»¹¹⁷. Не следует, конечно, принимать на веру это заявление, несомненно преувеличенное в целях устрашения распространение в те годы коммунистических идей во Франции. Но все же оно является косвенным свидетельством наличия во Франции уже в 1827 г. ряда приверженцев коммунистического учения, которое пропагандировал в те годы Оуэн.

По словам Рея, цель совещаний, которые он проводил со своими единомышленниками в течение зимы 1827/28 г., заключалась не только в «обсуждении принципов» учения Оуэна, но и в «совместной разработке устава нашей ассоциации». Этой ассоциацией должно было стать кооперативное общество Парижа, аналогичное кооперативному обществу Лондона и также имеющее целью «сперва распространение доктрины», а затем и организацию коммунистических общин.

Что это утверждение Рея соответствовало действительности, свидетельствует сохранившаяся в его архиве рукопись «Устав кооперативного общества Парижа»¹¹⁸. Устав этот состоит из восьми разделов и 25 статей. Раздел первый, посвященный «цели общества», гласит: «Статья 1. Целью общества является установление системы взаимной кооперации и общности всех имуществ при полном равенстве в различного рода социальных

¹¹⁷ Le Mémorial catholique. Quatrième année. Paris, 1827, t. VII, p. 148—159. B. N., Z. 30026.

¹¹⁸ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3980 (liasse 7). Рукопись эта, состоящая из четырех мелко исписанных страниц, была недавно опубликована в сборнике, изданном под руководством Дероша (H. Descroche): Owenisme et utopies françaises. (Communautés. Archives Internationales de Sociologie de la Coopération et du Développement, 1971, N 30, juillet—décembre), p. 136—140. Этот сборник, изданный в связи с двухсотой годовщиной со дня рождения Оуэна, приводит в хронологическом порядке аннотации произведений и статей на французском языке, ему посвященных, с рядом приложений. В нем опубликовано и несколько документов из архива Рея. При анализе этих документов мы ссылаемся и на этот сборник, хотя сами мы всегда пользуемся ксерокопиями подлинных рукописей, хранящихся в его архиве, поскольку некоторые из этих документов опубликованы с сокращениями, а в других имеются неточности. Основная ценность для нас этого издания состоит, однако, в том, что в нем опубликованы материалы из хранящегося в Манчестере архива самого Оуэна.

преимуществах»¹¹⁹. «Статья 2. Эта цель включает не просто распространение принципов кооперативной системы, но и организацию на практике общин, основанных на этой системе». Второй раздел посвящен вопросу комплектования общества. Вступать в общества могут лица обоего пола по рекомендации трех его членов, причем они считаются принятыми, если за них будет подано три четверти голосов на общем собрании. Общество резервирует за собой право исключать с применением соответствующей процедуры тех своих членов, которые могут его компрометировать. Остальные разделы посвящены различным аспектам функционирования «кооперативного общества». Высшим его органом является общее собрание, избирающее свое бюро, однако лишь тогда, когда число членов общества превысит 60 человек. Имеется также административный комитет и назначаются по мере надобности специальные комитеты, тоже подотчетные общему собранию. Финансами общества ведают казначей, но все расходы утверждает бюро общего собрания и соответствующими комитетами. Доходы общества состоят из ежегодных взносов его членов, добровольных пожертвований и других источников, а также доходов от публикаций. Об основных функциях «кооперативного общества» говорится в статье 17 устава, которая гласит: «Работы Общества будут состоять во всем том, что может благоприятствовать поставленной им перед собой цели, но в основном будут заключаться в следующем: Общество организует публичные лекции, на которые будут допускаться как противники системы, так и ее сторонники; оно вступит в переписку с теми лицами из всех стран, которые могут ему сообщить или сами пожелают получить сведения, относящиеся к системе; оно начнет публиковать, как только позволят обстоятельства, периодический орган (*une feuille périodique*), посвященный разработке кооперативных принципов, а также всем сведениям, интересующим Общество; оно, кроме того, приложит все свои силы, чтобы стимулировать учреждение на практике кооперативных общин и даже окажет помощь в организации первого их ядра». Последний раздел устава трактует о процедуре его возможного пересмотра в будущем. В конце

¹¹⁹ В опубликованном тексте почему-то не набраны курсивом эти весьма важные подчеркивания, имеющиеся в рукописи.

имеется следующее примечание, относящееся к ближайшим организационным мероприятиям: «Когда устав будет принят, заняться регламентом заседаний, хорошо уточнив обязанности президента, секретаря, казначея и других членов. Потом приступить к назначению должностных лиц, к определению суммы первых взносов, поступлений первых трех месяцев, к найму помещения для собраний и архивов, к организации регулярной корреспонденции не только с кооперативным обществом Лондона, но также и с обществами в Ирландии, Европе и Америке».

Таков бы проект устава кооперативного общества Парижа, разработанный Реем и обсуждавшийся в течение зимы 1827/28 г. на собраниях его единомышленников. Как видно из этого проекта, конечной целью кооперативного общества было создание общин, основанных на «общности всех имуществ».

Выше уже приводилось заявление Рея, что он сам был вынужден в 1828 г. распустить «зарождающуюся ассоциацию», ввиду того что после своей женитьбы он не имел уже возможности постоянно проживать в Париже, и из опасения, что некоторые последователи в его отсутствие могут исказить доктрину, которую надлежало сохранять «во всей ее чистоте». Последнее свидетельство Рея подтверждает тот факт, что наряду с некоторыми лицами, разделявшими коммунистические идеалы Оуэна, были и такие, которые видели в нем лишь филантропа и интересовались лишь отдельными сторонами его учения. Быть может, в этом и заключалась основная причина того, что Рею так и не удалось организовать кооперативное общество Парижа, главной задачей которого должно было быть создание коммунистических общин.

Однако не следует полагать, что с 1828 г. французские оуэнисты более не общались друг с другом. Нам удалось, как нам кажется, найти данные, свидетельствующие об обратном. В 1828—1830 гг. в Париже издавался «Журнал воспитания и образования для лиц обоего пола». Журнал этот издавался «Обществом методов преподавания», председателем которого был не кто иной, как Ластейри. В каждом номере публиковался «бюллетень» этого общества, являвшийся ничем иным, как протоколом его заседаний. В Национальной библиотеке сохранились, к сожалению, лишь № 10—15 этого журнала,

с января по июль 1829 г.¹²⁰ Однако даже из опубликованных в этих номерах протоколов мы можем почерпнуть очень интересные сведения. В бюллетене № 5 мы читаем: «Избраны членами Совета ... Рей, адвокат, Эвра, доктор, Радигель, член Азиатского общества». Из протоколов общества мы узнаем, что на заседании 10 февраля 1829 г. Рей прочел «мемуар, или, вернее, ряд заметок, относительно курса логики, о котором он говорил на предыдущем заседании», и что была создана комиссия, в которую входил и Радигель, для рассмотрения этой работы. Сам Радигель обещал без вознаграждения участвовать в создании проектировавшейся «экспериментальной школы», причем в журнале было опубликовано и извещение о его курсе по лингвистике, который он должен был начать читать с конца марта 1829 г. Наконец, из этих протоколов мы узнаем, что на заседании общества 10 марта 1829 г. Фруссар доложил о своей поездке в Лувен для ознакомления с «методом Жако-то»¹²¹.

Итак, Ластейри, Радигель, Фруссар, Эвра и, наконец, сам Рей. Эти имена мы находим лишь в нескольких дошедших до нас протоколах «Общества методов преподавания». Быть может, мы нашли бы еще и другие имена, если бы имели под рукой полный комплект журнала за 1828—1830 гг. Но и так ясно, что многие члены кружка Рея, включая его самого, входили в состав этого общества. Хотя оно занималось непосредственно вопросами образования и просвещения, но в то же время было и той организацией, которая давала возможность французским оуэнистам общаться друг с другом. На заседаниях общества приезжавший в Париж Рей встречался со своими единомышленниками. Мы видим, что, во всяком случае в 1829 г., контакты между бывшими членами кружка Рея все еще продолжались.

Мы имеем и другое свидетельство, представляющее несомненный интерес. В декабре 1841 г. коммунистический журнал «La Fraternité», говоря о развитии идей коммунизма во Франции, между прочим, писал: «Просвещенные люди сделали известной во Франции систему

Оуэна. К концу Реставрации на торжественном заседании гг. Рей из Гренобля... и Бенжамен Ларош, выдающийся литератор, подробно изложили эту систему Обществу христианской морали. Последовала оживленная дискуссия: граф де Ластейри, один из переводчиков Оуэна, и г. Монталиве поддержали эту систему. Была назначена комиссия для ее рассмотрения; в ее состав вошли Бенжамен Костан, Бенжамен Ларош и г. Гизо. Члены комиссии основательно рассмотрели эту доктрину; лишь г. Гизо ее осудил. Обществу должен был быть, следовательно, представлен благоприятный доклад, но для того, чтобы он был полным, были запрошены некоторые разъяснения в Англии, которые запоздали. Уже сама работа комиссии оказалась длительной; внезапно происшедшая Июльская революция положила конец философским исследованиям Общества христианской морали»¹²². Это сообщение косвенно подтверждается и следующими строками из письма (на английском языке) одного из английских корреспондентов Рея, полученного им 24 июля 1828 г.: «В ваших последних письмах Вы ничего не упоминаете о Ла Роше и Обществе христианской морали. Делают ли они что-либо для благого дела?»¹²³

«Общество христианской морали для применения принципов Христа к общественным отношениям» носило разношерстный характер, но, как видно из самого его названия, занималось в первую очередь социальными проблемами. Неудивительно поэтому, что французские оуэнисты постарались использовать и его трибуну. С изложением и защитой «доктрины» Оуэна выступили Рей, Бенжамен Ларош, Ластейри и Монталиве¹²⁴. Совершенно естественно также, что такие люди, как Гизо, отнеслись к этой «доктрине» резко отрицательно. Ее подробное рассмотрение в этом обществе не привело, да и вряд ли могло привести к каким-либо результатам и было прервано революцией 1830 г. Но эти сведения еще раз подтверждают, что Рей и его единомышленники продолжали общаться друг с другом и использовали любую возможность для пропаганды коммунистического учения Оуэна.

¹²⁰ Journal d'éducation et d'instruction pour les personnes des deux sexes. Sous les auspices de la Société des méthodes d'enseignement et avec un bulletin des travaux de cette société, t. III. B. N., R. 22395.

¹²¹ Ibid., p. 38, 166, 182, 194, 195.

¹²² La Fraternité, 1841, décembre, N 8, p. 14—15. Эта цитата приведена и в сб.: Owenisme et utopies françaises, p. 31—32.

¹²³ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3980, liasse 7, p. 70.

¹²⁴ Речь идет, очевидно, о графе Камиле Монталиве, государственном деятеле в эпоху Июльской монархии.

Все эти факты свидетельствуют, что к концу эпохи Реставрации французский оуэнизм был уже несомненной исторической реальностью. Жозеф Рей выступал не как одиночка. Он имел единомышленников. Некоторые из них, безусловно, признавали (хотя бы теоретически) коммунистический идеал Оуэна как идеал нового общественного строя. Оуэнизм в его французской интерпретации, данной Реем, содействовал, таким образом, уже в эти годы распространению коммунистических идей во Франции.

Но как раз в это время, в 1828 г., была опубликована в Брюсселе знаменитая книга Буонарроти о «заговоре равных», положившая начало возрождению другого направления коммунистической мысли — бабувизма. В первом томе своего произведения Буонарроти опубликовал в форме примечания обширную заметку об Оуэне¹²⁵. Поскольку в последующих изданиях этого произведения заметка была несколько сокращена, а затем вовсе опущена, то в 1910 г. Матъез, ознакомившись с рукописным наследием Буонарроти, хранившимся с 1905 г. в Национальной библиотеке, опубликовал эту рукопись Буонарроти об Оуэне, не зная, что он имел дело с уже напечатанным в свое время текстом¹²⁶. В рукописи Буонарроти есть, однако, некоторые разночтения по сравнению с опубликованным текстом.

Что же писал Буонарроти об Оуэне в 1828 г.? «То, что заговорщики (в печатном тексте: демократы.— А. И.) IV года не смогли осуществить во Франции, один благородный человек попытался недавно другими методами осуществить на практике на Британских островах и в Америке. Шотландец Роберт Оуэн, после того как он учредил в своей стране на собственные средства несколько общин, основанных на принципе равного распределения, пользования и работы, только что организовал в Соединенных Штатах ряд аналогичных поселений, где несколько тысяч человек мирно живут в условиях

полного равенства. Следуя советам этого друга человечества, кооперативное общество, учрежденное в Лондоне, уже в течение некоторого времени действует в целях распространения принципов общности и для того, чтобы доказать практическими примерами возможность их применения. Бабеф пытался объединить многочисленный народ в единую большую общину. Оуэн, действующий в других условиях, хотел бы создать в одной стране много маленьких общин, которые, объединенные затем общими узлами, превратились бы как бы в членов одной большой семьи. Бабеф хотел, чтобы его друзья овладели верховной властью, с помощью которой он надеялся осуществить проектируемую им реформу. Оуэн надеется добиться успеха убеждением и примером. Пусть же ему удастся показать миру, что мудрость может осуществить столь великое благо, не прибегая к власти; пусть же, главное, ему не доведется скорбеть при виде крушения своих благородных усилий, когда в результате неудачного эксперимента противники равенства получили бы аргумент для обоснования невозможности установить каким-либо способом социальный порядок, которому оказывают небывалое сопротивление сильные страсти и который, казалось, мог бы у цивилизованных наций возникнуть лишь в результате мощного политического потрясения». «Против системы Оуэна,— продолжал далее Буонарроти,— выдвигали ряд возражений, которые в одинаковой мере можно отнести и к системе Бабефа. Мы приведем их вместе с ответами, показывающими всю их никчемность». Далее он приводил шесть основных возражений против коммунизма, давая на них подробный ответ. Рассмотрение аргументации Буонарроти увело бы нас в сторону. Отметим лишь, что в своем последнем ответе, отвергая возражение, что совместная жизнь вернула бы общество в состояние варварства, он вновь объединял имена Бабефа и Оуэна, подчеркивая идентичность их общественного идеала: «Ничего подобного не было бы неизбежным следствием общности, таковой, какой ее задумали Бабеф и Оуэн».

Эти высказывания Буонарроти, относящиеся к 1828 г., представляют исключительный интерес. Они свидетельствуют о его знакомстве с учением Оуэна и о том значении, которое он ему придавал. Он видел, конечно, различие между коммунизмом Оуэна и бабувистским коммунизмом — между общинным коммунизмом и цент-

¹²⁵ *Buonarroti Ph. Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf. Bruxelles, 1828, t. I, p. 296—300. B. N., Lb. 42348.*

¹²⁶ *Mathiez A. Babeuf et Robert Owen, comparés et défendus par Buonarroti.— La Révolution de 1848, 1910, p. 233—236.* Примечание об Оуэне, содержащееся в первом издании книги Буонарроти, вновь опубликовано при переиздании в 1957 г. См.: *Buonarroti. Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf. Paris, 1957, t. I, p. 212—215.*

ралистическим коммунизмом с единой общенациональной коммуной, который являлся идеалом «заговорщиков IV года», между их революционным коммунизмом и «мирным» коммунизмом оуэнистов. Но главное для него в тот исторический момент заключалось в том, что впервые после 1796 г. появилось учение, предусматривавшее полное социальное переустройство всего общества на основах той самой «общности», которая являлась общественным идеалом «равных». Другими словами, независимо от способов осуществления этого социального переустройства и его конкретных форм, общим между обоими учениями было то, что они были учениями коммунистическими, что у них был единый общественный идеал — коммунизм. Именно поэтому Буонарроти и утверждал, что Оуэн пытался осуществить то, что не удалось «заговорщикам IV года», именно поэтому он считал, что возражения против «системы Оуэна» относятся в равной степени и к «системе Бабефа», и защищал выдвинутый ими идеал «общности».

Но точно так же относились к бабувизму и французские оуэнисты. Свидетельством этому являются мемуары Рея. Хотя написаны они были пятнадцать лет спустя, когда необабувистское движение во Франции получило уже широкое распространение и разногласия между революционными и «мирными» коммунистами все более обострялись, Рей, выражая свое несогласие с тактикой Бабефа и его последователей, стремившихся осуществить коммунизм путем революционного насилия и сразу в масштабе всей страны, рассматривал их общественный идеал как полностью совпадающий с основными принципами Оуэна.

Останавливаясь на возникновении и развитии коммунистического движения во Франции, он давал самую высокую оценку движению «равных». В IV году Республики, указывая он, группа республиканцев предприняла попытку не только восстановить конституцию 1793 г., но и осуществить радикальное переустройство общества на новых принципах. «Пораженные уже, несомненно, злоупотреблениями неограниченной конкуренции и считая, кроме того, что принцип индивидуализма в обладании имущества делает невозможным примирение интересов к великому ущербу для справедливости в распределении и для гармонии, которая должна была бы существовать между всеми членами общест-

ва, они пришли к выводу, что лишь одно средство могло бы привести к этому счастливому результату, а именно совместное использование общественного фонда с равным пользованием продуктами общего труда. Это было абсолютно то же заключение, к которому позже должен был прийти Оуэн». Не соглашаясь с планом осуществления эти одновременно и насильственным путем, но оправдывая эти проекты условиями революционной эпохи, Рей далее писал: «Но таков, по моему мнению, единственный упрек, который можно им сделать, и величайшей несправедливостью было изображать их как людей, жаждавших смут и крови. Бабеф, являвшийся одновременно главой этой секты и заговора, был, наоборот, воодушевлен самыми чистыми намерениями. Он был глубоко убежден, что действует на благо своих ближних, и его смерть, без сомнения, будет в свое время рассматриваться как мученичество столь же святое, как и мученичество первых христиан»¹²⁷.

Итак, представители обоих течений коммунистической мысли, расходясь в вопросах тактики, конкретных форм и методов осуществления общественного переустройства, признавали идентичным свой конечный общественный идеал. В последние годы Реставрации, когда коммунистические идеи стали вновь распространяться во Франции, именно это обстоятельство имело первостепенное, решающее значение. В этих условиях вполне понятно, почему Буонарроти и глава французских оуэнистов Жозеф Рей не только общались друг с другом, но и относились друг к другу с глубоким уважением. Об этом мы узнаём прежде всего из тех же мемуаров Рея. Останавливаясь на значении книги Буонарроти, «которая весьма содействовала распространению во Франции коммунистических идей», и кратко излагая его биографию, Рей писал: «Один человек, часто встречавший его в Бельгии, говорил мне с энтузиазмом, что он был из тех великих и благородных характеров, перед которыми можно только преклоняться с восхищением. Я сам некоторое время, в свою бытность в Англии, вел с ним переписку; затем я его видел раза два в Париже после Июльской революции, и его письма, как и его беседы, побудили меня также проникнуться самым живым чувством уважения к его личности. Это был один

¹²⁷ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3538, p. 174—175.

из тех образцов мощи и чистоты, каких столь много породила наша революция, и большая часть которых была столь жестоко предана забвению»¹²⁸.

Из писем Буонарроти Рею сохранилось только одно, написанное уже после Июльской революции, 25 декабря 1830 г.¹²⁹ Буонарроти сообщал о желании «мадемуазель Райт» повидать Рея. Райт, англичанка по происхождению, была ревностной оуэнисткой, о которой сам Рей упоминает в своих «Письмах...». В этой связи Буонарроти сообщал о своих беседах с ней и с другим оуэнистом о кооперативных общинах Оуэна в Америке: «Принципы Оуэна,— писал он, ссылаясь на их слова,— сделали большие успехи в Соединенных Штатах, и, видимо, там хорошо понимают все преимущества, которые проистекут для человечества из хорошо понятой и мудро установленной общности. Я был восхищен описанием реального счастья и совершенного братства, царивших в этих общинах... труд (неразборчиво.— А. И.) все делалось сообща, и прибыль ... должна была быть использована для распространения этой прекрасной доктрины и основания новых общин и новых школ, с помощью которых через некоторое время гражданское общество было бы радикально преобразовано». Эти высказывания Буонарроти еще раз подтверждают его положительную оценку учения Оуэна. В заключение его письма мы читаем: «Расстояние, которое нас отделяет (Рей проживал уже в то время в Анже.— А. И.), не дает мне возможности вас навестить, но ничего не изменилось в моих чувствах дружбы и уважения. Ваш искренний друг Буонарроти».

Если архив Рея был до последнего времени совершенно недостаточно изучен, то это письмо Буонарроти было известно сравнительно давно. Впервые опубликованное в «Анналах Гренобльского университета» в 1944 г.¹³⁰, оно было затем использовано авторами двух капитальных монографий о Буонарроти — Саятта и Галанте-Гарроне. В первом томе своей монографии Саятта упоминает имя Рея в связи с его сношениями с Буонарроти¹³¹. О них говорит и Галанте-Гарроне, отча-

сти ссылаясь на Саятта¹³². Нет ничего невероятного в высказанном ими предположении, что Буонарроти ознакомился с учением Оуэна именно через посредство Жозефа Рея.

Как бы то ни было, в конце 20-х годов не только во Франции, но даже за ее пределами имя Буонарроти часто связывалось с именем Рея и их взгляды на идеальное устройство общества рассматривались как идентичные. Характерно в этом отношении выступление в 1828 г. бельгийского адвоката и политического деятеля Ван дер Вейера на процессе одного из лидеров бельгийской оппозиции Де Поттера, которого обвиняли, между прочим, в том, что он разделял идеи Буонарроти: «Но если бы даже г. Поттер соглашался с идеями Буонарроти, в чем бы состояло его преступление?.. Деятельность Оуэна в Америке, его многочисленные публикации, недавние письма Жозефа Рея из Гренобля с несомненностью свидетельствуют, что система общего счастья не является больше простой теорией»¹³³.

VI

Хотя нам предстоит еще вновь вернуться к Рею в связи с его перепиской с Геом, выступавшим в 30-х годах XIX в. как главный представитель и идеолог нового поколения французских оуэнистов, все же здесь необходимо кратко изложить его последующую судьбу и дальнейшую эволюцию его воззрений.

После Июльской революции, в октябре 1830 г., по рекомендации Лафайета Рей был назначен советником судебной палаты в Анже, откуда через десять лет был переведен в судебную палату своего родного города. Выйдя в 1844 г. в отставку, он скончался в Гренобле в 1855 г. Таким образом, несмотря на все приложенные им старания, ему не удалось обосноваться в столице и последние 25 лет своей жизни он провел в провинции, не имея больше возможности непосредственно общаться с представителями различных социальных течений, центром деятельности которых был и оставался Париж.

¹²⁸ Ibid., p. 177.

¹²⁹ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3958.

¹³⁰ См.: *Rude F.* Op. cit.

¹³¹ *Saitta A.* Filippo Buonarroti. Roma, 1950, v. I, p. 56, 58, 66, 85, 98, 131, 137, 176.

¹³² *Galante Garrone A.* Filippo Buonarroti et les révolutionnaires du XIX siècle (1828—1837). Paris, 1975 (французский перевод книги, опубликованной в Турине в 1951 и 1972 гг.), p. 75, 83, 250, 263, 285, 328, 339, 374.

¹³³ *Galante Garrone A.* Op. cit., p. 285.

Несмотря на это, Рей продолжал следить за развитием общественной мысли, пропагандировать и отстаивать свои коммунистические идеалы.

Уже из рассмотренных нами его двух основных произведений видно, что Рей стремился сочетать коммунистические идеалы Оуэна с французской действительностью, с различными течениями французской общественно-политической мысли как прошлого, так и настоящего. Поскольку в конце 20-х и в 30-х годах XIX в. среди социальных учений выдающую роль во Франции играли сенсимонизм и фурьеризм, Рей не мог вновь и вновь не говорить о них. Всегда подчеркивая, как и в своих основных работах, коренное отличие коммунистического идеала от общественных воззрений сенсимонистов и фурьеристов, он отнюдь не рассматривал их как заклятых врагов. Наоборот, он всячески стремился подчеркнуть то положительное, что было, по его мнению, в их учениях, тоже ставивших себе целью переустройство общества на более справедливых основах.

Еще в 1828 г. в ответ на рецензию на его «Письма...», опубликованную в сенсимонистском журнале «Le Globe» 14 мая этого года, Рей 19 мая направил письмо в редакцию, которое было напечатано в журнале 20 июля. Печатный текст этого письма несколько отличается от первоначального рукописного текста, хранящегося в его архиве¹³⁴. В своем ответе Рей отводил обвинение журналу, что система общности отрицает всякую идею собственности. Правильно понятое право собственности — не что иное, как право каждого члена общества пользоваться всем необходимым для удовлетворения своих потребностей. В этом смысле система общности не отрицает, а наоборот, утверждает право собственности каждого на определенную долю общественного блага. Рей подробно отвечал и на другое возражение, сделанное журналом, а именно, что в условиях общности не будет стимула к труду, а также на обвинение, что общины, предложенные Оуэном, похожи на монастыри с единственной разницей, что монастыри основывались с религиозной целью, а общины Оуэна организуются для пользования мирскими благами. Но ведь именно эта

разница, указывал он, является как раз решающей и подразумевает множество других фундаментальных различий. Этим письмом в редакцию сенсимонистского журнала дело не ограничилось. 10 декабря 1828 г. Рей не только присутствовал на первом публичном собрании сенсимонистов, но и, прервав выступавшего Базара, «попросил новых проповедников сказать, что они хотят и кем они являются»¹³⁵.

Несмотря на эти идейные разногласия, Рей и после Июльской революции продолжал поддерживать тесные отношения с представителями этого социального учения. Об этом свидетельствует сохранившаяся в его архиве обширная переписка с сенсимонистами, (в частности, с Мишелем Шевалье, Лемонье, Дюге и др.), относящаяся к 1831—1836 гг.¹³⁶ Для характеристики позиции Рея в отношении сенсимонистов особенно характерно его письмо от 17 декабря 1831 г. к Мишелю Шевалье, бывшему тогда редактором «Le Globe». «Уже давно,— писал он,— мои социальные тенденции ... абсолютно те же, что и ваши. Как и вы, я всем сердцем скорблю по поводу бед, которые угнетают человечество в результате ошибочного распределения средств благосостояния. Как и вы, я уже давно почувствовал, что существует радикальный порок в принципах, которыми до настоящего времени руководствовались при этом распределении. Всегда я ревностно искал средства, необходимые в первую очередь, чтобы положить конец несправедливой эксплуатации трудящегося бездельником и чтобы обеспечить всем людям ... большее количество истинных физических, интеллектуальных и моральных благ». Но затем Рей излагал свои принципиальные разногласия с сенсимонистским учением. Он выражал несогласие с их философией истории, основанной на представлении о непрерывном историческом прогрессе. Особенно резко критиковал он их религиозное мировоззрение, их попытки создать новую религию с соответствующей иерархией. Однако главный недостаток их доктрины он видел в их «экономических» взглядах. Без общности, указывал он, «нельзя искоренить столь зловеющий принцип враждебной конкуренции, который, подобно скрытому

¹³⁴ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3980, liasse 6. Этот текст также опубликован, см.: Owenisme et utopies françaises, p. 147—151.

¹³⁵ Weill G. L'école saint-simonienne. Paris, 1896. p. 26.

¹³⁶ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3950. Переписка эта изложена и частично опубликована в статье: Avril M. Op. cit.

ядовитому жалю, сохраняет, как мне кажется, даже ваша система всеобщей ассоциации». Несмотря на эти разногласия, он рассматривал деятельность сенсимонистов, направленную на достижения «истинного возрождения общества», как полезную и нужную¹³⁷.

Тесное общение Рей продолжал поддерживать и с фурьеристами. В июне 1837 г. фурьеристский журнал «La Phalange» опубликовал рецензию на его книгу «Об основах общественного строя». Рецензия эта приветствовала выход в свет трактата Рея — этого «настоящего друга человечества», преследовавшего цель «преобразования мира и достижения истинного счастья». Но одновременно она резко возражала против критики Реем учения Фурье и утверждала, что он плохо знаком с его произведениями, иначе он не отдал бы предпочтения Оуэну¹³⁸. В ответ на эту рецензию Рей направил письмо редакторам журнала, сохранившееся в архиве «социетарной школы»¹³⁹. В нем он подробно говорил «о трех больших фракциях социальной школы» — сенсимонизме, фурьеризме и оуэнизме, подчеркивая то общее, что их объединяет, их общую цель радикального преобразования общества и призывая к совместной борьбе за достижение этой цели. Но, говоря о системе Фурье, он вновь, как и в своем трактате, указывал на предпочтительность идеала Оуэна. Если, быть может, систему Фурье и легче осуществить в настоящее время, то для будущего предпочтительнее планы Оуэна, более способные обеспечить счастье и прогресс человечества. Другими словами, он рассматривал «фаланги» Фурье лишь как первый шаг в направлении создания подлинных общин, основанных на коммунистических началах. Именно в этом смысле он и считал деятельность фурьеристов полезной и стремился и в дальнейшем поддерживать с ними дружеские отношения.

В конце 30-х и в начале 40-х годов все более пристальное внимание Рея привлекали получившие широкое распространение различные коммунистические учения. Он с одинаковым вниманием следил как за возникновением и развитием новых, «мирных» коммунистических доктрин, так и за распространением ре-

волюционного коммунизма. В его архиве мы находим переписку с редакцией коммунистического журнала «La Fraternité» и с Кабе, а также конспекты различных коммунистических произведений, в том числе подробный конспект «Кодекса общности» Дезами. В своих письмах в редакцию «La Fraternité» он не только вновь и вновь излагал свои собственные коммунистические воззрения, но и советовал сплотить вокруг журнала всех «коммунистов», независимо от их разногласий по частным вопросам. Он запрашивал сведения о Лаотьере, о том, поддерживает ли журнал связь с Кабе и Дезами. «Прошу вас также сообщить мне, — писал он в другом письме, — согласны ли с моей мыслью, что нужно быть нетерпимым (être exclusif) лишь в отношении *основного принципа*»¹⁴⁰.

В другом черновике, сохранившемся в его архиве (черновик его письма к Кабе от 11 октября 1846 г.), мы читаем: «Я хочу поделиться с вами моими теперешними идеями относительно социальных принципов, имеющих хождение в настоящий момент. Я тщательно следил за всеми фазами развития сенсимонизма, за всем, что оно дало, и то же самое я делал в отношении всего созданного фурьеристами, не поколебавшись ни на один миг в своих *полностью эгалитарных и коммунистических* убеждениях, которые я привез еще из Англии». Далее, говоря о разногласиях среди коммунистов, о наличии «других фракций коммунистической школы», он писал: «Делая все эти замечания, я руководствуюсь горячим желанием содействовать (неразборчиво. — А. И.) пути, по которому следуют все те, кто искренне преследует цель прогресса человечества, каковы бы ни были средства, которые они предлагают. Солдат того же дела, я хотел бы, чтобы они были скорее расположены братски обнять друг друга, чем бороться друг с другом как противники...»¹⁴¹.

¹⁴⁰ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3951. Черновики трех писем в редакцию «La Fraternité» от 24 июня, 1 августа и [неразборчиво] октября 1842 г.; приведенная цитата — из последнего.

¹⁴¹ Ibid. В той же папке находится ответ Кабе от 7 ноября 1846 г., в котором мы читаем: «Вы высказываете также пожелания о единении между коммунистами; никто не хочет этого больше, чем я; однако другие хотят достигнуть цели путем насилия и являются прежде всего революционерами, в то время как я хочу заниматься просветительской и моральной пропагандой». Как видим, Кабе занимал, в противоположность Рею, сектантские позиции, не до-

¹³⁷ Avril M. Op. cit., p. 79—84.

¹³⁸ La Phalange, 1837, N 29, juin, p. 931—935.

¹³⁹ Archives nationales, 10 AS 38, N 11.

Стремление Рея добиться примирения и объединения всех «фракций коммунистической школы» не означало, что в 40-х годах он отказался от своих идеалов «мирного» перехода к коммунизму, путем организации отдельных коммунистических общин. Как свидетельствуют его рукописные мемуары, полемизируя против бабувистской концепции централистического коммунизма, устанавливаемого одновременно в масштабе всей страны, он рассматривал революционное насилие как метод, способный лишь отпугнуть от коммунизма многочисленные слои населения. Но он не только не предавал революционных коммунистов анафеме, не только призывал объединиться с ними как и с представителями других коммунистических доктрин ради достижения общей цели, но и оправдывал революционные выступления как неизбежный результат тяжелого положения народных масс и вопиющих социальных несправедливостей.

В 40-х годах социальная критика Рея становится все более резкой, недовольство существующей общественно-политической системой Июльской монархии — все более глубоким. Публикуя в 1847 г. историю столь хорошо знакомого ему заговора Дидье, он писал, что не только в эпоху Реставрации он находился в рядах оппозиции: «Я являюсь столь же радикальным противником и теперешней системы»¹⁴². И его мемуары со всей очевидностью свидетельствуют об этом. «Отношения между низшими и высшими классами,— констатирует он,— полностью благоприятствуют последним... Статья 415 уголовного кодекса считает наказуемой коалицию рабочих, стремящихся повысить заработную плату, и каждодневно можно видеть, как беспощадно преследуют тех, кто вынужден был прибегнуть к этому, чтобы удовлетворить свои самые насущные потребности. Но, хотя предыдущая статья, в свою очередь, объявляет преступной и коалицию хозяев для снижения заработной платы... никто никогда не видел, чтобы прокуратура, столь ревностно преследующая в первом случае, хоть как-нибудь реагировала во втором... И как должен народ смотреть на строгость, с какой преследуются пра-

вонарушения, вызванные нуждой и плохим воспитанием, в то время как открыто покровительствуют должностным преступлениям и злоупотреблениям государственными средствами, большая часть которых — результат их пота и их лишений». Несмотря на прекрасную аксиому «равенства прав», все, начиная с прямых и косвенных налогов, установлено на пользу богатого класса и в ущерб бедным. Власть имущие должны приписывать не другим, а только себе недовольство «нижних классов». Они и не помышляют «о средствах, способных излечить раны, которые терзают сердце пролетария». В этих условиях не может не сложиться убеждение, «что можно на все отважиться против общества, которое столь беззаботно относится к бедам трудящегося класса»¹⁴³.

В одной из папок архива Рея имеются материалы, связанные с выдвинутым им в 1846 г. проектом сельскохозяйственно-индустриальных колоний для сирот и детей нищих, которые он рассматривал как одно из подготовительных мероприятий для полного преобразования всей общественной системы. В этой связи он писал: «Первое, что бросается в глаза в настоящий момент, это увеличивающаяся с каждым днем необеспеченность средствами существования рабочих классов и даже значительной части других классов... изо дня в день мы видим, как ухудшается положение значительной части населения, не только простых пролетариев, но и лиц, связанных с мелкой торговлей и мелким производством, и даже мелких собственников»¹⁴⁴.

Неудивительно, что Рей оправдывал деятельность различных революционных коммунистических организаций, несмотря на свое несогласие с их методами и тактикой. Так, говоря в своих мемуарах о процессе над членами тайного коммунистического общества «рабочих-уравнителей», он указывал, что если даже их средства и были неприемлемыми, то «нет ничего, кроме справедливого, в цели, к которой они стремились. На самом деле, какие чувства находили свое выражение в речах, произносимых лицами, вступавшими в это общество? Было ли это стремление ограбить богатого, чтобы жить в бездельи и распутстве? Нет: как и у рабочих

пуская возможности какого-либо сотрудничества с представителями революционного крыла коммунистического движения.

¹⁴² Rey J. Histoire de la conspiration de Grenoble en 1816. Grenoble, 1847, p. 242. В. Н., 8° L⁴⁸ 579.

¹⁴³ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3538, p. 178—182.

¹⁴⁴ Ibid., T. 3961.

Лиона во время восстания 1834 г., это было желание иметь возможность жить трудясь, не будучи изнуренными усталостью, и иметь возможность обеспечить воспитание своих детей. Разве подобные пожелания не являются безупречными и даже достойными самых больших похвал?.. О, вы, люди, стоящие у власти, вы, которые до сих пор ничего не сделали, чтобы на деле облегчить нужду трудящихся классов, тех классов, чей труд только и обеспечивает вам пользование всеми благами, прекратите ваши нелепые декламации против порочности века и против подстрекателей анархических доктрин»¹⁴⁵.

Поэтому Рей и считал необходимым объединение всех коммунистов, независимо от их теоретических и тактических разногласий, «полагая, что, если имеется согласие по основным положениям системы, надлежит объединить свои усилия, чтобы сперва обеспечить торжество основной идеи (l'idée mère), с тем чтобы затем — что станет тогда более легким — изыскать средства добиться согласия по второстепенным пунктам, или способам ее практического осуществления»¹⁴⁶. Более того, накануне революции 1848 г. он выдвинул предложение о совместных действиях коммунистов и социалистов, как и всех противников существующего общественного строя. 27 июня 1847 г. в фурьеристском органе «*Démocratie pacifique*» было опубликовано «Письмо г. Рея из Гренобля, коммуниста». Перечисляя основные теоретические разногласия между коммунистами и фурьеристами, Рей призывал, однако, к объединению социалистов и коммунистов, поскольку у них одна общая цель — ниспровержение существующих порядков¹⁴⁷.

Таким рисуется нам образ Жозефа Рея в последние годы Июльской монархии. Непоколебимый коммунист, как он сам себя теперь называл, ни на один миг не отрекавшийся от своих коммунистических убеждений, пламенный борец против социальных несправедливостей, он все чаще и чаще говорил о тяжелой участи

«трудящихся классов», «рабочих», «пролетариев». Продолжая оставаться «мирным» коммунистом, продолжая рассматривать как лучший образец коммунистического общества общинный коммунизм Оуэна, он, однако, считал основным и главным коммунистический идеал как таковой, призывая в целях его осуществления к объединению «всех фракций коммунистической школы». Он ратовал и за объединение усилий всех противников существующего строя в борьбе за его ниспровержение. Но в 30 — 40-х годах XIX в. Рей, проживавший в провинции, не играл, да и не мог уже играть активной роли в дальнейшем распространении коммунистических учений во Франции. Его основная историческая заслуга заключалась в том, что, выступив еще в период Реставрации, еще в 1826 г., со своими «письмами о системе взаимной кооперации и общности всех имуществ», он одним из первых содействовал возрождению и пропаганде во Франции коммунистических идеалов.

¹⁴⁵ Ibid., Т. 3538, р. 184—186.

¹⁴⁶ Ibid., р. 192.

¹⁴⁷ Это письмо Рея вместе с ответом Консидерена, опубликованным 14 июля, было издано отдельной брошюрой, на которую мы уже ссылались. См.: Appel au ralliement des socialistes. Lettre de M. Rey de Grenoble, communiste, ancien conseiller de la cour royale, aux rédacteurs de la «*Démocratie pacifique*». Paris, 1847.

ЖЮЛЬ ГЕЙ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО УТОПИЧЕСКОГО КОММУНИЗМА В 30—40-х ГОДАХ XIX в.

I

«Более научные французские коммунисты, *Дезами, Гей* и другие, развивают, подобно Оуэну, учение *материализма* как учение *реального гуманизма* и как *логическую основу коммунизма*»¹. Эта цитата из «Святого семейства», из раздела «Третий поход абсолютной критики», написанного К. Марксом, широко известна. Имя Дезами также хорошо знакомо. Но многое ли мы знаем о Жюле Гее? ²

Жюль Гей родился в 1807 г. в семье книгоиздателя и книготорговца. Ему было всего 12 лет, когда умер его отец. Получив лишь среднее образование, он, однако, усердно посещал как вольнослушатель различные курсы в высших учебных заведениях Парижа. Уже с молодых лет он увлекался социальными проблемами. В книге, опубликованной им на склоне лет, Гей следующим образом описывает этапы своего идейного развития. «В 1831 г. (мне было тогда 24 года) я внимательно следил за философским движением, которое увлекало многие благородные умы Парижа. Я слушал публичные лекции, которые читались на площади Сорбонны сенсимонистами для молодых учащихся, я присутствовал на заседаниях, которые они устраивали на улице Тарен

и улице Тетбу... и внимательно читал большую часть их публикаций. Однако я не сблизился с ними, так как, если на меня произвела большое впечатление описываемая ими картина бедствий современного общества, я не мог согласиться с ними относительно способов, которые они предлагали, чтобы их устранить». Вскоре он заинтересовался другим учением, соперничавшим с сенсимонизмом,— с учением «безумного гения» Фурье. Как явствует из его слов, Гей посещал собрания, на которых выступал сам Фурье с изложением своей доктрины. Хотя фурьеризм и выдвигал идею ассоциаций, но, как и сенсимонизм, отрицал равенство и основывал свою систему «на неравенстве состояний, доходов, званий, почестей», с чем он тоже не мог согласиться ³.

Этот рассказ Гей подтверждается и архивными документами. В архиве Анфантена, хранящемся в Париже в Библиотеке Арсенала, мы находим четыре письма Гей Анфантену ⁴. Письма эти относятся, к сожалению, к более позднему периоду, к 1856 г., но они свидетельствуют об их давнем знакомстве. Гей даже писал, что Анфантен был одним из тех лиц, которые оказали наибольшее влияние на его идейное развитие. Следует также отметить, что в 30-х годах XIX в. активной сенсимонисткой была и Дезире Вере, ставшая затем женой Гей и многие годы поддерживавшая переписку с Анфантенем.

В Национальном архиве сохранились два письма Гей, проливающие свет на его взаимоотношения с фурьеристской школой. Первое из них адресовано Консидерану и помечено 13 августа ⁵. Поскольку, однако, в нем говорится о первых десяти номерах «Фаланстера», который начал издаваться в июне 1832 г., то дата письма может быть точно установлена, а именно 13 августа 1832 г. «Я хотел бы,— писал Гей Консидерану,— ознакомиться с деталями доктрины г. Фурье не потому, что я являюсь приверженцем всех ее принципов, так как упразднение права наследования и свобода женщины в ее взаимоотношениях с мужчиной являются сенсимонистскими принципами, которые я разделяю, хотя

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 146.

² Имя Гей в той или иной связи, главным образом как одного из авторов «Альманаха общности», упоминается в различных книгах и статьях. См., например: *Волгин В. П.* Французский утопический коммунизм. М., 1960, с. 145, 201. Но ему не посвящено ни одного специального исследования, кроме справочной статьи в «Биографическом словаре французского рабочего движения» (*Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français*, Paris, 1969—1973. t. II, p. 247—249).

³ *Gay J.* Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire. Genève, 1868, p. 9—13.

⁴ Bibliothèque de l'Arsenal, fonds Enfantin 7728, N 167—170.

⁵ Archives nationales, 10 AS 38, N 8.

я и не верю ни в их религию, ни в иерархию. Что меня восхищает больше всего у г. Фурье, это идея фаланстера, обычаи которого должны сделать труд приятным и необходимым для каждого человека». В заключение Гей просил одолжить ему книги Фурье и фурьеристскую литературу, которую он давно приобрел бы сам, если бы имел на то материальную возможность.

Второе, очень длинное письмо, помеченное 4 октября 1832 г.⁶, адресовано непосредственно Фурье. Гей рекомендует себя как молодого человека, не имевшего до недавнего времени возможности приобрести его труды, с которыми он хотел ознакомиться. Но два месяца назад Ж. Лешевалье одолжил ему его книгу, посвященную ассоциации (речь идет очевидно о «Новом мире», изданном в 1829 г.). Одновременно Лешевалье повел его на собрания, на которых он имел честь лично видеть его, Фурье. «Я с жадностью, — писал далее Гей, — прочитал эту книгу, и она несомненно значительно изменила мои представления о целом ряде вещей; я прочел также все вышедшие номера «Фаланстера» и, наконец, я прочел в различных журналах все, что имело отношение к вашим взглядам. Это усердие объясняется тем, что в течение нескольких лет и даже до того, как сенсимонистская доктрина получила широкую известность, ход моих мыслей был связан с идеей ассоциации, но не в таком широком смысле, как теперь, когда я проникся вашими идеями». Заявляя о своем желании графически изобразить то, что Фурье называет фаланстером, дабы показать все его преимущества, Гей тут же делает следующую оговорку: «Прежде чем продолжать, я не хочу скрывать от вас, что я не разделяю всех ваших доктрин. Моя исходная точка другая; я целиком принадлежу к числу тех, которых современная философия, включая и сенсимонизм, иронически называет сенсуалистами. Я допускаю только факты, вещи, которые доступны органам чувств и которые я познаю путем анализа. Вы же присоединяете к этому аналогию, с чем я не согласен. Я не допускаю аналогию как логический метод, а анализ ведет меня прямо к атеизму, так как он разрешает мне верить лишь в то, что я познаю своими органами чувств, и я могу размышлять лишь о фактах, которые я знаю, в то время как вы предсказываете

изменения в устройстве планеты, организме животных и т. д. Я не хочу утверждать, что в будущем не могут возникнуть каким-либо путем новые виды животных, так как нашли же виды животных, вымерших и совершенно позабытых, но, повторяю, аналогия не является для меня доказательством».

Далее в своем письме Гей задает Фурье семь вопросов. Вопросы эти сформулированы столь подробно, что являются скорее изложением собственных его воззрений. Так, он детально останавливается на вопросе о реальном использовании в будущем природных богатств. Он излагает также новую систему деления земного шара на градусы, новую метрическую систему, разработанную им еще за два года до этого. Он касается вопросов распределения земель между фаланстерами, строительства дорог и каналов без учета права собственности на землю, выражает свои соображения о необходимости детального перечисления различных отраслей труда, как в области сельского хозяйства, так и в промышленном производстве, о рациональном размещении в фаланстерах мастерских, общих залов, дортуаров. Но самым интересным является третий вопрос: «Не должны ли фаланстерские ассоциации, дабы стать совершенными, быть наивозможно более многочисленными. Действительно, если 2000 человек будут выполнять все профессии, а их ведь множество, то на каждую будет приходиться всего несколько работающих, в то время как некоторые из них требуют комбинированных усилий большого количества людей... Пытаясь составить себе представление о наибольших размерах фаланстера со всеми его удобствами, мне казалось, что можно было бы дойти до ста квадратных лье... таким образом исходя из этой нормы во Франции было бы 348 фаланстеров, в каждом из которых проживало бы от 90 000 до 100 000 человек».

Письма Гея к Консидерану и Фурье свидетельствуют, что после кратковременного увлечения сенсимонизмом он в 1832 г. усиленно интересовался «социетарной» теорией. В этом отношении он не являлся исключением. 1832 год — год распада сенсимонистской школы после ее кратковременного расцвета, год перехода многочисленных сенсимонистов, в том числе Трансона, Пелларэна, Амедэя Паже, Ипполита Рено и других, в фурьеристский лагерь. Среди них был и молодой адвокат

⁶ Archives nationales, 10 AS 25, N 3 bis.

Жюль Лешевалье, который, как видим, не только ознакомил Гея с фурьеристской литературой, но и стал водить его на фурьеристские собрания. Однако Гей, никогда не бывший правоверным сенсимонистом и столь отрицательно отзывавшийся о сенсимонистской «религии» и «иерархии», не стал и правоверным фурьеристом. Из его письма к Фурье мы видим, что он не был согласен прежде всего с философской концепцией последнего. Открыто провозглашая себя материалистом и атеистом, он решительно отвергал закон всеобщей аналогии, лежавший в основе общей телеологической концепции Фурье. Это было совершенно естественно, так как закон всеобщей аналогии, почерпнутый Фурье из мистико-теософских учений второй половины XVIII в., был несовместим с материалистическим и атеистическим мировоззрением, приверженцем которого уже в то время являлся Гей. Но, как видно из его письма, он критически относился и к некоторым догмам общественного учения Фурье. Он ставил под сомнение даже святую святых фурьеристского учения, а именно численный состав отдельных ассоциаций — фаланг. Известно, что для Фурье это был не второстепенный вопрос, а вопрос принципиальный. Исходя из своих представлений о количестве человеческих характеров он определял идеальную численность фаланги в 1620 человек, допуская в крайнем случае ассоциации в 2000 человек, но не более. Гей же противопоставлял этому свою собственную концепцию крупных фалангеров, объединяющих до ста тысяч человек. Характерно при этом, что в своем письме он ссылаясь на «паровые машины», делающие возможным создание таких крупных ассоциаций. Он развивал и ряд других оригинальных идей.

Но главное заключается в том, что фурьеризм, как и сенсимонизм, не предусматривал полную ликвидацию общественного неравенства. Поэтому Гей оставался глубоко неудовлетворенным и искал такой общественной идеал, который был бы способен радикально решить эту основную социальную проблему. Как это ни парадоксально, открыть этот идеал помог ему не кто иной, как сам Фурье, своими резкими и грубыми нападками на учение Оуэна. Заинтересовавшись этим учением, Гей

⁷ См.: Иоаннисян А. Р. Генезис общественного идеала Фурье. М., 1939, с. 184—215.

вступил в контакт с одним из «друзей» Оуэна — Жюльеном, который дал ему прочесть «Письма о системе Оуэна», опубликованные в 1828 г. Жозефом Реем. «Это маленькое резюме, — вспоминал впоследствии Гей, — явилось для меня открытием. Я понял, что Оуэн открыл единственную систему, которая была способна искрenne и полностью осуществить великие социальные принципы, столь громогласно провозглашенные в 1789 г., но осуществление которых из-за расхождения частных интересов казалось совершенно невозможным»⁸. Другими словами, неудовлетворенный социалистическими системами сенсимонизма и фурьеризма, Гей после долгих поисков нашел воплощение своих чувств и стремлений в коммунистическом идеале, к которому пришел, ознакомившись с коммунистическим учением Оуэна в изложении Жозефа Рея. Учение это оказалось для него тем более привлекательным, что не противоречило его материалистическому и атеистическому мировоззрению, а, наоборот, вполне с ним гармонировало.

Гей, заручившись рекомендацией Жюльена, сразу же вступил в переписку с Оуэном. Его высказывания были восприняты, по его словам, благожелательно, и некоторые из них стали предметом обсуждения на страницах журналов «Кризис» и «Новый моральный мир»⁹. Действительно, еще 25 января 1834 г. в журнале «Кризис» было опубликовано его письмо Оуэну от 2 сентября 1833 г., в котором он провозглашал себя его сторонником, с энтузиазмом описывал выгоды «ассоциации» и настаивал на необходимости пропаганды его учения во Франции, прилагая даже схему «дворца гармонии», рассчитанного на 12 000 человек. Но поскольку он высказывал мысль, что первоначально в ассоциации нужно допускать лишь людей образованных, то Оуэн в своем ответе, напечатанном в журнале 15 февраля 1834 г., приветствуя его письмо, не соглашался, однако, с этим его мнением¹⁰.

В 1835 г. Гей отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Оуэном и с некоторыми его друзьями,

⁸ Gay J. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire, p. 14.

⁹ Ibid.

¹⁰ Owenisme et utopies françaises. (Communautés. Archives Internationales de Sociologie de la Cooperation et du Développement, 1971, N 30, juillet — décembre), p. 46—47.

в том числе с Анной Уиллер, игравшей роль посредника между английскими и французскими оуэнистами.

В своем номере от 28 ноября 1835 г. оуэнистский еженедельный журнал «Новый моральный мир» поместил следующее извещение: «Длинное и ценное со-общение получено от г. Гея из Парижа, с которым мы ознакомим наших читателей в почти дословном переводе». В этом же номере была начата публикация этого «сообщения» Гея, которое было продолжено в последующих девяти номерах журнала¹¹.

Гей начинает свое сообщение с заявления, что он является оуэнистом, но наряду с другими просвещенными оуэнистами одобряет некоторые идеи Сен-Симона и некоторые планы Фурье, совместимые с учением Оуэна. «Мы верим в прогрессивное улучшение всего, что было и что существует. Мы верим, что с самых древних времен человечество продвигалось вперед к конечной цели совершенства — всеобщей ассоциации». Недаром еще древние философы, вроде Платона, Сократа, Пифагора, уделяли столь много внимания установлению общности имуществ среди людей. Недаром ранние христиане, как до этого еврейские племена, жили общинами. Гей ссылается также на моравские и овернские общины. Наряду со всеми этими примерами, традиционными для французского утопического коммунизма еще с XVIII в., он упоминает и имя Беллера, план «индустриального колледжа» которого оказал столь большое влияние на самого Оуэна. «Систему общности, кооперации и всеобщей ассоциации» Гей называет «гармонической системой». «Мы верим, — провозглашает он, — что когда-нибудь в будущем Всеобщая ассоциация заменит раздробленность (parcelling)... что весь человеческий род будет составлять одну большую семью и что земля будет тогда рассматриваться как огромное владение или единая собственность, принадлежащая этой семье». Эта всемирная ассоциация явится суммой отдельных общин, объединяющих мужчин, женщин и детей, совместно проживающих и работающих на определенной территории и составляющих как бы одну ма-

ленькую семью. Тогда будет ликвидировано неравенство между людьми. Тогда не будет между ними ни первых, ни последних, ни хозяев, ни слуг и вместо уничижительного повиновения отдельным личностям будет лишь добровольное повиновение всей общине. Такие гармонические ассоциации не только обеспечат здоровье людей и расцвет талантов, но и положат конец бессмысленному расточительству времени и труда, дадут возможность повсеместно и полностью использовать преимущества машинного производства. Объединенный труд (в противоположность теперешней системе наемного труда) даст возможность вдвое повысить его продуктивность и качество. Преимущества ассоциации скажутся и на ведении домашнего хозяйства. Вместо 300 кухонь и 3000 домашних хозяек в общинах будет лишь 20—30 кухонных плит и 60 человек, занятых приготовлением пищи; вместо 200—300 амбаров и погребов будут лишь один хорошо оборудованный амбар и один погреб.

Гей весьма подробно описывает общежитие, в котором проживают и трудятся члены отдельных общин и которое он, открыто ссылаясь на Фурье, называет фаланстером. Фаланстер — это огромный и роскошный дворец, по сравнению с которым современные дворцы будут казаться неблагоустроенными зданиями. Фаланстер окружен обширным доменом, обрабатываемым членами общины. Сам фаланстер состоит из центральной части и двух крыльев, где находятся жилые помещения — в одном для мужчин, в другом для женщин. Впрочем допускается совместное проживание лиц обоего пола по взаимному согласию. На нижнем этаже живут престарелые и маленькие дети, а на самом верхнем, шестом этаже размещены дортуары для юношества. Центральную часть здания занимают помещения общего пользования — светлые и обширные мастерские, столовые, комнаты отдыха. В каждом фаланстере имеется больница.

Столь же детально описывает Гей и жизнь «гармонийцев». В пять часов утра, а летом даже в четыре, под звуки труб «гармонийцы» встают, одеваются и собираются в столовую для первого завтрака. Затем они приступают к сельскохозяйственным работам, которые заканчивают к девяти часам утра, дабы избежать летней жары. После второго завтрака они приступают к другим работам и занятиям, однако отнюдь не переутом-

¹¹ The New Moral World, or millenium, 1935. 28 Nov., 5, 12, 19, 26 Dec.; 1836, 2, 9, 16, 23, 30 Jan. Мы пользовались комплектом журнала, хранящимся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ляя себя. Переодевшись, «гармонийцы» к семи часам вечера собираются в обширном банкетном зале размером как манеж в Москве, где молодые девушки подают им обед. Каждый получает обед по своему вкусу, так как накануне заказывает его по особой карточке — меню. После обеда «гармонийцы» играют в бильярд, в шахматы, музицируют, танцуют, слушают лекции, читают или же гуляют в парке, играют в теннис и предаются прочим развлечениям; бывают даже театральные представления. В девять часов вечера «гармонийцы» снова собираются в обширной гостиной, где решают все текущие дела, подводят итог проделанной за день работы, получают информацию о всех новостях, поступивших извне.

«Гармонийцы» занимаются, как видим, и сельскохозяйственным и промышленным трудом, все время чередуя разные работы. Гей подробно останавливается на организации сельскохозяйственного труда в общинах, все члены которой включаются в состав различных «отделений» — по уходу за лесными деревьями, за фруктовыми садами, по виноградарству и виноделию, по заготовкам сена и лекарственных растений, по цветоводству, устройству оранжерей, пастушеству, уходу за коровами и по работе в маслодельнях, по содержанию конюшен, птичника, свинарника, шелковичных червей, ульев, рыбных прудов. Менее детально говорит он о промышленном производстве, подчеркивая лишь, что оно должно соответствовать особенностям каждой местности, как, например, в настоящее время для Лиона характерно шелковое производство, для Мюлузы — муслиновое, а для Парижа — художественные изделия. Затем он специально останавливается на изучении наук в каждой общине, где имеются «департаменты» как физико-математических и естественных наук, так и наук гуманитарных, причем в эпоху гармонии общественные науки будут носить столь же математический характер, как и прочие.

В общинах не должно существовать института брака. Мужчина не будет больше хозяином женщины, но узы истинной любви будут более прочными, чем в настоящее время. Дети будут детьми всей общины, хотя это отнюдь не означает, что родители не должны признавать своих детей, любить их и заботиться о них. Гей детально излагает систему общественного воспитания детей, на

которой мы здесь не будем останавливаться. Отметим лишь, что это система трудового воспитания, приучающая еще с малолетства к общественно полезному труду.

Отдельные общины, проживающие в фаланстерах, отнюдь не изолированы друг от друга. Наоборот, они поддерживают между собой оживленные связи. В эпоху гармонии не будет больше частной торговли, отвлекающей столь много полезных рук от сельского хозяйства и промышленного производства и носящей характер спекуляции. Будет существовать лишь «социальная торговля», т. е. обмен продукцией между отдельными общинами. Для этого обмена нет необходимости в деньгах. Цена продуктов не будет носить, как в настоящее время, произвольный характер, а будет определяться только рабочим временем, необходимым для их изготовления. Поэтому обмен материальными ценностями между общинами осуществляется лишь с помощью обменных векселей. Поскольку в эпоху гармонии производство будет приведено в соответствие с потреблением, то не будет скопления ненужных товаров и должны производиться лишь те предметы, потребление которых целиком обеспечено.

Связь между общинами не ограничивается, однако, лишь этим обменом. Из числа молодых людей формируются индустриальные армии для обширных общественных работ, непосильных для отдельных общин. При гармоническом строе человечество сумеет полностью использовать неисчерпаемые природные ресурсы. Индустриальные армии будут, в частности, добывать драгоценные металлы, железо, медь, мрамор, гранит и все полезные ископаемые. Они будут также осваивать целинные земли, осушать болота, осуществлять ирригационные работы. Члены различных общин тем легче смогут вступать в контакт друг с другом, что они будут говорить на едином, всемирном языке. Этот всемирный язык, очень легкий и простой для усвоения, будет преподаваться во всех общинах и станет, таким образом, достоянием всего человечества.

При гармоническом строе, где все владения являются общими, не только полностью ликвидируется противоречие интересов, но и упраздняются все непродуктивные профессии, неизбежные при современных общественных порядках. Не будет больше ни таможенных чиновников, ни полиции, ни солдат, ни юристов, ни судей, ни пала-

чей, так как не будет ни воров, ни преступников, ни убийц, ни бродяг. Не будет также и священников, монахов и монахинь. Не будет и каких-либо должностных лиц, «так как на земле не будет ничего, кроме общин, и каждая из них будет сама собой управлять».

Гей не только подробно описывает идеальное общество будущего, но и намечает пути его реализации. В этих целях необходимо прежде всего создать объединение, союз сторонников истинной общественной доктрины, которые должны образовать первую «гармоническую семью», отказавшись от своей собственности и передав ее в общее пользование. Такая «гармоническая семья» может быть основана, как только пожелают объединиться хотя бы от двенадцати до пятнадцати индивидуальных семейств. «Гармоническая семья» приобретет дом на окраине Парижа, где будет проживать, совместно трудиться и вести общее домашнее хозяйство. Но члены этой первоначальной общины не должны порывать своих связей с внешним миром. Более того, те из ее членов, которые имеют профессии или должности, несомнимые в будущем с гармоническим строем (как то: судьи, прелаты, военные), должны продолжать их выполнять, так как при существующих общественных порядках все эти должности необходимы, поэтому желательно даже, чтобы их занимали сторонники гармонии. «Гармоническая семья» должна вести активную пропаганду своих общественных принципов, воспитывать в этом духе порученных ей детей, помогать бедным. В результате первая община будет быстро разрастаться, что даст ей возможность отправлять экспедиции сперва во французские провинции, а затем и в соседние страны с целью основания там новых общин. Так, постепенно многочисленные гармонические общины будут созданы вначале в европейских странах, а затем и в других частях света. Одновременно будут совершенствоваться и сами эти общины. Так, первая парижская община через некоторое время приобретет обширный участок земли вне города и построит там в центре парка дворец со всеми необходимыми удобствами, т. е. уже настоящий фаланстер. Постепенно то же сделают и другие общины, и на всем земном шаре установится во всем своем совершенстве «гармонический» общественный строй. Вся земля превратится как бы в волшебный сад, посреди которого будут возвышаться

дворцы — фаланстеры великолепных и разнообразных архитектурных стилей. Железные дороги и каналы будут связывать их друг с другом. Все общины будут поддерживать непрерывную связь и с общей столицей. Эту роль будет выполнять главная община, более многочисленная, чем другие, быть может более многочисленная, чем теперешнее население Парижа или Лондона. Именно она явится центром всех наук и искусств. Именно из этого центра будет распространен новый всемирный язык, а также единая система мер и весов. Благодаря этому будет обеспечена гармония и полное единство в деятельности всего человечества.

Таково «сообщение» Гея, опубликованное на страницах «Нового морального мира», представляющее, по существу, целый трактат о будущем общественном строе. Оригинальность его заключается в попытке Гея сочетать коммунистическую систему Оуэна с распространенными в то время во Франции общественными учениями. От сенсимонизма Гей мог взять лишь немного, вроде рассуждений о всеобщей ассоциации как высшей цели исторического развития человечества, о постепенной «колонизации» всего земного шара в целях ее осуществления и т. п. Это и понятно, так как централистическую общественную систему сенсимонистов никак нельзя было органически слить с общинным коммунизмом Оуэна. Зато его легко было сочетать с учением Фурье. Ведь Фурье, подобно Оуэну, представлял себе будущее общество как совокупность отдельных общин — ассоциаций. Поэтому Гей, открыто ссылаясь на Фурье, использует целый ряд фурьеристских идей, представлений и терминов. Общежитие отдельных общин он именует «фаланстерами», используя при их описании многие идеи Фурье, — о частой смене различных видов труда, об «индустриальных армиях», осуществляющих крупные общественные работы, непосильные для отдельных ассоциаций и т. д. Даже приводимые им примеры о преимуществах коллективного ведения домашнего хозяйства заимствованы, несомненно, у Фурье. Но в то же время его общины — это не паевые производительно-потребительские товарищества, предусматривающие различный уровень жизни отдельных членов, в зависимости от их доходов от труда, таланта и капитала, а общины, в которых царит полное коммунистическое равенство. Таким образом, в своем проекте Гей исходя из коммунистиче-

ского учения Оуэна объединил идеал его коммунистических общин с теми элементами «фаланг» Фурье, с теми его идеями, в частности в области организации труда, которые не противоречили коммунистическим принципам. Так своим проектом Гей создал как бы французский вариант оуэнизма, завершив тем самым дело, начатое еще Жозефом Реем.

Не следует, однако, полагать, что проект Гея — лишь механическое сочетание идей Оуэна и Фурье. Внимательное сравнение его «сообщения», опубликованного в «Новом моральном мире», с его письмом к Фурье показывает, что он почти дословно включил в свой проект и некоторые свои собственные оригинальные идеи, изложенные еще в 1832 г. Например, его рассуждения об использовании природных богатств почти дословно воспроизводят соответствующие взгляды, изложенные им в письме к Фурье¹². Он приводит в своем «сообщении» собственную классификацию «отделений» общины, занимающихся различными видами сельскохозяйственного труда, а еще в своем письме он извещал Фурье, что составил полный перечень различных видов труда в области сельского хозяйства. Он говорит о новой единой системе мер и весов в «гармоническом» обществе, а в письме к Фурье он упоминал о разработанной им новой метрической системе. В своем проекте Гей не останавливается специально на вопросе о численности отдельных общин, но из всего контекста вытекает заключение, что он вряд ли отказался от своих взглядов, изложенных им в 1832 г. Так, например, он указывает, что центральная община, выполняющая роль всемирной столицы, будет, возможно, по численности превышать население Парижа или Лондона, из чего следует, что прочие общины, хотя и меньшие по размерам, все же должны объединять если не сотни, то, во всяком случае, десятки тысяч людей¹³. А это противоречило не только взглядам Фурье, но и взглядам самого Оуэна, который ограничивал тремя тысячами максимальную численность своих общин.

¹² Ср. *The New Moral World*, 1835, 12 décembre, p. 54 и первый вопрос Фурье, занимающий в его письме целую страницу большого формата.

¹³ Не следует забывать, что в своем письме Оуэну от 2 сентября 1833 г. он говорил о «дворцах гармонии», рассчитанных на 12 000 человек.

Став последователем Оуэна, Гей, естественно, сразу же попытался установить контакт не только с английскими, но и с французскими оуэнистами. С Жюльеном, который дал ему прочесть «Письма...» Рея и рекомендовал его Оуэну и Анне Уиллер, он был знаком до этого. Еще до своей поездки в Лондон он установил связь и с Радигелем. Вместе с ним Гей предпринял издание на французском языке в своем переводе одной брошюры Оуэна, излагавшей основные положения его учения.

Работа эта была опубликована в 1837 г. под заглавием: «Основные предложения о социальной системе общности имуществ, основанной на законах человеческой природы. Переведено с английского Жюлем Геєм»¹⁴. У Оуэна работы под таким названием не имеется. Сам Гей писал, однако, 31 марта 1837 г. Рею, что они с Радигелем собираются издать перевод работы Оуэна «Набросок рациональной системы общества»¹⁵. Характерно, что Гей изменил название брошюры Оуэна, дабы подчеркнуть уже в самом заглавии, что его система основана на «общности имущества». Предисловие к этому изложению основных принципов учения Оуэна, сформулированному в 80 пунктах, было написано Радигелем. В нем критиковались «ложные идеи», пропагандируемые «некоторыми системами» в течение последних восьми лет. Радигель недвусмысленно намекал на сенсимонизм и фурьеризм и указывал на необходимость изложить «более здравые идеи». «Об этом и подумали некоторые друзья г. Роберта Оуэна во Франции, убежденные, как и он, что система взаимного сотрудничества при общности имуществ способна обеспечить совершенство социального строя человечества». Поэтому они решили возобновить публикации для пропаганды этой системы, предпринятые начиная с 1819 г. Даже не будучи знакомы с ней, многие во Франции разделяют аналогич-

¹⁴ *Propositions fondamentales du système social de la communauté des biens, fondé sur les lois de la nature humaine. Traduit de l'anglais par Jules Gay. Paris, 1837. B. N., 8° R, Pièce 6723.*

¹⁵ В каталоге Британского музея мы находим эту брошюру Оуэна. См.: *General catalogue of printed books, v. 177, p. 593. An Outline of the Rational System of Society. Manchester (1840).* Брошюра эта не датирована. Но поскольку Гей перевел ее на французский язык уже в 1837 г., то упоминаемая в каталоге предположительная дата ее издания не является точной.

ные идеи. Это объясняется тем, что никакой другой народ не пропитан столь глубоко, как французы, чувством братского равенства, на котором зиждется учение Оуэна. Можно, конечно, спорить по некоторым вопросам, «но мы верим, что будет нетрудно договориться по основным положениям этой системы»¹⁶. Радигель явно имел в виду возможность соглашения с другими представителями коммунистической мысли во Франции.

Установив сотрудничество с проживавшим в Париже Радигелем, Гей не мог, разумеется, не попытаться вступить в контакт с находившимся тогда в Анже Жозефом Реем, книга которого сыграла решающую роль в становлении его коммунистического мировоззрения. В архиве Рея сохранился ряд писем Гея, первым из которых и было упомянутое выше письмо от 31 марта 1837 г.¹⁷ «Сын республиканских и философских идей,— писал о себе Гей,— я перешел, как и многие другие, от Кондорсе к Сен-Симону, от Анфантена к Фурье, но я не находил у этих людей тех великих принципов истины, справедливости, самоотверженности, братства, гармонии, которые я нашел у Оуэна». Рассказав о своем знакомстве с Жюльеном¹⁸ и Радигелем, о своей поездке в Лондон и установленных им связях с английскими оуэнистами, о публикации на французском языке брошюры Оуэна, Гей, считая обстановку во Франции благоприятной, излагал следующую программу действий: «Мы создадим сперва центр пропаганды; мы будем читать лекции о рациональной системе общества, об общности имущества и о кооперации, после чего мы предложим нашим друзьям создать гармоническую семью, основанную на наших рациональных принципах... Мы сорганизуемся как промышленное общество на коллективных началах и постараемся в ближайшее время развернуть нашу деятельность, как это сделали иезуиты, объединившиеся первоначально в количестве семи человек». Нетрудно заметить, что Гей намечал здесь не что иное, как реализацию плана, изложенного им в своем «сообщении», опубликованном в «Новом моральном мире» и предусматривавшем создание первой «гармонической семьи»

как необходимой предпосылки последующего социального преобразования. В заключение письма Гей просил Рея сообщить имена лиц, известных ему как сочувствующие их идеям.

В архиве Рея сохранился и черновик его ответного письма Гею от 5 апреля того же года¹⁹. Рей выражал живой интерес к проекту создания во Франции «кооперативного общества» и заявлял о своей готовности оказать Гею посильное содействие, тем более что он и сам, добросовестно изучив системы Сен-Симона и Фурье, в которых нашел, конечно, и хорошие стороны, пришел все же к убеждению, что в отношении основного принципа ассоциации лишь принцип Оуэна (т. е. коммунизм.— А. И.) может ликвидировать источник всех общественных раздоров. Далее Рей перечислял имена лиц, с которыми еще в 20-х годах надеялся создать первую оуэнистскую организацию во Франции. Он заявлял о своей готовности (дабы избежать ошибок, допущенных самим Оуэном) сообщить свою точку зрения на практическое осуществление «системы» в условиях современного общества, которые не дают возможность сразу же осуществить эту «систему» в чистом виде. Рей тем самым выражал некоторый скептицизм в отношении проекта Гея о создании во Франции первой «гармонической семьи».

Из ответа Гея, помеченного 26 мая 1837 г.²⁰, видно, что он получил от Рея еще одно письмо, до нас не дошедшее. Гей писал по поводу предстоящего выхода в свет брошюры Оуэна и возможности переиздания «Писем...» Рея, но главной темой была настойчивая просьба к Рею прибыть в Париж в связи с приездом во Францию Оуэна в сопровождении ряда лиц, в том числе Анны Уиллер.

Приезд Роберта Оуэна во Францию намечался уже давно, и Гей принимал самое деятельное участие в подготовке этого визита²¹.

¹⁹ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3980 (без нумерации документа).

²⁰ Ibid., N 54.

²¹ Поездке Оуэна в Париж посвящена специальная статья: *Gans J. Robert Owen à Paris en 1837.— Le Mouvement social*, 1962, N 41, octobre—décembre. Некоторые документы и материалы, связанные с этой поездкой, опубликованы в: *Owenisme et utopies françaises*, p. 163—171.

¹⁶ Propositions fondamentales..., p. 3—5.

¹⁷ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3980, liasse 7, N 58.

¹⁸ Именно из этого письма мы узнаем, что он был рекомендован Оуэну и Анне Уиллер Жюльеном.

Оуэн прибыл в Париж 7 июля 1837 г. и остался там больше месяца. 17 июля в его честь был дан банкет, на котором присутствовало от 200 до 300 человек и на котором председательствовал Жюльен. 25 июля на заседании французского общества статистики Оуэну была вручена золотая медаль, причем Жюльен в своей приветственной речи отмечал его заслуги как человека, «основавшего индустриальные и аграрные колонии по обширному и удачно задуманному плану». Оуэн был принят и рядом других обществ и, наконец, 2, 4, 6 августа выступил с публичными лекциями. Он имел встречи с целым рядом лиц, в том числе и с Консидераном. Очень интересно нижеследующее свидетельство самого Гея. Указывая, что сторонники общности имелись во Франции еще в XVIII в. и что наследниками и реализаторами системы «Кодекса природы» были в эпоху революции Бабеф и его друзья, Гей в своей книге «Социализм рациональный и социализм авторитарный» далее писал: «Оуэн во время своего пребывания в Париже побратался даже (avait même été fraterniser) с одним из них, старым философом Буонарроти»²². Итак, по свидетельству Гея, произошло личное знакомство между этими выдающимися представителями двух течений коммунистической мысли. Это вполне возможно, принимая во внимание, что Буонарроти умер лишь в сентябре 1837 г., т. е. уже после отъезда Оуэна.

Гей возлагал большие надежды в связи с поездкой Оуэна во Францию. В Манчестере, в архиве Оуэна, сохранились два его письма от 9 июня и 26 июля 1837 г.²³ Гей писал, что приезд Оуэна приведет к установлению сотрудничества между оуэнистами и другими социальными реформаторами. «Ваш приезд стихийно объединит вокруг нас социалистов всех партий». «Я думаю, что много сенсимонистов и фурьеристов упрочат нашу силу и что все три системы ... станут вскоре одной единой и одинаковой системой». Он упоминал и о своем намерении предпринять уже в том же году «практический эксперимент», т. е. о своем проекте организовать первую «гармоническую семью». Все эти надежды, разумеется, не оправдались. Но приезд Оуэна, несомненно, содействовал оживлению деятельности французских

оуэнистов, которых к тому времени насчитывалось не так уж мало. В ноябре Гей писал Оуэну: «Нас насчитывается по крайней мере сорок человек, и мы готовимся учредить ассоциацию». Первоочередной задачей ассоциации должно быть издание еженедельного журнала²⁴.

Действительно, вопрос о печатной пропаганде находился в центре внимания Гея и французских оуэнистов. Сперва, видимо, была предпринята попытка использовать в этих целях уже существовавший коммунистический журнал «L'Intelligence». В своем письме Рею от 13 января 1839 г.²⁵ Гей писал по этому поводу следующее: «Мы были готовы договориться с «L'Intelligence» — журналом, поддерживающим бабувистскую республику, но дух враждебности ко всем высшим или политическим классам (les classes supérieures ou politiques), характерный для этого журнала, привел к тому, что оуэнисты из числа рабочего класса, которых уже много в Париже, а также примкнувшие сенсимонисты — об этом свидетельствует имя Венсара — воспротивились такому слиянию и посоветовали нам лучше издавать на первых порах ежемесячник, но оставаться одним».

Журнал «L'Intelligence», основанный Лапоннере, не был бабувистским органом в настоящем смысле этого слова. Журнал, правда, высоко ценил Бабефа. В сентябрьском номере журнала за 1838 г. в статье «Гракхи и Бабеф» отмечалось, что Бабеф в целях излечения общества «изложил в „Трибуне народа“ принципы равенства, открыто свидетельствовавшие об искренности его убеждений и его преданности делу пролетариев». Но далее журнал делал следующую оговорку: «Мы не выскажем свое мнение о теории равных... скажем лишь, что тот, кто ищет благо, всегда заслуживает уважения»²⁶. Полтора года спустя, в статье Лапоннере «Бабеф и его система», несмотря на восхваление Бабефа, содержалась уже прямая критика его взглядов. Бабеф «отрицал прогресс и совершенствование, он хотел заключить человечество в нерушимую клетку, он замуровывал человеческий род в тупике... Будем же бабуви-

²⁴ Ibid., p. 57—58.

²⁵ Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3980, liasse 7, N 48.

²⁶ L'Intelligence. Journal du droit commun. Fondé et rédigé par Lapponneraye. 1838, septembre, p. 7—9. B. N., Le² 1431.

²² Gay J. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire, p. 33.

²³ Owenisme et utopies françaises, p. 115—166.

стами, но бабувистами прогрессивными; примем безоговорочно идеи Бабефа, но не как последнюю трансформацию, не как последний вывод демократического принципа... а как отправной пункт новой эры»²⁷. В то же время журнал, особенно в 1838 г. (а к этому году и относятся переговоры с редакцией журнала французских оуэнистов), благожелательно отзывался о других социальных теориях, в том числе и об учении Оуэна. Так, в июле 1838 г. в статье-рецензии на «Историю политической экономии» Адольфа Бланки журнал, отмечая положительную роль сенсимонизма в постановке социальной проблемы, писал: «Мы скажем то же о социэтарной системе Фурье, которая имеет то достоинство, что, так же как социальная система Оуэна, заменяет конкуренцию общностью интересов, достоинство, по нашему мнению, столь большое, что мы без колебания даем предпочтение этим двум системам над всеми, которые им предшествовали. Означает ли это, что в наших глазах Фурье и Оуэн достигли совершенства? Нет, но именно они наиболее к нему приблизились»²⁸.

Такие высказывания «L'Intelligence» и дали, очевидно, основание Гею и другим французским оуэнистам начать переговоры с редакцией журнала. Из слов Гея видно, что переговоры эти не дали результатов не по его вине, а вследствие противодействия бывших сенсимонистов и оуэнистов «из числа рабочего класса». Это сообщение Гея о распространении идей оуэнизма среди рабочих очень интересно и подтверждается другими документами. Так, в архиве Оуэна в Манчестере имеется обращенное к нему письмо от 12 августа 1837 г., написанное неким маляром (artiste peintre) Муттом со многими грамматическими ошибками. Мутт писал: «...изрядное число парижских рабочих-ремесленников (d'ouvriers artisans), проповедующих ваше учение, благодарны вам, что вы осмелились громко сказать истину». Мутт далее заявлял, что все их усилия направлены на осуществление его принципов и что они рассматривают его, если и не как мессию, то, во всяком случае, как гения, который обосновывает их правое дело»²⁹. Но, как видно из этого письма, учение Оуэна

de la 19.
voir ci-dessous
le bulletin de
la reprise.

Paris 13 Janvier 1839

Monsieur

Permettez que le Systeme Social de Robert Owen, avec ses modifications selon les besoins de la vérité et ceux de l'esprit français, tend à la réalisation ou à la pratique d'un état de fraternité entre les hommes, et qu'un bonnet en laine le plus utile à l'association humaine pour se rendre nettement compte de ce qu'elle doit opérer, nous allons former une société dans le but de publier un bonnet au moins mensuel dont le prix sera de 12 francs par an. Notre œuvre étant toute de dévouement, nous avons besoin pour l'entreprise du concours de personnes bienveillantes qui puissent que nos vues sont plus rapprochées de leurs que celles de nos collègues de la publicité. Veuillez donc bien nous dire, M^o —, s'il vous conviendrait de nous accorder votre abonnement en appuyant notre entreprise auprès de ceux de vos amis que vous croyez le plus sympathiques avec ces vœux. Nous vous prions en cas d'affirmative de nous le faire savoir immédiatement et de nous envoyer la liste des personnes avec lesquelles nous pourrions nous mettre en relation. Nous désirons votre réponse avant le 15 mars prochain, jour de la réunion dans laquelle nous discuterons le projet précis à laquelle sera publication pourra paraître.

Orsignez, M^o —, les salutations de votre dévoué

J. Gay
Secrétaire provisoire.
189, rue St-Sauveur.

Nota. Le Conseil de rédaction est composé provisoirement de
M^o Ch. de Lathuyrie Orsini, Ramon de la Sagra, —
St. Evras, St. Black, St. Lezin de Joinville, Mourse, Aubry,
Martin de Marseille, C. Orice, Vincent, Magel, ami, etc.

Monsieur Vous devriez déjà avoir connaissance par Monsieur

²⁷ Ibid., 1840, février, p. 1—2.

²⁸ Ibid., 1838, juillet, p. 6.

²⁹ Owenisme et utopies françaises, p. 170.

распространялось и во Франции, в первую очередь среди ремесленных рабочих.

Поскольку переговоры с редакцией «L'Intelligence» оказались безрезультатными, Гей сообщал в своем письме от 13 января 1839 г. Рею о решении издавать собственный журнал, прося его о сотрудничестве. К письму был приложен проспект, подписанный Геом как временным секретарем нового журнала и разосланный им, очевидно, по различным адресам. «Убежденные,—говорилось в этом проспекте,— что социальная система Роберта Оуэна с изменениями в соответствии с требованиями истины и потребностями французского духа (de l'esprit français) ведет к достижению и подлинному осуществлению братства между людьми... мы намерены организовать общество в целях публикации журнала, по крайней мере ежемесячного...». Проспект предлагал подписаться на журнал и сообщить список лиц, которые также могли бы стать подписчиками. В примечании указывалось, что в состав временного редакционного совета входят Ластейри, Рамон де ля Сагра, доктор Эвра, доктор Блек, доктор Перен из Жуанвиля, Мусс, Обри, Мартен из Марселя, Прайс, Венсар, Мазель и др.

Среди имен, перечисленных в этом списке, особое внимание привлекает имя Венсара, упомянутого Геом и в письме к Рею. Жюль Венсар (дядя известного публициста и участника революции 1848 г., с которым его не следует отождествлять), сам по профессии рабочий, был долгое время сенсимонистом и одним из первых рабочих-поэтов во Франции, называвшим себя «сенсимонистским песенником». Увлечшись затем учением Оуэна, он перешел в оуэнистский лагерь. Но как раз он и оказался одним из тех, кто противился сближению с другими коммунистическими течениями и настаивал на издании особого журнала.

Журнал этот, который должен был называться «Общность. Бюллетень социальной науки» («Communauté. Bulletin de la science sociale») ³⁰, так и не появился в свет. Дело было, очевидно, не только в отсутствии необходимых финансовых средств и достаточного количества подписчиков. Гей в дальнейшем по этому

поводу писал: «Между редакторами этой задуманной газеты не существовало полного согласия во взглядах и мнениях, и время проходило в дискуссиях» ³¹. И было это отнюдь не случайно. В сущности, это было продолжением разногласий, выявившихся еще в предыдущем году во время переговоров с редакцией «L'Intelligence». Группа рабочих-оуэнистов и бывших сенсимонистов, которую можно условно назвать группой Венсара, вскоре отмежевалась от Гея и других французских оуэнистов из числа интеллигенции.

Уже в конце 1839 г. Венсар предпринял издание собственного журнала, само название которого весьма характерно: «Народный улей. Журнал рабочих, редактируемый и публикуемый ими самими» ³². В журнале действительно печатались статьи и другие материалы, написанные лишь рабочими, с указанием их профессий. Но, как видно из перечня этих профессий, то были в основном рабочие-ремесленники, а не представители промышленного пролетариата. В журнале нашли свое отражение различные социальные учения, как сенсимонизм и фурьеризм, так и оуэнизм. В редакционной статье, опубликованной во втором номере, политическое кредо редакции журнала было сформулировано в следующих словах: «Улучшение благосостояния народа, находящегося в ужасном положении,— вот что мы хотим прежде всего и немедленно. Фактическое равенство всех членов человеческого рода — такова наша цель» ³³. На страницах журнала можно было встретить чисто коммунистические формулировки, как, например, в статье некоего Ламбера: «Каждому — работу в соответствии с его силами, всем — по их потребностям продукт общего труда» ³⁴. В то же время журнал высказывался, причем самым решительным образом, против любых форм насилия. Решающее значение в деле общественного переустройства придавалось воспитанию. Так, в статье портного Дюшой «О будущем трудящихся» говорилось: «Если мы требуем образования, то это потому, что мы рассматриваем его как необходимую предпосылку для осуществления социального возрожде-

³¹ Guy J. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire, p. 32.

³² La Ruche populaire. Journal des ouvriers, rédigée et publiée par eux-mêmes, B. N., Le², 1463.

³³ La Ruche populaire, 1840, février, p. 3.

³⁴ Ibid., 1840, juin, p. 5.

³⁰ Это название приводится Геом в письме от 21 марта 1839 г., посланном в Англию. См.: Owenisme et utopies françaises, p. 62.

ния»³⁵. Таким образом, коммунистические идеалы, которые находили свое выражение на страницах журнала, были явно не бабувистского, а оуэнистского происхождения. Впрочем, Венсар и не скрывал этого. Упомянутая выше редакционная статья являлась ответом на статью «Пресса пролетариев», опубликованную в «Journal du peuple». В этом ответе говорилось: «Если вы заметили среди нас сторонников систем Оуэна, Фурье и др., это доказывает лишь, что мы всюду искали средства, чтобы добиться лучшего, чего политика совершенно не в состоянии была нам предложить»³⁶. Самое интересное заключается в том, что в статье «Пресса пролетариев» не упоминалось имя Оуэна. Анализируя первый номер «Народного улья», статья указывала, что это если не сенсимонистский, то по крайней мере фурьеристский орган, и предсказывала, что вскоре на его страницах появятся «самые неосуществимые теории полной ликвидации собственности»³⁷. Называя имя Оуэна, редакция «Народного улья» тем самым сама указывала на одно из учений, идеями которого она руководствовалась. Имя Оуэна, притом на первом месте, упоминалось и в ответе Венсара журналу «Le Globe», в котором Венсар провозглашал Оуэна одним из возвышенных людей, посвятивших свою жизнь разработке планов лучшего социального устройства³⁸.

Орган Венсара отражал, таким образом, настроение тех самых рабочих-оуэнистов, которые до этого воспротивились сотрудничеству с журналом «L'Intelligence». Этих ремесленных рабочих, преисполненных еще мелкобуржуазными иллюзиями, привлекала как раз самая слабая сторона учения Оуэна — его «мирный» характер, отрицание необходимости революционной борьбы для преобразования общества. Это было столь очевидно, что даже «Journal du peuple» в своей вышеупомянутой статье писал: «Народные массы настроены революционно. Издание, о котором мы говорим, является, по существу, в высшей степени антиреволюционным, и, несмотря на это, оно еще претендует обращаться к народу»³⁹.

³⁵ Ibid., 1841, août, p. 9.

³⁶ Ibid., 1840, février, p. 7.

³⁷ Journal de peuple, 1839, 22 décembre, p. 1—2.

³⁸ La Ruche populaire, 1841, octobre, p. 12.

³⁹ Journal du peuple, 1839, 22 décembre, p. 1—2.

Учение Оуэна сыграло, несомненно, немаловажную роль в приобщении многих французских передовых людей к коммунистическим идеям. В годы Реставрации оно было, по существу, главным источником распространения этих идей. В 30-х годах XIX в. наряду с возродившимся бабувизмом учение Оуэна продолжало играть определенную роль в пропаганде во Франции коммунистических идеалов. Но в то же время необходимо подчеркнуть, что французский оуэнизм никогда не носил ортодоксального характера. Даже один из основоположников французского оуэнизма — Жозеф Рей и в своих «Письмах...», а тем более в своем трактате «Об основах общественного строя» пытался увязать систему Оуэна с французскими философскими и общественно-политическими традициями и новыми социальными учениями. Гей с самого начала пытался сочетать коммунистический идеал Оуэна с «приемлемыми» воззрениями сенсимонизма и особенно фурьеризма и одновременно со своими собственными оригинальными идеями. И в дальнейшем он стоял на этих позициях, о чем свидетельствует подготовленный им проспект, где говорилось, что новый журнал, который намеревались издавать французские последователи Оуэна, должен пропагандировать его социальную систему, однако с изменениями, требуемыми истиной и «французским духом».

Неудивительно, что в этих условиях не существовало непреодолимой грани между французскими оуэнистами и представителями других направлений коммунистической мысли. С одной стороны, охотно апеллировали к авторитету Оуэна лица, отнюдь не считавшие себя его последователями. С другой стороны, люди, воспринявшие коммунистические идеи через посредство учения Оуэна, в дальнейшем усваивали и другие коммунистические теории, сохраняя к Оуэну лишь дань уважения, как к одному из основоположников нового общественного идеала. Первым, в сущности, проделал эту эволюцию Войе д'Аржансон, примкнувший в 20-х годах к кружку Рея, а затем сблизившийся с Буонарроти и бабувистами. К началу 40-х годов XIX в. эту эволюцию проделал не кто иной, как сам Гей.

Это отнюдь не было случайностью. Как справедливо отмечал В. П. Волгин, «1840 год в известной мере явил-

ся поворотным пунктом в французском коммунистическом движении 30—40-х годов»⁴⁰. Промышленное развитие Франции в первое десятилетие Июльской монархии привело к обострению классово-борьбы, росту недовольства широких народных масс. Промышленный кризис 1839 г. и вызванная им безработица содействовали новому подъему рабочего движения. Широко развернувшееся в 1840 г. стачечное движение явилось наглядным тому свидетельством. Возникновение тайного коммунистического общества «Рабочие-уравнители» совпало с первым открытым выступлением коммунистов — с знаменитым коммунистическим банкетом, состоявшимся в Бельвиле 1 июля 1840 г.

Все это не могло не оказать глубокого воздействия на дальнейшее развитие коммунистической мысли во Франции. Происходит дальнейшая дифференциация между эпигонами сенсимонизма, фурьеризма и других социальных учений и поборниками коммунистических идеалов, все более выражавших идейные устремления рабочего класса. Возникают новые коммунистические учения, пытавшиеся сочетать прежние коммунистические традиции с новыми идеями, способными дать более прямой и непосредственный ответ на жгучие проблемы современности. Бурный расцвет переживает коммунистическая пресса. Все это сопровождалось усилением полемики между коммунистами-материалистами и коммунистами-«спиритуалистами», между сторонниками «мирного» и революционного преобразования общества. В этих условиях многие лица, пришедшие к коммунизму под воздействием тех или иных коммунистических учений, все более осознавали себя сторонниками не той или иной «системы», а коммунистического общественно-идеала как такового. Даже Жозеф Рей называл себя уже в 40-х годах просто «коммунистом» и призывал к объединению всех «фракций коммунистической школы».

Гей, разумеется, никогда не отрекался от Оуэна, продолжая почитать его как выдающегося мыслителя и самоотверженного борца за счастье человечества. 11 мая 1840 г. он подписал обращение, посланное из Франции «конгрессу социалистов Великобритании», организованному Оуэном и его последователями. Следует отметить, однако, что среди подписавших это об-

ращение были и многие лица, никогда не являвшиеся оуэнистами, вроде, скажем, Вильгарделя или Флоры Тристан⁴¹. Но связи Гей с оуэнистским движением все более ослабевали. Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве Оуэна его письмо от 10 августа 1846 г.⁴² Несмотря на то что Гей вполне искренне выражал Оуэну свое безмерное уважение, сообщая даже, что за четыре года до этого назвал его именем своего второго сына, из этого письма видно, что к тому времени он не знал даже точного адреса Оуэна. Он сам признавался, что не писал ему «целую вечность» и что потерял всякую связь со своими английскими друзьями, в том числе с Анной Уиллер.

Во Франции в 40-х годах носителями идей оуэнизма становятся скорее не старые оуэнисты 20—30-х годов, а новые лица. С одной стороны, как мы уже видели, оуэнизм к началу 40-х годов получил некоторое распространение в среде рабочих-ремесленников. С другой стороны, все более тесными становятся отношения между Оуэном и Кабе, которого Оуэн считал своим последователем. Несмотря на все различия между оуэнизмом и «икарийским» коммунизмом, многие французские современники были того же мнения⁴³, да и сам Кабе признавал влияние, оказанное на него Оуэном, и считал, что их принципы полностью совпадают⁴⁴. Действительно, «мирный» коммунизм Оуэна был гораздо ближе к «мирному» коммунизму Кабе, чем к каким-либо другим формам коммунизма, получившим распространение во Франции в 40-х годах XIX в.

Отход Гей от оуэнистского движения был непосредственно связан с его сближением с одним из наиболее выдающихся представителей французской коммунистической мысли того времени — Теодором Дезами.

Характеризуя коммунистическую теорию Дезами, изложенную им в его основном произведении «Кодексе

⁴¹ Owenisme et utopies françaises, p. 173.

⁴² Ibid., p. 71—72.

⁴³ Этого мнения был, в частности, и Жозеф Рей, который в своих мемуарах, упоминая о системе Кабе, писал, что ее главные основы идентичны с учением Оуэна. См.: Bibliothèque municipale de Grenoble, T. 3538, p. 188.

⁴⁴ Gans J. Les relations entre socialistes de France et d'Angleterre au début du XIXe siècle.— Le Mouvement social, 1964, N 46, janvier — mars, p. 114—117.

общности», В. П. Волгин писал, что «для истории социализма представляет большой интерес скрещение в творчестве Дезами традиции революционного бабувизма с традициями утопического социализма Фурье»⁴⁵. Но так ли это?

Для ответа на этот вопрос решающее значение имеет первая работа Дезами, которой В. П. Волгин не располагал. В 1839 г. Дезами опубликовал свою первую книгу, изложенную в форме ответа на вопрос, предложенный Академией моральных и политических наук: «Нации более продвигаются в знаниях и просвещении, чем в практической морали. Выяснить причины этого различия в их прогрессе и указать средства для его преодоления»⁴⁶. Работа эта, безусловно, свидетельствует о его знакомстве с произведениями Фурье. Но Дезами, стоявший уже твердо на коммунистических позициях, решительно отвергает наряду с другими доктринами и учение Фурье. «О вы, несчастные пролетарии, несчастные жертвы варварской цивилизации! — восклицает он. — О вы, которые заблуждаетесь, следуя по стопам Бюше и Ру, Фурье и Сен-Симона... вернитесь в лоно эгалитарной церкви, вне которой нет спасения!»⁴⁷ При этом он совершенно недвусмысленно указывает, кого он считает основоположниками теории общности. «Я не боюсь многократно повторять, что нужно прежде всего изменить социальную среду; и я не знаю никого, кто лучше проложил для нас дорогу к этому, чем Роберт Оуэн и Филипп Буонарроти». И тут же в примечании он пишет: «Система Фурье также заслуживает внимания социалиста, но к ней нужен дифференцированный подход. Я того мнения, что ее следует расчленивать и, приняв все то, что имеет отношение к экономической стороне (*la partie économique*), провозгласить полностью эгалитарное социальное учение. Но избрать в качестве главной опоры фаланстера аристократию и привилегии — значит странным образом неправильно

судить о человеческом сердце и подорвать дело в самой его основе»⁴⁸.

К этому можно добавить следующее. В 1840 г. в первом номере журнала Дезами «L'Egalitaire» была опубликована статья о современных общественных учениях. Они делились на четыре категории: 1) утилитарные учения буржуазных экономистов, 2) сенсимонистская доктрина, 3) доктрина Фурье, 4) «система Бабефа и Оуэна, или общности». В примечании указывалось: «Обычно называют Бабефа и Оуэна, потому что они были первыми, которые пытались осуществить эту теорию»⁴⁹. Подробное изложение этой последней системы («нашей теории» — по выражению журнала) должно было начаться с четвертого номера⁵⁰, но к тому времени журнал прекратил свое существование. На первом коммунистическом банкете, организованном в том же 1840 г., Дезами в своем выступлении указывал, что «самым коротким путем для достижения общего счастья является эгалитарное воспитание»⁵¹. В самом «Кодексе общности», касаясь этого вопроса, Дезами ссылается, с одной стороны, на Бабефа, Буонарроти и их товарищей, с другой — на Оуэна. «Этот знаменитый социалист разделяет мнение предшествующих: в общественном и эгалитарном воспитании он видит источник всей общественной деятельности»⁵². Три года спустя после публикации «Кодекса общности» Дезами, говоря об одной из общин, основанных Оуэном, писал: «Другая причина умножает наше рвение, а именно все возрастающий и заслуженный успех в Англии общества, совершенно аналогичного тому, план которого мы изложили. Мы имеем в виду общество взаимной кооперации Гармони-Хола (*d'Harmony-Hall*), основанное почтенным г. Оуэном»⁵³.

Не правильней ли будет поэтому сказать, что учение Дезами — синтез не бабувизма и фурьеризма, а бабу-

⁴⁵ Дезами Т. Кодекс общности. М., 1956, с. 65.

⁴⁶ Question proposée par l'Académie des sciences morales et politiques. «Les Nations avancent plus en Connaissances, en Lumière, qu'en Morale pratique. Rechercher la cause de cette différence dans leurs progrès et indiquer le remède». Déposé au secrétariat de l'Académie le 27 décembre 1838. Par. A. T. Dezamy. Paris, 1839. B. N., R. 33676.

⁴⁷ Ibid., p. 64—65.

⁴⁸ Ibid., p. 66—67.

⁴⁹ L'Egalitaire. Journal de l'organisation sociale, 1840, N 1, p. 5. B. N., 8°, Lc² 2857.

⁵⁰ Ibid., N 2, p. 48.

⁵¹ Premier banquet communiste le 1 juillet 1840. Paris, 1840, p. 6. B. N., Ld 39782.

⁵² Дезами Т. Указ. соч., с. 255.

⁵³ Dezamy T. Le jésuitisme vaincu et anéanti par le socialisme ou les constitutions des jésuites et leurs instructions secrètes en parallèle avec un projet d'organisation du travail. Paris, 1845, p. 144. B. N., Lb⁵¹ 3095.

визма и оуэнизма в его французском варианте. Если в 30-х годах коммунистическая мысль во Франции развивалась параллельно двум путям: путем распространения идей необабувизма и путем распространения идей оуэнистского коммунизма, то Дезами первый попытался объединить эти два направления коммунистической мысли. Революционные традиции и коммунистические идеалы бабувизма он синтезировал с проектом коммунистического общества, построенного на принципах общинного коммунизма Оуэна. Общины, составляющие основу будущего коммунистического общества, Дезами называл отнюдь не фалангами, а, подобно Оуэну, именно коммунами, общинами. Но при описании этих коммун он использовал некоторые идеи Фурье и его терминологию, часто даже прямо ссылаясь на него, особенно в вопросах организации труда, создания «индустриальных армий» и т. п. В этом Дезами не был оригинален. Как мы могли уже убедиться, для французских оуэнистов как раз и было характерно стремление почерпнуть из фурьеристского учения, из детального описания Фурье фаланг и фаланстеров все то, что не противоречило идеям коммунистического равенства. Сравнивая, например, «Сообщение» Гея с «Кодексом общности» Дезами, можно сразу же обнаружить целый ряд аналогичных черт. Интересно, в частности, отметить следующее. Подобно Гею, Дезами отвергал идею маленьких коммун. Возражая против «громадных размеров» коммун, Дезами в то же время считал «слишком маленькие коммуны» совершенно неприемлемыми. «Поэтому я считаю необходимым пока указать цифру в десять тысяч человек», — писал он⁵⁴.

Подобный характер общественных воззрений Дезами делает понятным сближение и дружбу с ним Гея. Мы говорим дружбу, потому что сам Гей в этом отношении совершенно категоричен. В годы, предшествовавшие революции 1848 г., пишет он, «некоторые передовые умы... исследовали социальные вопросы более тщательно, чем это делали до этого. Некоторые из этих превосходных умов уже умерли: упомянем прежде всего наших старых друзей Мея и Дезами»⁵⁵. Мы не знаем точно, когда произошло это сближение между Геем и

Дезами, и поэтому не можем ответить на ряд вопросов, и прежде всего на следующий основной вопрос: не оказало ли общение с Геем определенное влияние на окончательное формирование мировоззрения самого Дезами (что отнюдь не следует считать исключенным)? В то же время совершенно очевидно, что сближение с Дезами еще более способствовало отходу Гея от оуэнистского движения.

Своим другом Гей называет также Ж. Мея. По словам современника Виктора Бутона, близкого к революционным кругам того времени, Мей был основателем нового коммунистического журнала «L'Humanitaire», издание которого было предпринято группой примкнувших к Мею лиц, в том числе Дезами⁵⁶. Редакция журнала состояла из следующих лиц: Дезами, Гей, Шаравей, Савари, Шарассен, Паж, Фомберто и Мей⁵⁷. Сам Гей в своей книге «Социализм рациональный и социализм авторитарный» из всей коммунистической печати того времени упоминает именно о «L'Humanitaire». Хотя он и не рассказывает о своем участии в этом журнале (в этой книге он вообще не говорит о своем участии в различных коммунистических изданиях), но отзывается о нем сочувственно. Он указывает, что журнал этот был основан «простыми рабочими», которые затем были преданы суду⁵⁸. Гей далее заявляет, что хотя «юманитарии» хотели сохранить «революционные средства», но, «что касается существа идей, они примыкали к доктрине неотчетственности (детерминизма.— А. И.), поддерживаемой Оуэном»⁵⁹. Ссылка Гея на совпадения философских идей «юманитариев» с идеями Оуэна весьма характерна.

«L'Humanitaire» был журналом материалистического направления, открыто полемизировавшим со «спиритуалистами» (в частности, с другим коммунистическим

⁵⁶ Bouton V. Profils révolutionnaires par un crayon rouge. Paris, 1848—1849, p. 153, 156.

⁵⁷ Sencier G. Le babouvisme après Babeuf. Paris, 1912, p. 188.

⁵⁸ Действительно, в основании журнала приняли участие члены тайных рабочих обществ (к числу их принадлежали те же Шаравей, Фомберто и Мей), причём Шаравей, хотя не был даже вполне грамотным, подписывал журнал как ответственный издатель. О процессе, связанном с изданием журнала, см.: Sencier G. Op. cit., p. 139—197.

⁵⁹ Gay J. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire, p. 34.

⁵⁴ Дезами Т. Указ. соч., с. 116—118.

⁵⁵ Gay J. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire, p. 34.

журналом «La Fraternité») и обосновывавшим материалистическое мировоззрение, разумеется в духе материализма XVIII в. Иными словами, мировоззрение журнала полностью совпадало с мировоззрением Гея и Деза. В вышедших номерах журнала были изложены лишь общие коммунистические принципы, а конкретное описание коммунистического общества должно было быть дано в последующем. Но даже из помещенных в первых номерах журнала отдельных статей видно, что его издатели представляли себе коммунистическое общество как совокупность отдельных общин. В ответе журналу «L'Atelier» говорилось: «Мы хотим, чтобы все без исключения садились за общий стол». И далее: «Каждая община (commune) будет обильно снабжена... необходимыми для всех ее членов предметами»⁶⁰. «L'Humanitaire», однако, высказался против попыток создания отдельных коммунистических общин при существующих общественных порядках. Отвечая «L'Atelier», он писал: «Если вы понимаете под практичными людьми прежде всего тех, кто хотел бы применить свои принципы немедленно, маленькими долями, в условиях современного общества, мы не согласны с вами: этому мешают бесчисленные препятствия... не были ли мы свидетелями почти полной бесполезности опытов Оуэна, и не видим ли мы, что усилия этого благородного друга человечества не достигают никаких ощутимых результатов? Вместо того чтобы тратить миллионы на эти бесплодные попытки, он скорее достиг бы своей цели, используя их для активной и развернутой пропаганды»⁶¹.

Противоречило ли это высказывание журнала взглядам самого Гея? Очевидно, нет, так как к тому времени он разочаровался не в коммунистическом идеале Оуэна как таковом, а именно в возможности его частичного осуществления в условиях существующего общественно-го строя путем организации отдельных коммунистических общин. Не только неудачи самого Оуэна, о которых он в дальнейшем подробно говорил⁶², но и его

собственные безуспешные попытки создать первую «гармоническую семью» привели его к этому выводу. Более того, у нас есть даже основание предполагать, что упомянутый выше ответ журналу «L'Atelier» был написан именно Геем. В ответе этом имеется следующее примечание в связи с заявлением журнала о необходимости уважать брак и семью: «Вопрос о браке и семье, чтобы быть хорошо понятым, требует пространного изложения, которое мы не можем здесь дать; мы оставляем за собой право обсудить этот вопрос в специальной статье»⁶³. Но как раз эта статья и была вскоре написана не кем иным, как Геем.

Вообще говоря, судить об авторстве отдельных статей «L'Humanitaire» крайне трудно, так как все они публиковались без подписи. Все же хочется высказать следующее предположение. Не имел ли Гей отношения к известной статье о Сильвене Марешале, опубликованной в первом номере журнала?⁶⁴ Дело в том, что в дальнейшем Гей цитирует Марешала и ссылается на него. Изложенные в этой статье атенстические воззрения Марешала вполне соответствовали его собственным взглядам. В статье выражалось сожаление, что Марешаль, выдвигавший «патриархальную систему», не применил своих идей безгосударственности к «эгалитарной общности». Автор статьи рассматривал как один из наиболее важных следующий вопрос: «Может ли человек, будучи совершенным, жить в обществе без каких-либо законов и каких-либо форм правительства?»⁶⁵ А мы знаем, что именно Гей представлял себе будущее общество как совокупность самоуправляющихся коммунистических общин, без каких-либо форм государства и государственной власти.

Тесное сотрудничество Гея с Дезами нашло наиболее яркое выражение в публикации в следующем, 1842 году «Альманаха общности на 1843 г.»⁶⁶ Хотя в заголовке этого альманаха было указано, что он составлен «раз-

осуждал его планы создания кооперативных обществ как средства для перехода к «режиму общности», которые на деле лишь отвлекали общественное внимание от конечной цели.

⁶³ Gay J. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire, p. 16.

⁶⁴ L'Humanitaire, 1841, N 1, juillet, p. 4—6.

⁶⁵ Ibid., p. 6.

⁶⁶ Almanach de la Communauté, 1843. Par divers écrivains communistes. Paris, 1842.

⁶⁰ L'Humanitaire. Organe de la science sociale, 1841, N 2, août, p. 15—16, B. N., R 7674.

⁶¹ Ibid., p. 16.

⁶² Gay J. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire, p. 15—17. Гей не только констатировал бесплодность всех попыток Оуэна в организации отдельных коммунистических общин, но и

личными писателями-коммунистами», но практически все статьи в нем подписаны лишь тремя авторами — Дезами, Геом и неким Навелем⁶⁷. За подписью Гея в альманахе помещена статья «Вопрос о браке и индивидуальной семье»⁶⁸, т. е. та самая статья, которую Гея указывал, что вопрос взаимоотношения полов является одним из основных общественных вопросов. Из-за нежелания принять теорию коммунистов три четверти современных социалистов поочередно потерпели неудачу. В плачевное заблуждение впадают также те коммунисты (Гея имеет в виду Кабе), которые считают возможным сохранить почти в неизменном виде современные брачные отношения. В коммунистическом обществе, представляющем одну, единую семью, не может быть частных семей. Ведь в коммунистическом обществе не будет частной собственности и к тому же воспитание детей будет носить общественный характер. А если не будет индивидуальных семей, то к чему же публичное празднование брака, что является грубой и бесстыдной формой провозглашения союза двух уважающих и любящих друг друга лиц, а также публичное провозглашение развода, что является для них тягостным и унижительным. При системе общности мужчины будет компаньоном, братом, другом и возлюбленным, но не будет больше хозяином женщины. В результате любовные связи будут более постоянными и длительными, чем в настоящее время, так как лишь лаской и глубокой привязанностью можно будет сохранить предмет своей любви, а не принудительными узами брака. Стронники общности отнюдь не хотят ликвидировать личные привязанности, существующие в настоящее время, а, наоборот, хотят, чтобы в силу лучшей организации общества все люди имели возможность заключать еще более совершенные союзы. Хотя дети и не будут больше собственностью родителей, но никто не будет запрещать родителям общаться со своими детьми.

Статья Гея в «Альманахе общности», хотя и узкая

по содержанию и посвященная лишь одному конкретному вопросу, представляет, однако, значительный интерес. В ней нет ни прямого, ни косвенного упоминания об Оуэне и его учении, а говорится лишь о теории «коммунистов» и о «коммунистическом обществе». В то же время Гея резко нападает на Кабе и «икарийскую» разновидность коммунизма, занимая в этом вопросе ту же позицию, что и Дезами. Теоретические положения, выдвигаемые Геом в своей статье, вновь свидетельствуют о его материалистическом мировоззрении.

Мы пока ничего не знаем о деятельности Гея в последующие годы. В его письме Оуэну от 10 августа 1846 г. имеется такая фраза: «Царят (во Франции.— А. И.) такая всеобщая и полная апатия и такой большой страх в отношении всех социалистических систем, что я пал духом (je me suis découragé) и постепенно отказался от всякого общества и общения с кем-либо, кроме членов моей семьи». Можно, конечно, усомниться, насколько искренним было это заявление Гея. Ведь он хотел оправдаться перед Оуэном, которому не писал «целую вечность», дать ему какое-то объяснение, почему он порвал все связи со своими прежними оуэнистскими друзьями. Но даже если это было так и Гея действительно на некоторое время «пал духом», то длилось это недолго.

IV

Революция 1848 г. внушила огромные надежды всем социальным реформаторам, в том числе и бывшим оуэнистам. В Национальном архиве сохранилось письмо Жозефа Рея, написанное сразу же после победы революции, 7 марта 1848 г., в редакцию фурберистского журнала «*Démocratie pacifique*». Выражая надежду на победу «великих принципов», он писал, что состав Учредительного собрания будет иметь решающее значение «не только для нашей дорогой родины... но также и для всего мира, судьбы которого находятся теперь в могучих и славных руках Франции»⁶⁹.

Революция, несомненно, вновь воодушевила и Жюлью Гея. Деятельность Гея в эту эпоху подлежит еще специальному изучению. Мы знаем лишь, что его жена, Дезире, приняла самое активное участие в революции.

⁶⁷ Кстати сказать, имя Навеля встречается лишь в этом альманахе. Мы не имеем о нем абсолютно никаких сведений. Невольно возникает вопрос: а не было ли это имя чьим-либо псевдонимом, хотя бы того же Ж. Мея, подвергнутого к тому времени судебным преследованиям?

⁶⁸ Almanach de la Communauté, p. 47—62.

⁶⁹ Archives nationales, 10 AS 41, N 11.

щим примечательным разъяснением: «Подписка рассматривается нами как согласие на поддержку коммунистических принципов». В конце газеты помещено нижеследующее извещение: «Чтобы предоставить наиболее широкое место изложению нашего кредо, мы посвятили этому целиком первый номер «Коммуниста»; следующие номера будут содержать, кроме теоретических статей и корреспонденций, обзор событий за месяц в различных странах, а также литературные, научные, экономические обзоры». Но второй номер газеты, который должен был выйти в свет 10 апреля, так и не появился. Весь же первый номер, действительно, посвящен лишь подробному изложению Геом коммунистических принципов и политической программы коммунистов в том виде, как он ее себе представлял.

Эта программная декларация Гея состоит из трех разделов, озаглавленных: «Кем мы являемся», «Наши принципы», «Наши планы». Основное место занимает второй раздел, в котором дается ответ на нижеследующие вопросы: 1. Что такое общность? 2. Возможна ли общность? 3. Приведет ли общность к нищете или богатству для всех? 4. Хотят ли коммунисты отобрать у богатых, чтобы отдать бедным? 5. Уничтожит ли общность свободу? 6. Как понимают коммунисты равенство? 7. Являются ли коммунисты демократами? 8. Почему общность упраздняет вознаграждения и наказания? 9. Правда ли, что коммунисты хотят ликвидировать национальности? 10. Правда ли, что коммунисты хотят разрушить семью? 11. Правда ли, что коммунисты не хотят ни роскоши, ни изящных искусств? 12. Являются ли коммунисты атеистами и материалистами? 13. Определение выражений «прогресс», «бог», «душа», «самоотверженность», «социализм» и т. д. 14. Хотят ли коммунисты навязать свои идеи силой? 15. Граждане, не являетесь ли вы сами, случайно, коммунистами?

Программная статья Гея начинается с заявления, что о коммунизме имеются различные, часто очень ложные и совершенно абсурдные суждения. Оуэн, Пьер Леру, Кабе и другие публично изложили свои доктрины: «Пусть же нам будет позволено сегодня сделать то же, нам, которые не связываем себя с именем какого-либо человека». Таким образом, с самого начала Гей подчеркивает, что он не выступает как оуэнист или

сторонник какой-либо другой доктрины, а излагает свои собственные взгляды на коммунизм.

В статье Гея подробно изложены философские воззрения коммунистов. Человек не состоит из двух субстанций: материи и духа; душа — не особая субстанция, а одно из свойств человеческого тела. «Мы не пользуемся словом «бог», так как мы отрицаем существование личного бога, а безличному божеству мы даем название «природа»». Коммунисты не хотят алтарей. «В настоящее время в мире существует два противоположных лагеря: один, представляющий прошлое, состоит из всех тех, кто превозносит религию; другой, представляющий будущее, состоит из коммунистов». Сторонники религии хотят увековечить теперешнее состояние взаимной борьбы и конкуренции, призывая людей терпеть страдания на земле и обещая им иную жизнь на небесах. Коммунисты же хотят осуществить этот рай на самой земле. Христианство следует рассматривать как болезнь, длящуюся уже восемнадцать веков. Христианство отнюдь не принесло на землю принципы свободы, равенства и братства. Оно, наоборот, проповедовало пассивное повиновение, подавляло свободу мысли, держало людей в невежестве и суеверии. Такова цель всех церковных заповедей, призывающих подчиняться власти имущим, так как всякая власть от бога. Одна из этих заповедей предлагает, например, отдавать Цезарю — цезарево, а богу — божье, в то время как Цезарю ничего не полагается, так как он такой же человек, как и другие. Многие утверждают, что религия необходима народным массам, так как они невежественны. «Тогда почему же вы не просвещаете их? Не потому ли, что, тщательно поддерживая их невежество и их предрассудки, вы сохраняете средство эксплуатировать их в свою пользу». Возражая тем, кто считает, что народу необходима узда, Гей приводит длинную цитату из поэмы Сильвена Марешаля, в которой тот призывал не обманывать больше народ верой в бога, чтобы держать его в повиновении, а возвысить его до ранга людей.

Итак, ни христианство, ни какие-либо другие теологические системы не могут служить основой морали и истинной социальной науки. Единственная религия, достойная этого имени, эта сама наука. Социальная наука является религией братства; она учит, что нравствен-

ность всех поступков людей обуславливается их полезностью для всех и каждого в отдельности и что эта нравственность основана на знании человеческой природы, т. е. на знании человеческих способностей и потребностей. Таким образом, сама мораль становится точной наукой.

Человек по своей природе является существом общительным, он не может жить вне общества. Но единственными, истинными основами общества могут быть лишь свобода, равенство и общность. Конечно, люди не являются и не могут быть полностью одинаковыми: существуют мужчины и женщины, лица, более и менее умные, более или менее сильные. Но все эти различия вовсе не противоречат принципу общественного равенства. Принцип этот заключается в том, что все должны работать на благо общества сообразно своим способностям. Принцип равенства несовместим с какими-либо общественными привилегиями. «Между тем самой большой привилегией является собственность», поскольку она освобождает ее обладателя от самой главной общественной обязанности — труда и отдает в его распоряжение тех, кто ею не обладает, превращая их в униженных, несчастных существ, рабов голода. Если некоторые могут не работать в силу своего богатства, то в современном обществе все более обыденным становится и то, что некоторые люди хотят работать, но не находят работу и пребывают в крайней нужде. Всякое общество, где имеются лица, ничего ему не приносящие и лишь потребляющие, а также лица, желающие работать, но не имеющие эту возможность, является плохим, бесчеловечным обществом. Поэтому истинное общество может базироваться лишь на общности имущества, совместном труде, совместной жизни. Общность — это единство всей социальной организации, это объединение, гармония, согласие, мир. Общность — это участие всех людей в труде, пользовании, управлении, воспитании. Общность — это объединение всех имущества, всех доходов, всех усилий. Лишь общность способна обеспечить единство интересов вместо существующей ныне конкуренции.

Человеческое общество в своем развитии все более совершенствовалось. Если современное общество все еще является плохим, то оно все же лучше, чем было раньше, когда безраздельно царил право сильного и существовало рабство или даже людоедство. Стремление к

общности имеет древние корни. Начиная с античности и вплоть до современности многие выдающиеся философы и гении выдвигали эту идею и даже пытались ее реализовать. Революция 1793 г. провозгласила великие принципы новой общественной организации — свобода, равенство, братство. Но должны ли эти принципы оставаться лишь фикцией? Задача заключается в том, чтобы превратить их в реальность. Бонапарт считал силу паразитом, а теперь сила пара используется в индустрии, на железных дорогах, движет тысячи пароходов. Теперь существует газовое освещение, электрический телеграф и много других чудес. Науки и искусства развиваются гигантскими шагами. «Разве не ясно, что все эти материальные открытия меняют облик мира и облегчают разрешение социальных проблем, до этого неразрешимых».

Проекты коммунистов называют утопией. Действительно, на первый взгляд чудесное единство человеческого рода по сравнению с существовавшим и существующим хаосом кажется игрой воображения, своего рода идеальной целью, к которой идет человечество, без того, быть может, что оно когда-либо ее достигнет. Но более глубокое рассмотрение этого вопроса приводит к убеждению, что в настоящее время, в век прессы и железных дорог, не требуются столетия, чтобы распространить новую доктрину. «Если коммунистическая идея хороша, то софизмы не убьют ее, а преследования не помешают ее победе на счастье человеческого рода. Настоящей утопией сегодняшнего дня является не коммунизм, а химерическая и неосуществимая мечта, которую лелеют те, кто считает возможным воспрепятствовать развитию человечества на его пути к совершенству». Это такое же безумие, каким было бы безумие человека, желающего приостановить естественный рост деревьев или живых существ.

Против коммунизма выдвигают много надуманных и лживых возражений. Чтобы запугать граждан, говорят, что система общности приведет лишь к равенству в условиях всеобщей нищеты. Наоборот, этот режим создаст самые благоприятные условия, чтобы производить обильно и распределять экономно, результатом чего явится не нищета и даже не достаток, а изобилие. Часть населения не будет больше использоваться для того, чтобы держать в подчинении всех других. Не бу-

дет ни солдат, ни священников, а поскольку не будет преступников, не будет и всего аппарата правосудия. Все члены общества будут заниматься полезной работой. Рабочие, избавленные от однообразного принудительного труда, не будут больше прогуливать по два-три дня в неделю и для них не будет больше так называемых «мертвых сезонов». Утверждают, что, если не будет личного дохода, люди вообще не станут работать. Если это верно для современного общества, то в условиях общности, когда интересы всех совпадают, бездеятельность станет не только невозможной, но явится для человека подлинным страданием. Все будет производиться в крупных масштабах, по заданным образцам, что приведет к значительной экономии рабочих рук. Всюду будут использоваться самые мощные машины, самые выгодные способы производства. Коллективная организация распределения и потребления также даст неисчерпаемые выгоды. Ведь даже теперь коллективное использование мизерных средств, которое отпускает государство на содержание отдельного солдата, отдельного ученика, отдельного больного, отдельного заключенного, дает возможность кормить их лучше, чем если бы эти суммы тратились индивидуально. Какие же неисчерпаемые выгоды сулит это в условиях общности?

Утверждают, что коммунисты намерены уничтожить свободу. Коммунисты, наоборот, стремятся искоренить все виды тирании. Обязательность труда является долгом в отношении общества и отнюдь не ограничивает личной свободы, которая лимитируется лишь тем, что необходимо для обеспечения полной свободы всех других членов общества. Коммунисты являются сторонниками свободы прессы и свободы слова. Не коммунисты, а как раз их враги добиваются запрета их сочинений, хотят заткнуть им рот и запрятать их в тюрьмы, чтобы заставить их замолчать. Коммунисты решительно требуют полного освобождения женщины, требуют для женщин равных политических и гражданских прав с мужчинами. Отвечая на вопрос, — хотят ли коммунисты разрушить семью, Гей почти дословно воспроизводит (с некоторыми добавлениями) свою статью в «Альманахе общности», обосновывая необходимость и неизбежность ликвидации современной формы брака и индивидуальной семьи, связанной со всей системой частной

собственности. Он резко разоблачает все лицемерие защитников современных порядков, громко сетующих на «безнравственность» коммунистов, которые требуют положить конец продаже и покупке женщин в форме ли брака, в форме ли проституции.

Коммунистов обвиняют в том, что они противники роскоши и изящных искусств. Коммунисты хотят обеспечить полное удовлетворение физических, моральных и интеллектуальных потребностей всех людей. Они отнюдь не отвергают изящные искусства и роскошь как таковые. «Да, господа великие мира сего, мы так же, как вы, любим оперу, восхитительную музыку, пышность блестящих празднеств, богатые костюмы, мы любим хороших лошадей, хорошую еду и комфорт, мы любим далекие путешествия». Но коммунисты испытывают непреодолимое отвращение к роскоши, как ее понимают современные «крупные сеньоры», когда один из них тратит сто тысяч франков на росписи и позолоты, которые назавтра уничтожает, когда они растрачивают миллионы, чтобы осыпать золотом и бриллиантами своих любовниц, или наживают несварение желудка, лишь бы объесться блюдом, стоящим сто экю. «Мы признаемся, что эти лукулловские оргии рядом с глубокой нуждой, от которой изнемогают столь многие наши братья из-за чрезмерного труда, холода и голода, внушают нам не зависть, а отвращение».

Сельских жителей пугают, что коммунисты — сторонники раздела собственности. Такими сторонниками являются приверженцы старых идей, мечтающих поделить поровну землю. Коммунисты не только не хотят разделить имущества, наоборот, они хотят их объединить. Они не хотят отдать имущества граждан в руки правительства, так как они не хотят никакого правительства. «Мы хотим, чтобы граждане управляли сами собой. Те, которые будут занимать какие-либо должности в администрации, будут простыми счетоводами (*teneurs de livres*). Впредь, граждане, людьми должны управлять не сила, не хитрость, не (парламентское.— *А. И.*) большинство, состоящее большей частью из эксплуататоров, честолюбцев и невежд, а справедливость, истина, разум, одним словом — наука... По нашему мнению, народ может сам вести свои дела и не имеет никакой надобности ни в учредительном собрании, ни в законодательном собрании, ни в президенте республи-

ки». Но это относится лишь к будущему коммунистическому обществу. В настоящее же время коммунисты не только не являются автократами или аристократами, но даже не являются демократами, поскольку они считают, что реорганизация общества на коммунистических началах не может произойти стихийно. «Те, кто наиболее способны вести общественные дела, это не один или несколько человек, которые сводят все к личным интересам и жертвуют всем ради них, это даже не все люди, являющиеся сборищем слепцов, бредущих наугад, одурачиваемых интриганами и прохвостами. Единственные люди, способные руководить общественными делами,— это социалисты, т. е. те, кто знает истинные принципы, лежащие в основе общества, кому известны меры, которые должны быть приняты, и путь, которому надлежит следовать для осуществления этих принципов. При режиме же общности все люди будут сведущими, всем будет знакома социальная наука, следовательно, все смогут тогда с полным знанием дела совместно участвовать в руководстве обществом».

Определяя термины «коммунизм» и «социализм», Гей пишет следующее: «Для нас коммунизм — это наука, занимающаяся проблемой установления на земле всемирной общности. Коммунизм есть правильно понятый социализм. Поскольку ложно или недостаточно понятый социализм не является подлинным социализмом, коммунисты требуют исключительно для себя звания социалистов. Социализм — это искусство жить в обществе... социализм доказывает, что общность является социальной организацией, наиболее подходящей во всех отношениях человеку, живущему в обществе». Итак, социализм — это тот же коммунизм и лишь одни коммунисты и исключительно они являются подлинными социалистами. Следовательно, лишь коммунисты, владеющие социальной наукой, должны руководить обществом до его полной реорганизации.

Как же коммунисты намерены добиться своей цели? Гей отрицает, что они намерены осуществить это с помощью силы и вопреки воле большинства. Коммунисты не хотят прибегнуть к грубой силе, не пытаются побудить народ к восстанию против своих угнетателей. Сила — высший закон не для коммунистов, а для их противников. Пушки, являвшиеся последним доводом королей, являются и последним доводом всех аристокра-

тов. Именно они стремятся прибегнуть к ним, когда чувствуют близость своего конца, именно они провоцируют народ на восстание с целью его раздавить, дабы продлить таким способом свою ненавистную власть. «Мы,— пишет Гей,— не являемся революционерами, хотя и стремимся осуществить полную перемену в социальных принципах и обычаях, так как эта революция будет последней, поскольку она обеспечит счастье, истину и социальное совершенство. Настоящими революционерами являются те, кто противится универсальной общности, так как до тех пор, пока она не будет установлена, всегда будут революции». В этом смысле Гей утверждает, что коммунисты не называют себя и «людьми прогресса», так как они стремятся не к непрерывному прогрессу, а к абсолютному благу. «Общность — это, по нашему мнению, истина и совершенство в социальной науке: с этого момента невозможен никакой дальнейший прогресс в этой науке».

Каким же образом коммунисты могут, не прибегая к силе, осуществить «последнюю революцию», создать новое коммунистическое общество? Все дело заключается в том, что коммунизм до сих пор оставался без организации и в результате был бессильным. Нужно поэтому создать такую организацию. Подготовить такое объединение коммунистов может и должна газета. «Именно в этих целях мы и основали теперь печатный орган, предназначенный развивать, поддерживать и распространять коммунистическую доктрину». «Эта газета не должна быть индивидуальным делом. Она должна быть выражением общего знания и общей воли; она станет первым средством объединения коммунистов. Число ее подписчиков и название местностей, куда мы будем ее посылать, дадут возможность составить себе основанное на фактах суждение о росте нашей партии». Самые ревностные и способные подписчики станут пропагандистами идей коммунизма, каждый в своем кругу. Помещение редакции газеты должно быть одновременно и библиотекой, располагающей всеми коммунистическими изданиями и всеми необходимыми материалами для пропаганды коммунизма. «Все эти документы будут доводиться там до сведения наших абонентов, т. е. наших друзей, и наше помещение станет центром общих собраний. Могут организовываться и братские празднества, которые укрепят наш союз и будут содействовать

пропаганде наших идей». Таким путем коммунисты объединятся, создадут свою организацию. «Если сейчас, когда мы разъединены, большое число голосов поддерживает уже некоторых наших кандидатов, то, хорошо организованые, мы вскоре сумеем провести в национальное представительство достаточное большинство наших друзей, чтобы установить легальным путем единственные общественные институты, способные обеспечить счастье человеческого рода».

Новый общественный строй должен быть установлен в будущем на всем земном шаре. «В принципе человечество образует единую братскую семью. Земля в принципе — единый и неделимый домсн этой семьи». В будущем будет существовать единая универсальная республика. Но эта универсальная республика прежде всего должна быть установлена во Франции. До того как другие народы добровольно и исключительно по собственному желанию не присоединятся к ней, последняя будет скрупулезно уважать их национальные права и независимость. Таким образом, практически речь идет об установлении на первых порах «универсальной республики», т. е. новых общественных порядков во Франции. Вся территория, принадлежащая республике, составит одну, единую коммуну или общину (*commune ou communeauté*). Республика будет основана не на принципах федерализма, а на принципе единства и неделимости. Департаменты и округа будут упразднены. Останутся лишь кантоны, в которых будут проживать от 8 до 10 тыс. человек. В каждом кантоне будет построен в надлежащем месте обширный дворец, включающий зал общих собраний и другие залы общего пользования, административное бюро, школу, столовую, библиотеку, различные музеи и лаборатории и, наконец, жилые помещения для членов коммуны и престарелых граждан республики. Вокруг этих дворцов будут расположены крупные промышленные предприятия и сельскохозяйственные фермы. Республика построит сеть железных дорог, связывающих кантоны друг с другом и с общим центром. Транспорт будет даровым для всех граждан республики, так же как почтовая и телеграфная связь.

В республике будет осуществляться полное самоуправление. Ежедневно должны проводиться собрания граждан каждого кантона. Административные функции будут возлагаться на наиболее способных, не давая им

при этом никаких преимуществ. Принцип самоуправления должен применяться и в области производства. Работающие в одной отрасли производства будут сами выбирать своих начальников, которые будут располагать властью лишь в часы работы и которые могут быть в любое время заменены другими лицами. «Таким образом, трудящиеся как и все граждане, будут управлять сами собой (*se gouverneront eux-mêmes*)... Если бы начальник мастерской назначался республикой, то рабочие, как это имеет место в настоящее время, оказались бы в большей или меньшей зависимости от требований и заносчивости некоего хозяина». Длительность рабочего дня в коммуне будет в первое время 8 часов, с еженедельным днем отдыха. Члены коммуны должны пользоваться также ежегодным отпуском, продолжительность в 24 дня, который могут использовать, в частности, для путешествий. Кроме того, они могут менять местожительство по своему усмотрению.

Но на первых порах не все граждане будут входить в состав коммуны, учреждаемой в республике. Лишь должностные лица должны в обязательном порядке быть ее членами. Граждан, еще не уяснивших себе преимуществ общности, не будут принуждать войти в ее состав. До того как они сами добровольно не захотят этого, их личная независимость будет скрупулезно уважаться. Таким образом, некоторое время наряду с единой коммуной в республике будут еще существовать частные хозяйства и сохранится частная собственность как в сельском хозяйстве, так и в промышленном производстве. С граждан, не входящих в состав коммуны, будет взиматься прогрессивный налог. С них должен также взиматься значительно повышенный налог на наследство, с тем чтобы постепенно ликвидировать аморальные привилегии богатства, связанные со случайностью рождения.

Если уже в настоящее время государство имеет земельные фонды, здания, монополию на производство табачных изделий и пороха, национальную типографию, разного рода мануфактуры, оружейные предприятия и т. п., то универсальная республика сразу же должна распространить эту систему на все отрасли производства и ее предприятия должны производить все виды продукции. «Так прекратится эксплуатация рабочего хозяином: когда в любой момент трудящийся будет иметь

возможность войти в коммуны, его заработная плата повысится и вне ее». Конечно, от этого улучшения участи рабочего пострадают, а возможно, даже разорятся предприниматели, которые держатся лишь снижением заработной платы. «Но разве это может служить основанием, чтобы увековечить нужду наших братьев... и не является ли более справедливым и уместным предпочесть благополучию известного числа торговых фирм достаток и счастье, более того, даже самое существование целых слоев населения. К тому же республика будет принимать все делаемые ей предложения о покупке земель и различного рода промышленных предприятий».

Откуда же у республики окажутся средства, необходимые для основания собственных промышленных и сельскохозяйственных предприятий и выкупа земель и промышленных предприятий у частных собственников? Прежде всего республика рационально использует национальные и коммунальные имущества, недвижимую собственность и земли, которые с самого начала будут в ее распоряжении. Она немедленно ликвидирует военный бюджет, пожирающий в настоящее время два миллиона франков в день, упразднит оклады духовенству и многочисленным чиновникам государственного аппарата. Кроме того, производительность труда на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях республики будет необычайно высокой, а ведь труд — источник всего богатства. Не следует забывать также о налогах, взимаемых с частных лиц.

Республика поэтому не только сможет вести в широких масштабах сельскохозяйственное и промышленное производство, но и станет «крупным производителем» в области наук и искусств. Ученые и люди искусства будут объединены для создания художественных произведений и совместных трудов, в частности книг, посвященных всем наукам и искусствам, которые будут опубликованы республикой и разосланы по кантонам.

Таким образом, республика будет стремиться путем налоговой политики постепенно ликвидировать привилегии богатства, а также создавать необходимые предпосылки для расширения материальной базы коммуны путем выкупа земельных участков и промышленных предприятий у частных собственников, не имеющих возможности в течение длительного времени выдержать конкуренцию с коммуной. С другой стороны, должны быть

приняты меры, чтобы сделать коммуны привлекательной для всех граждан. Граждане, не входящие в коммуны, будут с самого начала пользоваться в республике некоторыми общими для всех благами — бесплатным транспортом и почтовой связью, бесплатным обучением детей, бесплатным правосудием, осуществляемым самим народом на своих собраниях. Они могут также посещать дворцы республики (т. е. дворцы, имеющиеся в каждом кантоне) для участия в общих собраниях жителей кантона, пользоваться их библиотекой, баней, местами для гуляний и т. п., помещать в дворцы коммуны престарелых и больных. Члены коммуны будут отличаться от них лишь тем, что будут обязаны трудиться сообразно со своими силами и способностями и пользоваться правом на помещение, питание и одежду согласно своим потребностям и вкусам. Жизнь в коммуне будет столь счастливой, что никто не захочет выйти из нее и вновь начать вести частное хозяйство. Наоборот, граждане, на первых порах не вошедшие в коммуны, убедившись в ее преимуществах, захотят примкнуть к ней. Таким образом, спустя некоторое время коммуны объединят все население республики. Частные хозяйства будут ликвидированы, и, следовательно, не будет больше и частной собственности. Так окончательно восторжествует новый, коммунистический общественный строй.

И всего этого можно достичь, если коммунисты сумеют убедить большинство граждан в преимуществах строя, основанного на общности. «Достаточно, граждане, чтобы вы этого пожелали и благодаря всеобщему избирательному праву, которого вас не могут лишить, все это легко осуществится».

Таково коммунистическое кредо Гея, изложенное им в газете «Коммунист». Выступление Гея относится к марту 1849 г., т. е. к тому времени, когда революция, разразившаяся во Франции в 1848 г., находилась уже не на подъеме, а переживала спад. В июне предыдущего года было потоплено в крови рабочее восстание в Париже и был нанесен решающий удар по «красным». Усиление реакции привело к избранию президентом страны Луи Бонапарта. Учредительное собрание бесславно доживало свои последние дни. В то же время в условиях все еще тяжелого экономического положения страны весной 1849 г. наблюдалось некоторое оживление революционных настроений. Годовщина февральской

революции была отмечена многочисленными банкетами, демонстрациями и столкновениями национальной гвардии с войсками и полицией. Перед лицом общей опасности происходит сближение мелкобуржуазных демократов с социалистическими течениями различных направлений. В конце февраля 1849 г. был создан объединенный комитет представителей демократической и социалистической прессы и демократическо-социалистический избирательный комитет. Вновь ожили иллюзии о возможности завоевания демократического большинства на предстоящих выборах в Законодательное собрание и проведения коренных общественно-политических реформ. В этой обстановке Гей и предпринял попытку приступить к изданию новой коммунистической газеты. Он был хорошо знаком с деятельностью демократических и коммунистических клубов 1848 г. В «Коммунисте» упоминаются «Клуб друзей народа» Распайля и «Центральное братское общество» Кабе. Мы вновь встречаем на его страницах имя старого друга Гея — Дезами. В газете говорится и о революционерах, пытавшихся сочетать новые коммунистические идеи со своими старыми проектами насильственной революции. Теперь Гей хотел изданием газеты возродить и сплотить коммунистическое движение во Франции. В этих целях он и изложил в ее первом номере свою политическую программу.

Еще в 1832 г. в своем письме к Фурье Гей признавал себя сторонником материализма и атеизма. Но нигде его философские воззрения, служившие теоретическим обоснованием коммунизма, не изложены столь подробно, как в «Коммунисте». Конечно, материализм Гея продолжал оставаться материализмом XVIII в., как и его атеизм. Недаром он ссылается на Сильвена Марешаля. Уходят своими корнями в XVIII в. и его представления о человеческой природе как основе социальной науки.

Коммунизм Гея в том окончательном виде, как он был изложен им в своей газете, уже не был оуэнистским коммунизмом, с пропагандой которого он выступал в 30-х годах. Конечно, влияние идей Оуэна сказывалось и теперь. Так, весь ответ на вопрос, почему общность упраздняет награды и наказания, является не чем иным, как изложением соответствующих разделов учения Оуэна о формировании человеческого характера под влиянием окружающей среды, исключаяющего пропове-

дуемую религиями свободу человеческих поступков и, следовательно, правомерность наказаний и наград. Отражением прежних оуэнистских идеалов Гея, преломленных сквозь призму фурьеризма, является и описание им дворцов — фаланстеров, сооружаемых в каждом кантоне для членов коммуны. Но само коммунистическое общество, описанное Геем в своей газете, — это не общинный коммунизм Оуэна, а централизованное коммунистическое общество бабувистов.

Гей решительно выступает теперь против «федерализма», за унитарную республику, рассматривая кантоны с их населением в 8—10 тыс. человек не как отдельные коммунистические общины, а как составные части единой коммуны республики. Влияние бабувизма наглядно сказывается и в его плане постепенного установления нового коммунистического строя. Создание коммуны с сохранением на первых порах и частных хозяйств, их постепенное поглощение коммуной, проведение соответствующей налоговой политики и иных мероприятий (в отношении лиц, не пожелавших сразу войти в состав коммуны), с тем, чтобы с течением времени добиться полной ликвидации частных хозяйств и частной собственности, — все это типично бабувистская концепция. Но, как и многие другие коммунисты той эпохи, Гей не мог, разумеется, оставаться на уровне бабувистских представлений в том виде, как они были изложены в книге Буонарроти. Частные хозяйства для него — это не только мелкие крестьянские хозяйства и мелкое ремесленное производство. Это прежде всего крупные капиталистические промышленные предприятия. Для их ликвидации он предусматривает ряд мер, включая и выкуп их, наряду с земельными наделами, республикой. Одновременно он намечает создание предпосылок, при которых предприниматели вынуждены были бы согласиться на этот выкуп. Это прежде всего высокая заработная плата рабочих, неизбежная в условиях существования общественного сектора — предприятий коммуны, с которыми все труднее будет конкурировать частным промышленникам. Вообще, Гей уделяет в своей статье основное внимание именно рабочим, упоминая о стремлении предпринимателей понижать их заработную плату, описывая их нужду в современном обществе, не способном даже обеспечивать их работой, говоря о вынужденной безработице и «мертвых сезонах». При

новом общественном строе, заявляет он, «прекратится эксплуатация рабочего хозяином». Конечно, Гей не дает точного определения термина «рабочий», точно так же как его друг Дезами использовал термин «пролетариат» в самом широком смысле. Но веяние новой эпохи, отличной от эпохи «заговора равных», ощущается у Гея не только в восторженном описании достижений науки и техники, расцвета машинной индустрии и развития новых средств транспорта и связи, но и в рисуемой им картине будущего общества, базирующегося не на мелком производстве, а на крупной машинной индустрии, обеспечивающего расцвет всех наук и искусств и не отвергающего даже разумную роскошь.

Усвоив бабувистскую концепцию будущего общества как унитарной коммунистической республики и план построения этого общества путем создания и постоянного расширения единой, общенациональной коммуны, Гей, однако, так и не принял бабувистскую программу завоевания власти революционным путем. Признавая, что коммунистическое преобразование общества может быть осуществлено лишь в том случае, если власть будет находиться в руках коммунистов, он все свои надежды возлагал, однако, на всеобщее избирательное право. Он прекрасно понимал, что господствующие классы, дабы продлить свою власть, всегда готовы прибегнуть к силе и даже спровоцировать народ на восстание, с тем чтобы легче его подавить,— явный намек на июньские события 1848 г. Но «последнюю революцию» он все же представлял себе в форме завоевания коммунистами большинства в «национальном представительстве», т. е. завоевания ими власти легальным, парламентским путем.

Заявляя, что коммунисты не являются «демократами», так как считают, что до завершения преобразования общества они, и только они, должны им руководить, он в то же время решительно отвергал в будущем любые формы государственной власти. Его «универсальная республика» полностью построена на принципах самоуправления. Все это явно перекликается с идеями, нашедшими свое выражение еще в «L'Humanitaire», в статье, посвященной Сильвену Марешалю. В отрицании совместимости коммунизма с институтом брака и индивидуальными семьями Гей тоже придерживался своих старых воззрений, изложенных в «Альманхе общности».

В «Коммунисте» привлекают особое внимание некоторые высказывания, представляющие значительный интерес. Гей не только приветствует научно-технические достижения, но и считает, что именно эти «материальные открытия» и «облегчают разрешение социальных проблем, до сих пор нерешенных». Гей доходит таким образом до мысли, что именно развитие производительных сил в первые десятилетия XIX в. и создает необходимые предпосылки для осуществления коммунистического преобразования общества, о котором уже давно, но тщетно мечтали лучшие умы человечества. Он особо подчеркивает необходимость сплочения коммунистов в единую организацию, без чего невозможно завоевание ими политической власти. Весьма оригинальна и его мысль о газете как о «первом средстве объединения коммунистов», о роли коммунистической газеты в деле сплочения коммунистов, создания ими своей «партии».

V

Каковы были политические настроения Гея после поражения революции? Определенный ответ на этот вопрос дает находящееся в Национальном архиве дело о предоставлении ему разрешения на издание и продажу книг⁷². С этой просьбой Гей повторно обращался в 1851 г. Сперва ему было в этом отказано на основании докладов префекта полиции, в которых отмечалась его политическая неблагонадежность. В одном из этих докладов мы читаем: «Он сделался сенсимонистом, чтобы понравиться своей жене, которая в некотором роде помешанная и которая проявила большую экзальтированность во время февральской революции». В другом докладе специально подчеркивалось, что Гей являлся издателем газеты «Коммунист». Лишь после заверений Гея, что он не будет издавать политических книг, ему было в 1852 г. предоставлено право на издание и продажу научной и технической литературы. Однако в этой связи префект полиции 30 апреля 1852 г. писал: «Из нового расследования, которое я предписал произвести, вытекает... что первоначальные справки, представленные о Гее, являются точными. Уверяют только, что он больше не занимается политикой, но добавляют, что, несом-

⁷² Archives nationales, F¹⁸ 2170.

ненно, это объясняется тем, что настоящее время не является для него благоприятным».

Это заключение полицейских агентов было безусловным верным. Гей так никогда и не отрекся от своих общественно-политических убеждений. В 1868 г., накануне крушения Второй империи, он опубликовал в Женеве свою книгу «Социализм рациональный и социализм авторитарный», на которую мы много раз ссылались. Действительно, эта книга представляет значительный интерес с точки зрения содержащихся в ней биографических сведений о пройденном им пути, о его связях и знакомствах. В ней мы находим и следующую довольно точную характеристику классового смысла событий, разыгравшихся во Франции в период революции 1848 г.: «Революционеры и реакционеры вели открытую войну друг с другом. Последние возбуждали сельское население и класс буржуазии против первых и, утверждая, что те добивались раздела земель, давали им прозвище разделителей (*partageux*), прозвище абсурдное, поскольку, если оно и подходило к кому-либо, так это к собственникам, разделившим между собой все земли и имущества, а не к социалистам, которые добивались их объединения в общем фонде. Но страх не рассуждает: буржуа, крестьяне и собственники объединили все свои силы против революционеров-социалистов, число которых на деле не было значительным. Они их раздавили и, дабы помешать им вновь оправиться, жестоко подавили свободу и возвели на трон Наполеона III, считая его более способным, чем даже шоньского победителя Кавеньяка, заковать навеки мысль и предотвратить социальную эмансипацию»⁷³.

В этой книге Гей вновь детально излагал и обосновывал свой идеал коммунистического общества, приводя иногда дословно выдержки из «Коммуниста». Отметим, что теперь Гей уже полностью отказывается от идеи фаланстера. Он не только указывает, что развитие сети железных дорог делает нецелесообразным маленькие общины Фурье и Оуэна, он не только определяет число жителей кантона в 55—60 тыс. человек, но и предусматривает в его центре не единый фаланстер, а город, состоящий из многочисленных зданий, в том числе и промышленных предприятий, которые уже в

«Коммунисте» он выносил за пределы дворца-общезития. В середине XIX в. в условиях расцвета машинной индустрии было, конечно, невозможно мыслить себе концентрацию всего производства в пределах одного здания. Единственной реминисценцией прежних проектов являлся план создания в кантональных городах крытых улиц-галерей, соединяющих друг с другом отдельные здания⁷⁴. Гей вновь ратовал за полную и окончательную ликвидацию любых форм государственной власти, отрицая любую выборную иерархию и сводя проблему управления к вопросу организации простого учета⁷⁵.

Но мы не станем подробно излагать содержание последней книги Гея. Вышедшая в свет год спустя после опубликования первого тома «Капитала» К. Маркса, она была уже безнадежно устаревшей. Изложенные в ней утопические проекты не могли уже играть никакой положительной исторической роли. Гею так и не удалось связать свою судьбу с передовой научной теорией коммунизма. В Женеве он вместе с женой примкнул к бакунистскому «Альянсу социалистической демократии», превратившемуся в женевскую секцию Первого Интернационала⁷⁶. Его анархистские взгляды на государство и государственную власть с логической неизбежностью привели его к сближению не с марксизмом, а с бакунизмом.

Но для нас интересен не «поздний» Гей, а Жюль Гей 30—40-х годов XIX ст. Несмотря на свое твердое убеждение, что теоретической основой коммунизма может быть лишь «социальная наука», что коммунизм, им проповедуемый,— не утопия, а результат исследований и научных выводов, Гей был, разумеется, типичным утопистом. Не уяснив подлинных законов общественного развития и исторической роли пролетариата, он мечтал о примирении классовых противоречий и «братстве» всех людей в условиях общности. Но К. Маркс недаром относил Гея наряду с Дезами к числу «более научных коммунистов» среди других представителей французского утопического коммунизма. Диалектический материа-

⁷⁴ Ibid., p. 160—165.

⁷⁵ Ibid., p. 158—160.

⁷⁶ Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français, vol. 11, p. 247, 249.

⁷³ Gay J. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire, p. 35.

лизм был, конечно, ему неведом. Но все же он обосновывал коммунизм исходя из последовательного материалистического мировоззрения. Он постепенно пришел к некоторым правильным выводам, непосредственно связывая возможность построения коммунистического общества с развитием машинной индустрии, с бурным ростом производительных сил. Одной из основных задач общественного переустройства он считал освобождение рабочих от эксплуатации. Это общественное переустройство, полагал он, возможно достичь мирным путем, не применяя насилия. Но, если в период своего увлечения оуэнизмом он был далек от политики и возлагал все надежды на организацию образцовых коммунистических общин, в дальнейшем его позиция резко меняется. Он не только считает теперь невозможным создание в условиях современных общественных порядков отдельных коммунистических оазисов (идею таких «отдельных ассоциаций» он решительно осуждал и в «Коммунисте»), но и признает необходимость политической борьбы для осуществления коммунистических идеалов. Более того, в эпоху революции 1848 г. он приходит к убеждению, что необходимо сплотить коммунистов в единую организацию для завоевания ими власти и осуществления общественного преобразования. Коммунизм в представлении Гея был отнюдь не грубым уравнильным коммунизмом, а коммунизмом, основанным на крупном общественном производстве, обеспечивающем изобилие и возможность всеобщего удовлетворения не только материальных, но и духовных потребностей всех членов общества.

Жюль Гей не был самостоятельным теоретиком, не создал и не мог создать никакой школы. Но его жизненный путь был весьма поучителен и тесно связан с путями развития французского утопического коммунизма. После кратковременного увлечения сенсимонизмом и фурьеризмом он пришел к коммунистическому идеалу через оуэнизм, содействовавший распространению во Франции коммунистических идей. В дальнейшем, в 40-х годах XIX в., под несомненным влиянием обострения общественно-политических противоречий, обусловленных социально-экономическим развитием страны и ростом рабочего движения, Гей предпринял попытку сочетать положительные стороны учения Оуэна с необабувизмом. Сохранив многое из философской концепции, этического учения и общественных воззрений Оуэна, он в конечном

счете пришел к идеалу унитарной коммунистической республики. Его коммунизм принимает характер конкретной политической программы, для пропаганды которой он пытается даже наладить издание газеты. Гей, называвший себя теперь просто коммунистом, становится в период революции 1848—1849 гг. одним из тех «красных», которые внушали столь сильный страх и ненависть буржуазии и собственническому крестьянству, объединившимся перед лицом «красной опасности» и поспешившим вскоре ликвидировать республику и возвести на престол Луи Бонапарта.

Если французский утопический социализм и коммунизм является одним из источников марксизма, то уже одно это обуславливает необходимость его всестороннего и глубокого изучения. А подобное изучение предполагает знакомство не только с различными социалистическими и коммунистическими «школами» — сенсимонизмом, фурьеризмом, бланкизмом, «икарийским» коммунизмом и другими, но и с деятельностью многих лиц, не примкнувших бесповоротно ни к одной из них, но активно пропагандировавших коммунистическое мировоззрение. К числу таких лиц и принадлежал Жюль Гей.